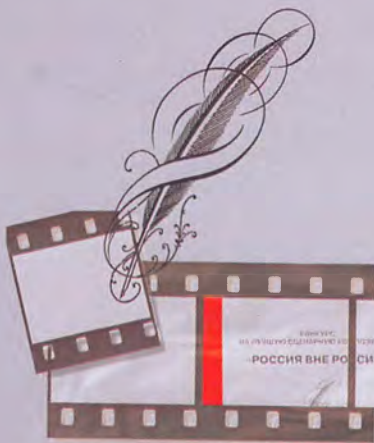

АртЛинкИнтер

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КОМПАНИЯ «АРТЛИНКИНТЕР»

КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ СЦЕНАРНУЮ КОМПОЗИЦИЮ
«РОССИЯ ВНЕ РОССИИ»

Москва
2008

Министерство культуры Российской Федерации

Компания «АртЛинкИнтер»

Конкурс на лучшую сценарную композицию

«Россия вне России»

Москва, 2008

Исключительные права на произведения, вошедшие в настоящий сборник, а также на сам сборник, принадлежат указанным в сборнике авторам соответствующих произведений и ООО «АртЛинкИнтер». Телефон: +7 (495) 542-87-84, E-mail: kino-2007@yandex.ru, www.kinocontest.ru

Использование опубликованных в настоящем сборнике произведений и/или отрывков (фрагментов) из них запрещено. Любое несанкционированное воспроизведение, копирование, переработка, публичное исполнение, передача в эфир, сообщение для всеобщего сведения по кабелю, доведение до всеобщего сведения, постановка в качестве аудиовизуального или иного постановочного произведения, а также иное использование влечет гражданско-правовую (в размере до 5 миллионов рублей) и иную ответственность.

Юридическую защиту исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, опубликованные в настоящем издании, осуществляет Московское бюро Коллегии юристов СМИ.

Контактная информация: 119009, Москва, Никитский бульвар, дом 8 «а»; телефон: +7 (495) 798 4745; факс: +7 (495) 202-06-90; E-mail: fk@i-law, ruwww.i-law.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Председателя жюри конкурса И.Рубановой	4
Информация о конкурсе	5
Участники конкурса	7

Сценарные композиции игрового кино

<i>Дмитрий Ищенко. «Черные копатели»</i>	10
<i>Дмитрий Долинин, Нийоле Адоменайте.</i>	
«Призрак Александра Вольфа»	20
<i>Павел Панов. «Лютов дом»</i>	36
<i>Раиса Мустонен, Сергей Пронин. «Клубника без сахара»</i>	50

Сценарные композиции неигрового кино

<i>Илья Рубинштейн. «За Парагвай, за Родину, за веру...»</i>	76
<i>Антон Васильев. «На разных берегах»</i>	94
<i>Юрий Кузавков. «Иван Шмелев. Пути земные»</i>	110
<i>Павел Сиркес. «Сквозь время: Нурпеисов и Казаков»</i>	119
Информационные партнеры и спонсоры	136

РОССИЯ – В НИХ!

В нынешнем, 2008 году, сценарный конкурс, по традиции сопровождающий фестиваль фильмов преимущественно исторической тематики, проводился под девизом «Россия вне России». За несмолкаемым словоговорением политиков и публицистов, в пылу решительной готовности так называемых патриотов сохранить «Россию для русских» от всеобщего внимания ускользает трагическое обстоятельство: Россия вытекает из России. Предшествующие изгнания были насильственными, теперь наступил исход по выбору.

Само название конкурса говорит о том, что в нем принимают участие сценарные заявки и сценарии о наших соотечественниках в других странах и их контактах с другими народами, в самых разных формах и при разнообразнейших обстоятельствах. Средствами игрового кино и в формах кино документального представлены драматические судьбы эмигрантов первой волны, выданных с родины большевизмом (игровой «Призрак Александра Вульфа», авт. Д. Долинин, Н. Адоменайте; документальные «За Парагвай, за Родину, за веру!», авт. И.Рубинштейн и «Иван Шмелев. Пути земные» авт. Юрий Кузавков), и нынешние неуклюжие, и, как правило, нелепые попытки устроить новую жизнь на чужой земле («Лютов дом» авт. П.Панов; «Клубника без сахара» авт. Р. Мустонен, С.Пронин). Не раз и не два в присланных работах слышалась тревожная нота о трудностях контакта соотечественников с людьми из других стран. Возможно, острее всего она звучит в сценарной заявке мурманского журналиста Д.Ищенко «Черные копатели».

...Наш народ долго испытывал неутоленную тоску по мировой культуре. Теперь ему предстоит залечивать раны изоляции.

Ирина Рубанова

**Оргкомитет конкурса на лучшую сценарную композицию
«Россия вне России»**

Художественный руководитель – киновед, историк кино
Сергей Лаврентьев

Продюсер – **Дина Медведева**

Директор – **Вилена Арцруни**

Председатель жюри

киновед, кандидат искусствоведческих наук **Ирина
Рубанова**

Члены жюри

- кинокритик, киновед и сценарист **Эльга Лындина**;
- кандидат искусствоведения, главный редактор газеты «СК-Новости», ответственный редактор журнала «Киноведческие записки» **Дмитрий Салынский**;
- кинорежиссёр, сценарист, актер **Борис Яшин**;
- киновед, театральный критик, заведующая отделом киногазеты «Культура» **Светлана Хохрякова**

По итогам голосования жюри по разделу **«Лучшая сценарная композиция игрового кино»** первое место (ex aequo et bono) поделили две работы: **«Призрак Александра Вольфа»** – автор **Дмитрий Долинин**, при участии **Нийоле Адоменайте** (г. Санкт-Петербург), и **«Черные копатели»** – автор **Дмитрий Ищенко** (г. Мурманск).

Первое место в номинации **«Лучшая сценарная композиция документального кино»** получила работа **«За Парагвай, за Родину, за веру...»** – автор **Илья Рубинштейн** (г. Москва).

Специальным дипломом жюри отмечена документальная композиция **«На разных берегах»** **Антон Васильева** (г. Москва).

Награждение победителей состоялось в Москве 22 октября 2008 года.

**На конкурс поступили 52 игровые и 13 документальных
композиций
из 20 городов России следующих авторов:**

1. Акрамовский Игорь Николаевич (псевдоним – Игорь Вешний) (г. Москва)
2. Алеников Владимир Михайлович (г. Москва)
3. Антонова Елена Анатольевна (г. Тула)
4. Васильев Антон Сергеевич (г. Москва)
5. Визильтер Вилий Семенович (МО, пос. Ашукино, Пушкинский р-н)
6. Винокуров Александр Леонидович (Калининградская обл. г. Балтийск)
7. Власова Татьяна Леонидовна (г. Новосибирск)
8. Гоник Владимир Семенович (г. Москва)
9. Григорьев Владимир Николаевич (г. Санкт-Петербург)
10. Гуськов Альберт Игоревич (г. Красноярск)
11. Детков Александр Генрихович (г. Москва)
12. Диксон Лилиан Годфреевна (псевдоним – Оксана Елпаева) (г. Москва)
13. Долинин Дмитрий Алексеевич при участии Адоменайте Нийоле Винцовны (г. Санкт– Петербург)
14. Зеликовский Вадим Владимирович и Ситников Андрей Юрьевич (г. Санкт-Петербург)
15. Зернов Алексей Борисович и Головенкин Георгий Станиславович (г. Москва)
16. Зуев Виктор Павлович (г. Москва)
17. Ищенко Дмитрий Вячеславович (г. Мурманск)
18. Казарина Анна Андреевна (Новосибирская обл., пос. Зыково)
19. Калько Александр Владимирович (г. Москва)
20. Киссинджер Генриетта Александровна (г. Выборг)
21. Кузавков Юрий Михайлович (г. Воронеж)
22. Лобков Борис Маркович (г. Москва)
23. Лоевский Олег Соломонович и Бартенев Михаил Михайлович (г. Екатеринбург)

24. Мадорский Анатолий Григорьевич (г. Москва)
25. Мильков Алексей Леонтьевич (МО, г. Троицк)
26. Минаев Савва Григорьевич (г. Санкт-Петербург)
27. Мустонен Раиса Генриховна и Пронин Сергей Сергеевич (г. Петрозаводск)
28. Панов Павел Дмитриевич (г. Санкт-Петербург)
29. Пашолок Мария Михайловна (г. Москва)
30. Петрова Юлия Сергеевна (г. Санкт-Петербург)
31. Писаренко Дмитрий Иванович (г. Москва)
32. Потапова Людмила Николаевна (г. Санкт-Петербург)
33. Пустовойтова Елена Алексеевна (г. Реутов)
34. Ремизова Евгения Михайловна (г. Москва)
35. Романовский Андрей Станиславович (г. Москва)
36. Рубинштейн Илья Иосифович (г. Москва)
37. Румянцева Анна Евгеньевна (г. Санкт-Петербург)
38. Салтуп Григорий Борисович (респ. Карелия, г. Петрозаводск)
39. Серов Виктор Афанасьевич (г. Новосибирск)
40. Сиркес Павел Семенович (г. Москва)
41. Сони́на Лариса Владиславовна (г. Челябинск)
42. Суты́рин Владимир Алексеевич (г. Екатеринбург)
43. Федотов Сергей Вадимович (г. Москва)
44. Фетисов Павел Борисович (г. Москва)
45. Харин Юрий Леонидович (г. Москва)
46. Харламов Юрий Ильич (Ростовская обл., село Генеральское)
47. Хорт Александр Николаевич (г. Москва)
48. Хрущев Роман Сергеевич (Тульская обл. г.Новомосковск)
49. Чочиев Виктор Александрович (МО, г. Жуковский)
50. Шмагин Николай Николаевич (г. Москва)
51. Юсубова Анастасия Ивановна (г. Мегион, Тюменская обл.)

**СЦЕНАРНЫЕ КОМПОЗИЦИИ
ИГРОВОГО КИНО**

ЧЕРНЫЕ КОПАТЕЛИ

Михаил Шуров и не заметил, как стал «черным копателем». Еще неделю назад был простым поисковиком, а теперь – «черный»...

Да, его старшие товарищи уже давно торговали старым оружием, орденами, амуницией, найденными на местах боев Второй мировой. Но он никогда в это не ввязывался. Хотя и понимал, что ценится больше всего.

А больше всего ценились немецкие боевые жетоны. Каждый был пронумерован и зарегистрирован, а потому и людей по ним искать было проще. И, кроме того, в Европе за такие находки платили настоящей валютой. Просто медальон – 100-200 Евро. Если удавалось по нему кого-то найти, то и цена вырастала в несколько раз.

Сказать по правде, раньше Мишка медальоны никогда не находил. Не везло. Но в этот раз копнул землю и сразу нашел останки человека. Слово они ждали именно его. Мишка наклонился, посмотрел, землю в стороны раскидал, и мелькнула между костей ржавая капсула.

Мишка достал ее и точно почувствовал, что взял в руки чью-то чужую судьбу. И вроде как выходило, что теперь Мишка за эту судьбу несет персональную ответственность.

– Он твой... – сказали подошедшие к Мишке товарищи, которые копали землю на соседних сопках. – Теперь есть, чем торговать.

Они сказали. Он согласился. Так и стал «черным копателем».

Мишка повертел капсулу в руках, перекурил, сидя на валуне, и принялся перекладывать кости в мешок, пока красное солнце еще не село за оранжевые, уже осенние сопки.

Малгожата Крайнова – обычный представитель эпохи девяностых и даже нулевых. Польша вступила в Евросоюз, когда девочка заканчивала школу. Про советские войска под Лодзью она помнила разве что по рассказам матери да своим детским играм. Но сейчас всех советских, естественно, называла не иначе как оккупантами. Впрочем, гово-

рила она об этом как-то без особой злобы. Скорее, за компанию с товарищами. В конце концов, давно все это было: Варшавский договор, война и все такое. По крайней мере, у нее все это ушло куда-то на периферию памяти.

Вот и сносить русский памятник на городском кладбище она пошла, скорее, из любопытства. Михалек позвал. Это ее парень. А делать все равно было нечего, вот и пошла. И, кроме того, сейчас все говорят про избавление от наследия старого режима, так почему бы в этом не поучаствовать лично, раз уже все говорят?

Запаслись баллончиками с краской, монтировками и ломami. Погрузили все это в старый фургон и приехали на кладбище под покровом сумерек.

Хотели сразу все выгрузить, но Михалек приказал подождать, пока побольше стемнеет.

– Не будем нагнать... – рассудительно произнес он.

Пока сидели в фургоне в ожидании политической акции, дурачились и пили пиво. А когда стемнело, в военной части кладбища разбили несколько надгробий, у памятника неизвестному советскому солдату отбили голову, а потом разукрасили бетонные плиты разноцветными граффити.

Как удалось выяснить Мишке, найденный медальон принадлежал некоему Сигмунду Спелкьявику. Пришлось покопаться в архивах, изучить не одно дело, запросить справки из других городов и других стран, поторговаться за оказанные услуги. Так информация о Спелкьявике постепенно все больше становилась товаром. Сведения проверили и подтвердили, хотя и выглядело все немного странно. Да, был такой Сигмунд, поляк, воевал в частях вермахта, погиб где-то на полуострове Рыбачем, под Мурманском, на хребте Муста-Тунтури в октябре 44-ого.

Станным – потому, что польских солдат в частях вермахта толком-то и не было. Тем более, на полуострове Рыбачий, где воевали, в основном, даже не немцы, а горные австрийские егеря. Как среди них оказался Сигмунд, Мишка так толком и не понял. Но, в целом, время не было потрачено напрасно. И, в надежде на достойное вознаграждение, он написал в Польшу.

Пробуждение после шабаша на кладбище у Малгожаты было малоприятным. От пива болела голова, тошнило, а тут еще и в полицию вызвали. Оказывается, там были установлены камеры видеонаблюдения, и по записям нашли погромщиков. Пришлось от похмелья мучиться в камере предварительного заключения. Хорошо еще, что там продержали недолго. Пожурили немного, составили протокол и отпустили.

А когда Малгожата пришла домой, в почтовом ящике лежало письмо из России.

Особого доверия письмо не вызвало. Какой-то русский утверждал, что нашел останки ее деда и говорил, что скоро приедет в Польшу по своим делам. Но заодно может встретиться с ней и обговорить цену вопроса.

Так и было написано: «цену вопроса».

«Свои дела» в Польше у Мишки – это перегон автомобиля. Предложили – он согласился. Для пробы. Деньги-то все равно нужны.

Знакомые пообещали свести с надежными людьми, обеспечить поддержку и связи. Перед поездкой Мишку ввели в курс дел, рассказали, что, где, сколько. Что имеет смысл делать, а что – ни в коем случае. Объяснили, что машины идут, в основном, из Германии, но туда лучше не соваться. Брать надо то, что предлагают по цепочке уже в Польше. Навар здесь чуть меньше, но в Германии – своя мафия, а лишние конфликты никому ни к чему.

На письмо из России Малгожата не ответила. Замоталась, забегалась, да и особого желания не было. Тем сильнее удивилась, когда ей домой позвонил странный русский и на плохом английском еще раз рассказал про найденного деда. И предложил встретиться.

Малгожата подумала, чуть сомневаясь, а потом неожиданно согласилась:

– Хорошо, в три часа, на перекрестке Висловской и Солидарности...

Парень ее возраста подъехал к кафе на неновом «Мерседесе» с немецкими транзитными номерами. С виду – вроде даже ниче-

го, чуть смешной и рассеянный в непривычной для себя обстановке. Так что, когда он вошел в кафе, Малгожата подняла руку и пода-ла ему знак.

Поначалу разговор шел как-то кисло. Поздоровались, обменялись фразами ни о чем.

Говорили по-английски. Малгожата подумала, что у парня про-изношение плохое, но болтает он почти свободно. И особо не стес-няется.

Когда принесли кофе, она наконец-то спросила, что у него есть про деда.

Парень полез к себе в рюкзак, долго там копался, приговаривая что-то по-русски, и наконец-то достал пачку ксерокопий.

Малгожата с трудом разбиралась в плохо пропечатанных ли-стах. Парень помог ей.

– Сигмунд Спелквьяк, 1911 года рождения, родился в Познани, воевал в армии Людовой, пропал без вести, возможно, перебежчик.

Большую часть Мишка читал по-русски, без перевода. Малгожа-та слушала молча, не прерывая.

Неожиданно он остановился и посмотрел на девушку:

– А это последнее письмо Сигмунда, неотправленное, нашел ря-дом с ним, в железной коробке. Считаю, больше шестидесяти лет пролежало...

Он произнес это по-русски и заметил, что у девушки блестят гла-за, а протянутая рука едва заметно дрожит. Так Мишка понял, что девушка вполне понимает по-русски.

«Дорогая моя Кристина, как тут холодно, если б ты знала! Ве-тер пробирает до костей, а полярная ночь висит над нами кругло-суточно, точно колпак, из-под которого, кажется, не вырваться ни-когда.

У нас постоянные перестрелки с русскими. Они – по нам в пу-стоту, мы – по ним. У штабистов это называется позиционная вой-на. Но я чувствую, скоро она закончится, нельзя же так вечно си-деть друг против друга. Я называю это холодной войной, или, еще лучше – замороженной. У нас – уже нет сил идти вперед, у рус-

ских – пока нет сил, чтобы выбить нас отсюда. Но они у себя дома, и рано или поздно силы у них появятся. А пока мы сидим в окопах и мерзнем. И самое страшное – это осознание того, что в данной ситуации от тебя уже ничего не зависит. Ты не можешь сделать ни шага вперед, ни шага назад. И ты вынужден просто сидеть и ждать своего часа и уповать на небеса, которые только и могут тебя спасти.

Береги себя и Агнешу. Мне очень хочется увидеть вас, и я верю, что мы еще будем счастливы. И еще я все-таки верю, что при всей абсурдности происходящего во всем этом должен быть какой-то смысл. Нам он пока не понятен, но, возможно, ему суждено проявиться позже? Когда-нибудь. Может быть, уже в судьбах наших детей и внуков.

Береги наше будущее. Я верю в него, в наш разум и наше спасение.

Твой Сигмунд».

Пожалуй, только сейчас Малгожата поверила, что все это правда. Агнешка – ее бабка, Кристина – прабабка, Сигмунд – прадед, который пропал на войне.

– Вы знаете, как он погиб? – глядя перед собой, спросила девушка.

Мишка помолчал, подбирая слова:

– Мы сверили дату, указанную на последнем неотправленном письме, и ход боевых действий... Скорее всего, он погиб от шальной пули. Кто-то выстрелил наугад, и попал в него... А может, это уже был штурм хребта Муста-Тунтури... – потом зачем-то уточнил из курса истории. – Война приближалась к концу, а это был «десятый сталинский удар».

Потом подумал, что про «сталинский удар» Малгожата, пожалуй, не поняла.

На следующий день девушка перезвонила Мишке:

– Чего вы хотите?

Ее звонок застал Михаила в автомобильной мастерской, где ему перебивали номера на «Мерседесе». Он видел, что происходит, но

делал вид, что не понимает: в случае чего так будет проще находить общий язык с полицией.

Мишка вышел из ангара на улицу:

– Я могу передать все документы вам... Передать оригиналы... Можем организовать транспортировку останков. Если есть желание, можете приехать в Россию, на места боев...

Произнося эти слова, Мишка все не мог решить, как же сказать про деньги, которые он рассчитывал получить за работу. И, в конце концов, так их и не произнес.

Девушка выслушала молчала, а потом решительно спросила:

– Сколько это будет стоить?

И опять Мишка точно обо что-то споткнулся:

– Там разберемся...

На том и договорились созвониться.

Малгожата положила трубку, и тут же раздался еще один звонок.

Это был Михалек. Сказал, что сегодня снова собирается совершить политическую акцию на кладбище и предложил Малгожате пойти с ними:

– А тебе не кажется, что кладбище – это странное место для политических акций?

– Нет, – ответил Михалек, – кладбище-то не наше, а «оккупантское». Мы ведь отстаиваем свои права и обязаны очистить свою землю от захватчиков...

Еще месяц назад Малгожата согласилась бы с ним про «захватчиков», но теперь ей стало как-то не по себе, и она отказалась идти куда-либо, сославшись на то, что плохо себя чувствует...

Потом она подошла к книжной полке, вытаскала альбом старых фотографий и нашла портрет свой прабабки Кристины. Она никогда не видела ее лично, и уж тем более не знала, где погиб ее прадед. Хотя про экстравагантного деда была наслышана: про его упрямый характер, желание во всем добираться до конца, нежелание соглашаться ни с кем и не в чем.

«Мерседес» оказался паленым. Паленым – по полной программе. По дороге домой на одной из заправок на Мишку надели креп-

кие ребята и сказали, что за машину недоплатили. Объяснения, что он не первый покупатель, не были приняты. Мишку избили и бросили в туалете. Когда он пришел в себя, машины на стоянке уже не было.

Работники станции вызвали скорую и полицию. Мишку забрали в участок, продержали там сорок восемь часов, а потом вывезли на границу Евросоюза.

В самый неподходящий момент, когда Мишку передавали в руки русским пограничникам, позвонила Малгожата. Она сказала, что согласна приехать за дедом.

Хорошо, что я взял с собой только ксерокопии, размышлял Мишка, когда его, словно посылку, передавали одни официальные службы другим. Они хоть и в разных формах, а психология у всех похожая...

Все документы у него отобрали, в том числе и те ксерокопии, что он привез Малгожате. Пусть теперь изучают, подумал про себя Мишка. Все равно им до Сигмунда без меня не добратся...

Спустя несколько дней Малгожата написала по электронной почте. Она сообщила, что собирается приехать через месяц, и задавала несколько практических вопросов. Сможет ли она увидеть останки деда? Насколько реально посетить то место, где были найдены кости? Как это нужно оформить? Что нужно сделать, чтобы вывезти останки в Польшу? Сколько все это будет стоить?

С учетом неприятностей с машиной и повешенным на него долгом за паленый «Мерседес», Мишка назвал свою цену: пять тысяч евро, и подписался под тем, что всю организацию он возьмет на себя.

Поначалу, приехав в Россию, Малгожата еще пыталась делать вид, что она является независимой женщиной и гордой представительницей Европейского союза.

В Москве ее аргументация еще работала, а вот по мере удаления от Садового кольца – все меньше и меньше. И постепенно российские вокзалы, дороги, такси и автобусы сами по себе нагнали тоску. Особенно после чистенькой Европы.

Мороз казался ужасным, серый снег под ногами давно перепачкал ее замшевые сапожки и светлые джинсы, а чиновники требовали бумаг, о существовании которых Малгожата никогда даже не подозревала.

Когда она уехала за две тысячи километров от Москвы, выяснилось, что посетить место гибели деда невозможно, из-за того, что там проходит пограничная зона, а для оформления пропуска в тот район необходимо возвращаться в Москву и ждать там, как минимум, два месяца.

В этот момент у нее окончательно опустились руки. Тогда Мишка взял у кого-то машину и повез Малгожату на Рыбачий своими путями. В конце концов, кому как не ему знать в сопках все дороги...

На хребте Муста-Тунтури гулял ужасный ветер, шел снег, а полярная ночь накрывала двух людей, точно колпаком. Возможно, именно в такую минуту много лет назад шальная пуля и унесла жизнь деда Малгожаты Сигмунда.

Она хотела плакать, но не получалось. Мороз пробирал до костей, словно проверяя Малгожату на прочность.

И тогда она попросила Михаила налить ей водки, выпила залпом и посмотрела на небо. Оно было все усыпано звездами.

Обратно, почти весь путь до оставленной на дороге машины, Михаил тащил Малгожату на плече. Время от времени он встряхивал ее, а она что-то смешно говорила по-польски. Даже ругалась, хотя у нее это получалось вполне нежно и невинно.

А еще за время пути она рассказала историю деда.

До революции граница между Россией и Польшей вообще была условной. За какие-то детские безобразия деда сослали на Украину. Потом гражданская война в стране Советов, передел территорий. Дед ни с кем не уживался, со всеми спорил и доказывал, что весь мир кругом сошел с ума.

Когда фашисты напали на Польшу в 39-м, бежал. Оказался на советской территории. Там вступил в армию Крайову, но задержался там не на долго: вынужден был бежать из-за неудачной шутки в адрес Сталина.

Потом попал в плен к немцам. Там его поставили перед выбором: или расстрел, или на передовую. Пришлось надеть форму вермахта и лелеять надежду на очередной побег. Но совершить его не успел...

– А так, он был очень веселый, все время что-нибудь выдумывал... Говорят, мечтал быть архитектором, строить дома, города, но больше всего – мосты... А всю жизнь пришлось с кем-то бороться... – грустно дорассказала девушка.

Деда вывезли за границу почти нелегально. Для ускорения бумажной процедуры сначала дали взятку на российской границе, потом – на польской. Но Малгожата не обращала на это внимания. Главное, что она везла домой деда.

Когда после дикой России девушка приехала в родной город, памятник советским солдатам на городском кладбище снесли. Она проезжала мимо, когда там работали тракторы, а по обе стороны от огороженной территории стояли пикеты противников и сторонников этой акции.

Уже у дома таксист задал Малгожате один-единственный вопрос, что это у нее в ящике, который она отказалась поставить в багажник и всю дорогу держала в руках?

– Останки деда, везу из России, он там погиб в годы войны... – четко объяснила девушка.

– Там что? Тоже выкапывают наших? – удивился таксист, и, не дожидаясь ответа, резюмировал, – совсем люди с ума сошли...

Малгожата промолчала. Что тут скажешь?...

Спустя несколько недель, по настоянию Михася, Малгожата сделала анализ ДНК привезенных останков. Результаты показали, что кости принадлежат не ее деду, а какому-то совсем другому человеку. И написала об этом Михаилу. По всему выходило, что он ее обманул – и с останками, и с документами, и с водкой под покровом полярной ночи.

В ответ Мишка написал, что в темноте просто перепутал пакеты, которые хранились в гараже у его знакомых. И добавил, что обязательно приедет к ней и сам привезет останки деда.

«Может быть, в этом и есть тот смысл, про который писал дед перед тем, как уйти у другую жизнь. Ведь без него мы никогда не смогли бы встретиться, тем более еще один раз».

Малгожата не ответила на письмо: она не могла простить предательства, а в случайность она не верила.

Поначалу Мишка и сам думал, что обязательно привезет останки Сигмунда его внучке. Но так никогда не сделал этого.

После сноса памятника советским солдатам в родном городе Малгожаты он больше не хотел встречаться с ней и сдал кости деда-захватчика российским военным. Они написали официальное письмо с предложением вывезти останки деда. Но после скандала с советскими могилами никто по обе стороны границы не захотел этим заниматься.

А по прошествии года Сигмунд Спелкьявик был захоронен под Печенгой, на воинском кладбище бесполезно погибших в России воинов-егерей 112 горного полка.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА ВОЛЬФА

По мотивам одноименного романа Гайто Газданова и других его произведений.

Убийца, который вовсе не хотел убивать, через десять лет случайно узнает, что его жертва жива. Они встречаются. Между ними возникают достаточно близкие отношения. Однако замысел судьбы непреодолим...

основные персонажи

Лет за семь до описываемых в основной части сценария событий его герой – ГЕОРГИЙ ГАРДАНОВ, ГОГА – мальчишка, недавний русский гимназист, сражается в Белой армии против большевиков. Эмигрировав после поражения, становится водителем парижского такси, а затем – журналистом русской эмигрантской газеты, мечтающим написать что-нибудь серьезное, стать писателем. Он полукровка, сын осетина, и в его характере сохранились лучшие черты кавказских предков – природный аристократизм, страстность при внешней благородной сдержанности, глубокая чистоплотность и порядочность в человеческих отношениях, философское отношение к смерти.

МАДЛЕН – полурусская, полуфранцуженка – также опалена Гражданской войной в России – до революции ее родители служили на нефтяных приисках в Баку и погибли при взрыве парохода, следовавшего из Мурманска в Норвегию. Мадлен жила в Англии, где у нее случился болезненный, гибельный роман, который ей с трудом удалось оборвать. В её характере при всей материнской женственности иногда проступают черты надлома, болезненного упрямства, фатализма.

АЛЕКСАНДР ВОЛЬФ – человек, как он сам себя называет, с отложенной смертью. Его однажды убили, но он чудом выжил. На смерть осуждены все, но Вольфу кажется, что он осужден иначе,

чем остальные. Он говорит: “Вы все понимаете это теоретически, а я знаю, что это такое. Меня всего лишь отпустили на некоторое время. Я не могу думать и жить, как все, потому что знаю – меня ждут”. Он талантливый писатель, а осознание “отложенной смерти” сделало его властолюбивым, циничным и жестоким.

намерения авторов

Ставшая ныне привычной бездумная картинная легкость убийств и насилия – болезнь, то ли житейская, то ли экранная. И кто тут кому подражает, экран жизни, или она, непредсказуемая и неразумная, учится у штамповщиков “фабрики грез”?

Роман Гайто Газданова, по мотивам которого написан наш сценарий, следует иной традиции. Вслед за великой русской литературой 19 века он утверждает, что убийство, всего одно убийство, совершенное даже в условиях самообороны, ложится на душу совестливого человека грузом тяжкого неизбывного греха. И, однако – судьба есть судьба. План начертан, и избежать его исполнения невозможно. Случайные встречи, которыми полон наш сценарий, являют из себя лишь точки пересечения, узловые станции, которые направляют героев по определенным дорогам судьбы.

сюжет (краткое изложение)

Итак, двое всадников случайно столкнулись в бескрайней южнорусской степи, и один из них, наш герой Гога, защищаясь, успел выстрелить первым...

Это единственное убийство, совершенное Гогой на войне, долгие годы не дает ему покоя. Лет через десять в Париже странный нищий предлагает Гоге купить английскую книгу. Строка из Эдгара По: “подо мной лежит мой труп с виском, пронзенным стрелой”, послужившая эпиграфом к одному из рассказов в этой книге, поражает его.

Автор рассказа, некто Александр Вольф, почти буквально описал ту давнюю стычку в русской степи. Рассказ написан от первого лица, от лица убитого.

Пусть это всего лишь литературный прием, но как мог писатель воспроизвести некоторые неповторимые подробности? Тайна рож-

дения рассказа тревожит Гогу, он начинает поиски его автора, но тот неуловим.

Параллельно с поисками Александра Вольфа Гога знакомится с Мадлен. Их случайная связь постепенно превращается в верную и прочную любовь, подлинную человеческую близость. А Гога продолжает свое упорное расследование. Помогает случай. В одном из русских ресторанов Парижа он встречает давешнего нищего оборванца, продавца английской книги. Вознесенский – так его зовут, бывший русский офицер, уже поправил свои дела, получив наследство. Он и знакомит, наконец, Гогу с автором "The Adventure in the Steppe", своим прежним однополчанином. Александр Вольф тоже русский, а пишет по-английски только потому, что за английские тексты лучше платят. Именно в него когда-то стрелял Гога. Между несостоявшимися убийцей и жертвой складываются странные отношения, являющие собой смесь ненависти и, одновременно, взаимного уважения, даже дружбы.

Но вдруг однажды, придя к Мадлен, Гога застаёт Александра Вольфа у нее. Угрожая ей пистолетом, Вольф требует, чтобы Мадлен вернулась к нему, ибо именно он и был ее давним лондонским любовником. Гога успевает выстрелить первым. На этот раз Александр Вольф убит по-настоящему. Замысел судьбы осуществился.

Это событие словно освещает прошлое, придав внезапную законченность неопределенной полосе жизни нашего героя. Теперь он надеется, постепенно разбираясь во всем, что случилось, написать хотя бы одну книгу, которая станет его исповедью и поможет оправдаться перед Богом и людьми...

атмосфера

В воссоздании атмосферы эмигрантского Парижа начала тридцатых годов важную роль сыграют второплановые персонажи. Здесь и странный нищий – Вознесенский, внезапно превратившийся во вполне благополучного обывателя, и редактор газеты, где работает Гога, бывший полковник Вятич, и русская княжна, служащая в той же газете машинисткой, шофер такси Федорченко, постепенно забывающий русский язык, владелец модного салона князь Галеев, служанка Мадлен чернокожая Ани. Жизнь эмигрантов носит, скорее, гер-

метичный характер. Они вращаются, в основном, в своем кругу. Однако в силу журналистской профессии, Гоге приходится иметь дело и с французами. Так в нашем сюжете появятся бандит «курчавый Пьеро», проститутка Сюзанна, на которой женится Федорченко, полицейский инспектор Жан, посетители кафе «Виктория».

Зрительный ряд фильма представляется нам почти монохромным, несколько напоминающим стилистику фильмов любимого нами Марселя Карне, памяти которого мы хотели бы посвятить наш фильм.

сюжет (более подробное изложение)

1. Выгоревшая степь, знойное пыльное небо. Усталый, остервенелый бой. Стреляют молча, молча медленно бегут, молча схватываются врукопашную. Кто-то карабкается из окопа, пускается прочь и падает, сраженный. Застывшие, безразличные лица, тусклые, словно не видящие глаза, выгоревшие, пропотевшие гимнастерки с серыми от пыли погонами, драные сапоги, лапти. Бестолково мечутся всадники и осиротевшие кони.

Потом те, которые уцелели, молча куда-то бредут. Небольшая, смертельно усталая, оборванная и пыльная горстка, оставшаяся от роты, – человек двадцать. Это отряд Добровольческой Армии.

В хилой полувысохшей роще ГОГА (юноша в лаптях, галифе и надвинутой на глаза фуражке) вдруг прислоняется к стволу дерева и закрывает глаза. Тело его обмякает, ноги подгибаются, винтовка выпадает из ослабшей руки, он медленно сползает вниз. Не коснувшись земли, вздрагивает, просыпается, открывает глаза, с трудом встает. Озирается. А вокруг уже никого, только где-то далеко продолжают ухать пушки.

Так наш герой остается в одиночестве и бредет куда-то по пустой степи. Ему вдруг везет. Он находит брошенную кавалерийскую лошадь. Приманивает её огрызком последнего сухаря, вскакивает в седло и едет, засыпая на ходу. Вдруг звучит выстрел, лошадь валится на бок, а Гога летит на землю, инстинктивно выпрастывая в полете ногу из стремя. Тяжелым и медленным карьером приближается к нему всадник с винтовкой наперевес на огромном белом коне. Гога с трудом вытаскивает из новой тугой кобуры свой парабеллум и

направляет в сторону всадника. Всадник отпускает поводья и вскидывает винтовку к плечу. Гога стреляет. Всадник дергается, винтовка его задирается и палит в небо. Сам он сползает вниз и медленно падает на землю. Гога стоит неподвижно, потом тихо, осторожно приближается к упавшему.

Тот умирает. Шапка его отлетела в сторону, белокурая голова, склоненная набок, лежит на пыльной дороге, пузыри розовой пены вскакивают и лопаются у него на губах. То ли предсмертная гримаса, то ли улыбка пробегает по лицу умирающего. Потом он снова закрывает глаза.

Откуда-то издали порыв ветра вдруг доносит топот копыт и ржание многих лошадей. Гога торопливо прячет пистолет, хватая под уздцы белого коня, вскакивает на него верхом и уносится прочь, растворяясь, исчезая в облаке пыли...

2. Через несколько лет мы застанем нашего героя парижским таксистом. Такси для него – средство заработка, он мечтает стать писателем. Мы познакомимся с его сменщиком по работе в такси ФЕДОРЧЕНКО. Увидим кафе «Виктория», в котором Гога по ночам ест круассаны, запивая молоком (стоит заметить, что наш герой до поры совершенно не употребляет спиртного), и где, то и дело, случаются некоторые важные в его судьбе встречи. Здесь он познакомится с бывшим полковником ВЯТИЧЕМ, который пригласит его работать корреспондентом в своей новой русской газете.

3. Однажды в аллее парка к Гоге привязывается странный нищий, который не просит подаяния, а предлагает купить у него английскую книгу. Это сборник рассказов – некоего Александра Вольфа. Гога дает нищему за книгу целых десять франков. Строка из Эдгара По: «Подо мной лежит мой труп с виском, пронзенным стрелой», послужившая эпиграфом к одному из рассказов, поражает его. И он впивается в текст. Рассказ в точности описывает то давнее происшествие в русской степи, то единственное убийство, которое когда-то совершил Гога в ранней юности. Здесь оно подано как бы с точки зрения убитого. Пусть это всего лишь литературный прием, но как мог писатель воспроизвести некоторые неповторимые подробности? Тайна происхождения рассказа тревожит Гогу, он начинает поиски автора, но тот неуловим.

4. Репортерская судьба заносит Гогу на **показ** новых моделей в русский дом мод, который содержит некая **княжеская** чета. Новые спортивные платья демонстрируют три **барышни**. Две – заметные юные красавицы, а у третьей все время лицо **закрыто** МАСКОЙ. Мелкая наряд, она не снимает маску и не меняет **СУМОЧКУ** – маленькую, полукруглую, вышитую шерстью и **бисером**.

5. В кафе «Виктория» у дальнего окна **Гога** пишет статью о вчерашнем показе мод. Днем здесь тихо, светло, уютно и совсем мало посетителей. Вдруг топают грубые башмаки, звенит упавший стакан, звучат громкие голоса, напоминающие, как **ему** кажется, звериный рык. У стойки ссорятся какие-то пьяные люди. Ну и пусть, его это не касается, и он опять склоняется к своему блокноту. Внезапная тишина. Гога вновь поднимает голову. Плотный **лысый** молодой человек (ПЬЕРО) в сером костюме, синей рубашке с **ярко-желтым** галстуком, тихо надвигается на кучку парней и, подняв **правую** руку, медленно переводит дуло пистолета с одного на другого.

Гога замирает, затаив дыхание, сердце **бешено** колотится. Он не в силах отвести глаз от внезапного зрелища.

Вдруг опять мелькает в его памяти, как **тяжелым** карьером приближался к нему всадник с винтовкой **наперевес** на огромном белом коне. С каким трудом выпрастывался **из кобуры** непослушный парабеллум, а всадник в это время отпускал поводья и вскидывал к плечу винтовку, и Гогин парабеллум **неуверенно** поднимал свое дуло навстречу всаднику.

Черная дыра ствола Пьеро, наконец, **выбирает** одного из пятерых, низкорослого, рыжеусого. Останавливается, **уставясь** прямо ему в лоб. С необыкновенно выразительной интонацией Пьеро тихо произносит: «Ты хочешь, чтобы с тобой случилось то же, что с **Альбертом?**»

Рыжеусый бросает мелкий, торопливый **взгляд** на одного из своих товарищей, потом на другого, на пистолет **и**, не **выдержав**, срывается с места и несется к выходу. Вся компания **топочет** следом, и, теснясь и толкаясь в дверях, вываливает на **улицу**.

Пьеро медленно прячет пистолет и **констатирует**: «Они испугались». И, заметив, наконец, Гогу, обращается к **хозяину**: «А это кто?» Гога громко чихает. Пьеро вздрагивает, **будто** от **выстрела**. Потом приближается к Гоге. Тот чихает опять. «Что **ты** здесь **делаешь?**» «Чи-

хаю. А вообще-то пишу». Так Гога знакомится с парижским бандитом Курчавым Пьеро.

6. Вместо запившего спортивного репортера Гога попадает на боксерский поединок между французом Дюбуа и американцем Джонсоном. Вначале матч проходит при преимуществе массивного Дюбуа. После одного, особенно мощного и точного удара Дюбуа, Гога вдруг слышит позади себя яростный выкрик на чистом русском языке: «Блядь! Блядь! Блядь!» Он оборачивается и видит молодую женщину лет двадцати пяти с довольно красивым, возбужденным, искаженным яростью лицом, которая в ритме своих выкриков бешено колотит кулаком по ладони. Внезапно Джонсон наносит французу мощный, неожиданный удар. Дюбуа падает, не в силах подняться. Нокаут! По всему Дворцу спорта проходит одновременный гул толпы, похожий на чудовищный вздох, а женский голос, мешающий за спиной у Гоги русские, французские и английские слова, торжественно звенит: «Слава Америке! Слава Америке! Молодец, Джонсон! Ура, Джонсон! Ура! Ура!» Вокруг женщины воцаряется недоуменная тишина. Потом медленно и грозно поднимаются и наступают на нее негодующие соседи, а какая-то дама целится вцепиться в волосы. Гога протягивает незнакомке обе руки: «Бежим!» Она падает в его протянутые руки, он подхватывает ее под мышки, помогая перепрыгнуть спинку скамейки, тащит за руку вдоль длинного ряда. Им вслед несутся проклятья. Позже они сидят в кафе, и Гога замечает, что у спасенной им девушки – знакомая ему СУМОЧКА ручной работы.

Гога: «А без МАСКИ вы гораздо привлекательнее.

Девушка: Что!? Какая маска? Откуда вы... Кто вы такой, в конце концов!?

Гога: Чего вы так испугались? Не бойтесь, я не большевистский шпион. И не волшебник. Я просто журналист. Писал о вашем показе мод. Видел вас. Вы были в маске. Ведь это вы у «Люни» всегда в маске? Вас выдала сумочка. Вы сумочки, небось, сами шьете.

Девушка: Шью! А неплохая ведь сумочка, правда? Черт с вами, колдун. Может, это знак. Приходите. До свидания.

Так Гога знакомится с Мадлен.

7. Вятч посылает Гогу в Лондон взять интервью у британского книгоиздателя. Книги русских литераторов-эмигрантов широко издаются на Западе в переводах. Однако большинство издателей, пользуясь тем, что эмигранты – люди без гражданства, лишённые юридической защиты, не платят им гонораров. Писатели, даже такие известные, как Иван Бунин, бедствуют. В отличие от многих, тот, которого должен проинтервьюировать Гога, платит гонорары исправно. И он же – вот везение! – издал книгу Александра Вольфа.

Но при встрече издатель утверждает, что Вольф – англичанин, который никогда не выезжал из Великобритании дальше Франции и Италии, а сам рассказ – плод вымысла. И вдруг, странно ухмыльнувшись, добавляет нечто загадочное: «но, если бы это все оказалось правдой, должен вам сказать, что вы поступили с непростительной небрежностью. Нужно было лучше целиться».

8. Вернувшись из Лондона, Гога является к Мадлен. Она угощает его ужином. Тянется длинный вечер, ведётся светская болтовня ни о чем, словесное «ощупывание» друг друга. Но Гога видит только ее странно неподвижные глаза, рот, ровные крепкие зубы и тускло-красный цвет слегка накрашенных губ. Ощущая бурную чувственную муть, он то и дело прикрывает глаза. Прощаясь в прихожей, она протягивает ему руку. Едва ощутив ее руку в своей, Гога тут же забывает о намерении уйти и привлекает ее к себе. Как сквозь смертельный сон, ее лицо приближается к его лицу, она прижимается к нему всем телом. Его рука расстегивает пуговицы ее платья на спине. «Здесь нельзя, подождите. Пустите меня на минуту», – говорит она. Он выпускает ее, она проходит в комнату, он следует за ней. Дверь за ними закрывается, слышен поворот ключа в замке. В глубине коридора появляется служанка-мулатка, неслышно проплывает мимо только что закрытой двери и уплывает в прихожую, чтобы проверить, хорошо ли заперта квартира. Возвращаясь, щелкает выключателем. Свет в коридоре гаснет.

В комнате без тени стыдливости обнаженная Мадлен ложится на спину, закинув руки за голову. «Ну, теперь...» – говорит она.

Их роман развивается скоротечно и бурно. Как-то раз, просто чтобы покататься, они берут напрокат автомобиль и мчатся по городу. Мадлен за рулем. Она не тормозит перед перекрестками, не

замедляет хода на кривых улицах, и едва не сталкивается то с другой машиной, то с повозкой зеленщика. Из-под колес шарахаются перепуганные пешеходы. Мадлен кажется совершенно спокойной: ее неподвижный взгляд устремлен вперед, руки свободно держат руль. Позже, разгоряченные быстрой ездой, они сидят в кафе, и Гога говорит: «Автомобиль из проката всегда ненадежен. У нас могло быть три столкновения». «Одно, – отвечает Мадлен. – После первого мы бы дальше не поехали. Уже не смогли бы. А чего ты боишься? Ты же едешь так же быстро, как я. Думаешь, ты водишь авто лучше меня?» «Нет. Просто я знаю дорогу, знаю, какие перекрестки опасны. А ты гонишь вслепую». Она смотрит на Гогу каким-то странным взглядом. «Вслепую? Наверное, так интереснее. Вообще все гораздо интереснее, когда...» Вдруг она умолкает и тревожно всматривается в кого-то, кто появился в дверях кафе. «Давай уйдем! Уйдем скорее!» – говорит она. Но уже поздно. Незнакомец в надвинутой на глаза шляпе приближается к ним и кланяется Мадлен. Тень от шляпы падает на его лицо. «Добрый вечер, Елена Владимировна. Вы не уделите мне несколько минут?» – говорит он.

Так, не узанный Гогой и зрителем, появляется в нашем сюжете тот, кто потом окажется АЛЕКСАНДРОМ ВОЛЬФОМ. А Мадлен и Гога на этот раз удаётся ретироваться. Мадлен ничего не рассказывает Гоге о таинственном знакомце.

9. Федорченко, давний коллега Гоги по службе в такси, женится на проститутке Сюзанне. Свадьба отмечается на втором этаже одного из парижских ресторанов. Гостей на свадьбе немного: родственники невесты, крестьяне, да трое русских, среди них – Гога. В углу играет нанятый гармонист в русской вышитой рубахе, а уже сильно пьяный Федорченко во взятом на прокат смокинге с короткими рукавами, вскочив на стул, дирижирует пением. Однако никто, кроме Сюзанны, не знающей ни слова по-русски, не подпевает. Гога чувствует здесь себя не в своей тарелке и потихоньку уходит.

В зале первого этажа шумно, дымно и многолюдно. Гога проходит мимо столиков, и вдруг какой-то очень прилично одетый грузный господин с большой рыже-седой бородой вскакивает ему навстречу и обнимает за плечи: «Это вы, дорогой?!» Гоге борода кого-то напоминает. Только тогда... тогда она была немойтой и не-

стриженой! Да этот же тот самый нищий, который продал ему книгу Александра Вольфа! ВОЗНЕСЕНСКИЙ, так его зовут, внезапно получил наследство от умершего брата и разбогател. Гога расспрашивает его о книге, и оказывается, что книга была подарена Вознесенскому автором, с которым они вместе воевали в Гражданскую. Александр Вольф тоже русский, а пишет по-английски только потому, что за английские тексты лучше платят. Вольф сейчас в Париже, и Вознесенский готов познакомить его с Гогой, тем более что он должен вскоре явиться сюда.

Через некоторое время к ним приближается человек, облик которого почему-то кажется Гоге знакомым. Длинное пальто, надвинутая на глаза шляпа, почти скрывающая лицо. Да это же тот самый человек из кафе, который требовал разговора с Мадлен! Вознесенский уже облапил и тискает его, шляпа его падает и Гога видит лысеющего высокого блондина лет сорока, который усаживается за их столик.

«Меня крайне заинтересовал ваш рассказ “The Adventure in the Steppe” – говорит Гога Вольфу. Тот не успевает ответить, так как швейцар сообщает ему, что на улице его ждет какой-то мальчишка, настоящий Гаврош. Когда Вольф возвращается, Вознесенский говорит ему: «Ты, Саша, не в шпионы ли большевистские записался?» «Я ищу одного человека, мальчик исполнял моё поручение». Вознесенский: «Может быть, я смогу тебе помочь?» Вольф: «Нет, спасибо. Не сможешь. Вот Георгий Иванович, наверное, сможет». И глядит на Гогу с усмешкой. Гога молчит, поняв, что речь идет о Мадлен.

10. Гога встречается с Вольфом на другой день. Помните, говорит он Вольфу, герой вашего рассказа спрашивает себя, что стало с человеком, стрелявшим в него. Я вам могу ответить на этот вопрос. Лицо Вольфа не меняется, только глаза делаются чуть шире. Гога чувствует необыкновенное стеснение в груди, ему трудно дышать, потом он говорит: «Я помню это так, как будто это было вчера. Это я стрелял в вас».

Вольф вдруг встает и секунду остается стоять. В расширенных глазах его появляется и исчезает что-то воистину страшное. Он переводит дыхание и молчит, и Гога понимает, что он так же взволнован, как и он сам. В дверях появляется Вознесенский.

Все дальнейшие встречи с Вольфом и Вознесенским представляются Гоге разрозненными, не связанными между собою вспышками картинками. Ибо Гога, наконец-то, позволил Вознесенскому напоить себя. Ночь, мелькают какие-то голые мулатки, затем другие женщины – одетые и раздетые, смуглые молодые люди южно-го типа играют на гитарах, звучит негритянское пение и оглушительный джаз-банд, скулят гавайские гитары, огромная негритянка исполняет с необыкновенным искусством танец живота... А вот они втроем на бульваре Огюста Бланки, где невысокий человек в кепке бьет по лицу женщину. Гога перехватывает его руку, а Вольф боксерским ударом жестко бьет в нижнюю челюсть, тот всхлипывает и рушится, ударившись с размаху головой о тротуар. Вознесенский подхватывает Вольфа и Гогу и тащит прочь.

Посреди разговора о литературе, в котором Гога выступает новичком перед мэтром, Вольф вдруг говорит: «Так вы сообщите мне адрес Мадлен?» «Нет!» – отвечает Гога. И опять ночная улица, и там бушует драка между какими-то подозрительными субъектами, свирепо-пронзительными голосами кричат женщины. Вольф стоит рядом с Гогой, фонарь освещает его белое лицо, на котором застыло, как кажется Гоге, выражение спокойного отчаяния. Потом вдруг все разбегаются, а на тротуаре рядом с растоптанными кепками остается лежать невесть откуда взявшийся розовый бюстгальтер...

А каким-то ранним утром Гога и Вольф мчатся по загородному шоссе сквозь густой туман в ревущем открытом автомобиле. Вначале за рулем Гога, потом – Вольф. Рваный воздух хлопает и свистит в ушах, в его упругом потоке напряженные лица обоих, обдуваемые утренним холодом, кажутся высеченными из камня, волосы вытянулись и стремятся назад, из молочной мглы стремительно выскакивают навстречу и отлетают прочь деревья, кусты, коровы, собаки, ошарашенные лица редких пешеходов.

Вдруг Вольф резко выворачивает руль. Автомобиль стремительно соскакивает с дороги, прыгает по буграм и выбоинам, крепится на косогоре, едва не перевернувшись, выскакивает на гладкий луг и, протанцевав несколько кругов, врезается бортом в небольшое деревцо. Дверца распаивается, Гога вылетает из маши-

ны в заросли жимолости. И, наверное, это спасает ему жизнь... Вольф тоже цел, и уже выбрался из автомобиля. Гога медленно, пошатываясь, идет к нему, хватая за плечи и трясет: «Ты что, сукин сын, спятил?! Спятил?!» Неподвижное лицо Вольфа наливается ответным гневом, и он вдруг сильным и точным ударом бьет Гогу в солнечное сплетение. Тот сгибается. Вольф бьет его в лицо. Еще раз, еще... Гога овладевает собой и вцепляется в Вольфа. Оба валятся на землю, нанося друг другу беспорядочные и бестолковые удары, перекатываясь, хрипя и выкрикивая что-то невнятное... И возятся, возятся, извиваясь в утренней мокрой траве... Наконец, Гога – более молодой и выносливый – оказывается сверху и стискивает горло противника. И на мгновение видит опять то же самое лицо из прошлого, лицо юного умирающего в дорожной пыли Александра Вольфа. Он разжимает руки, он поднимается, он отряхивает руки... Тяжело дыша, Вольф встает вслед за ним.

Вольф: Простите за доставленную неприятность. Это был мгновенный порыв.

Гога: Черт с вами, вам неохота жить. А при чем тут я?

Вольф: Простите... Когда-то вы плохо прицелились, и я пропустил свою смерть.

Гога: Вы мстите мне за недостаточную меткость? Вы меня упрекаете за это? И мистер Вильямс тоже упрекал. Но мы все осуждены на смерть.

Вольф: Иначе! Иначе! Вы понимаете это теоретически, а я знаю, что это такое. Меня отпустили на некоторое время. Я не могу думать и жить, как все, потому что знаю – меня ждут.

Гога: Прошу меня простить.

Потом они, потрепанные, измазанные мокрой глиной и травой, шагают вдоль шоссе. Стало совсем светло, туман постепенно рассеивается, но небо затянуто тучами, и все вокруг теперь кажется безотраднo отчетливым и убогим.

Вольф: Наша смерть – всего лишь прекращение привычного ритма... Каждое мгновение рождаются десятки одних миров и умирают десятки других... В конце кон-

цов, и смерть, и счастье – одно и то же. И то и другое – остановка, неподвижность.

Гога: А тысячи счастливых людей?

Вольф: Они как слепые щенята. Вне ритма. Их жизнь – сплошная иллюзия. Жить с открытыми глазами – мужество. Свирепое и печальное мужество. Можно ли с ним быть счастливым? Пребывать в мире иллюзий?

Гога: Хорошо, пожалуйста – все иллюзии напрасны. А чему помогает это знание? Если мы не способны ни к одной иллюзии, то тогда нам остается только то, что вы называете прекращением ритма. А пока мы существуем, быть может, не все потеряно...

Вольф: Да, жизнь, вероятно, единственная ценность, которую нам дано знать. Я понял это, когда умирал на дороге. Это было мне ясно до ослепительности. Но потом я никогда не мог восстановить этого чувства. И, наверное, именно поэтому превратился в автора этой книжки.

Вольф вдруг останавливается и стоит, опустив голову. Когда он поднимает глаза, Гога опять замечает в них то страшное выражение, которое появилось в первый раз тогда, когда Гога сказал ему, что стрелял в него.

Вольф: Милый друг...

Гога: Милый друг?

Вольф: Прошу меня простить... Знаете, зачем я приехал в Париж? Я должен решить одну проблему, сложную психологическую проблему. Она имеет двойной интерес: личный, что очень важно, и отвлеченный. Что тоже не лишено значения.

Гога: А если решение окажется невозможным?

Вольф: А тогда – тогда остается уничтожить причину, которая вызывает эту проблему. Это одна из форм решения, правда, наименее желательная.

11. Ночью Гога и Мадлен сидят обнаженными на краю постели, попивают вино и курят. Его ладонь лежит на её спине. Он вдруг замечает, что выступ лопатки Мадлен очень точно умещается между его расставленными большим и указательным пальцем.

Гога: Моя рука создана для твоей спины. Они вместе – как ключ и замок. Очень точно подходят друг к другу. Вырез моей руки, абрис твоей лопатки.

Мадлен: И что из этого следует?

Гога: Может, это знак? Может, это Господь подает нам знак?

Мадлен: Ты, оказывается, религиозен?

Гога: Может быть, я становлюсь им. Благодаря тебе.

Ранним утром в их сонном небытии возникает телефонный звонок. Гоге звонят из редакции. Одеваясь, он объясняет Мадлен, что у него есть двое знакомых. Один полицейский инспектор Жан, второй – бандит Курчавый Пьеро. Он неуловим, но сейчас его предал его дружок, и сейчас Жан знает, где Пьеро скрывается и собирается его арестовать. Нужен срочный репортаж. Мадлен предлагает Гоге взять на всякий случай её револьвер. Гога удивлен, он не знал, что он у неё есть. Потом он звонит по телефону и предупреждает кого-то, что помощник выдал Пьеро. Нужно, чтоб Пьеро не возвращался домой. Через час будет поздно.

12. Предупреждение не помогло. Пьеро пытается бежать из окруженного дома, в него стреляют, он падает и лежит в луже крови. Вокруг – полицейские. Подходит Гога. Пьеро встречает его взгляд и хрипит: «Спасибо. Было слишком поздно».

13. Позже Гога сидит в кафе и пишет срочный репортаж. Сквозь торопливо бегущие строчки то и дело просвечивает лицо умирающего Пьеро, которое странным образом соединяется с тем далеким, белокурым лицом молодого Александра Вольфа на пыльной степной дороге. Приносят бифштекс. Нехотя отложив ручку, он отрезает первый кусок мяса, и ему приходится сделать необыкновенное усилие, чтобы удержать мгновенный позыв к рвоте. Он пьет воду, встает и расплывается с хозяйкой, встретив её недоуменный взгляд. Тихо бредет в густой толпе, тщетно стараясь избавиться от ощущения тоски, физической тошноты и неизбывной усталости.

И вдруг, будто что-то его ошеломило, он чувствует необъяснимую тревогу и бросается ловить такси.

Едва он входит в подъезд Мадлен, как чувство тревоги усиливается, и он стремглав взбегаёт вверх по лестнице. Дверь в кварти-

ру почему-то полуоткрыта. Он кидается внутрь. Из глубины – повышенные голоса. Он бросается вперед. В углу – посеревшая от страха Ани. Вдруг страшный крик Мадлен: «Никогда, ты слышишь, никогда! Никогда!» Потом звенит бьющееся стекло, грохочет выстрел и опять раздается крик Мадлен. На бегу Гога выхватывает пистолет. Сквозь полуотворенную дверь он видит, как Мадлен у окна медленно оседает в кресло, видит силуэт мужчины, у которого также, как у Гоги, в вытянутой руке зажат револьвер. На белой блузке Мадлен возле левого плеча расплывается кровавое пятно. Не целясь, Гога стреляет в мужчину два раза.

Мужчина поворачивается на месте, делает несколько шагов навстречу Гоге, на лице его, лице Александра Вольфа, вдруг проступает умиротворенная улыбка, ноги его подгибаются, и он падает на спину. Неподвижные глаза смотрят на Гогу. Александр Вольф мертв.

14. Через несколько месяцев Гогу, одетого в арестантскую одежду, выводят из камеры. Его ведут длинными тюремными коридорами, выводят во двор и сажают в фургон, который везет его по парижским улицам. Сквозь зарешеченное оконце фургона он видит нежную весеннюю зелень и цветущие каштаны.

Потом его вводят в здание суда.

Зал. Среди публики Мадлен, Ани, Вяич, репортеры из его газеты, Вознесенский. Взгляды всех прикованы к Гоге. Он смотрит только на Мадлен.

Здесь, возможно, прозвучит его закадровый голос:

«Мне уже не раз приходилось начинать жизнь сначала... Я столько раз видел измену, трусость, отступничество, алчность, глупость и преступление, и был настолько отравлен ими, что, казалось, уже не способен почувствовать хотя бы отдаленное отражение самого кратковременного совершенства... Теперь же я был почти свободен от сомнений, от неизменного ощущения печали, от иронии... И все это благодаря женщине, о существовании которой я ничего не знал еще несколько месяцев назад и без которой я не мог представить сейчас свою жизнь... Только одно продолжало мучить меня: я знал, я не мог забыть, что был назначен судьбой стать убийцей... Страшные события, случившиеся в последние дни, молнией освети-

ли прошлое и настоящее, ограничив, завершив, придав внезапную законченность неопределенной и смутной полосе моей жизни. Я перестал комкать исписанную бумагу, и ее стопка на моем тюремном столе стала расти и становиться все толще и толще... Даст Бог, постепенно разбираясь во всем, что случилось, я, может быть, смогу написать хотя бы одну книгу, которая станет моей исповедью и поможет оправдаться перед Богом и людьми...»

«ЛЮТОВ ДОМ»

ПЕРВАЯ СЕРИЯ. СОЛЕННОЕ МОРЕ.

Берег Берингова моря. На рейде стоит целый флот – плавбаза, «стеркодеры», два танкера, целый теплоход, нагруженный барахлом. Идет его разгрузка: оборудование для рыбообрабатывающего завода, стройматериалы, офисные приблуды, мебель для Олега Муромцева – пришлого олигарха – молодого еще мужика с короткой боксерской стрижкой, со шрамом на лице. Коряки с детским удивлением смотрят, как над их головами проплывают огромные кожаные диваны, столы из дуба, ящики с компьютерами.

Саша Кожан, будущий директор рыбокомбината бежит к Муромцеву:

– Не выдержит причал, старый он! Еще при Витусе Беринге строили!

– У тебя пара самоходных барж есть? – быстро спрашивает Муромцев. – Подгоняй их к берегу! Подгонишь? Топи их на хер, укладывай на грунт, потом заваливай камнями, настилай доски и пускай по настилу технику! Как топить? Открой кингстоны, как на крейсере «Стерегущем»! Нет таковых? Ну, тогда возьми у Петрухи с десятка гранат, я знаю, у него есть. Только коряков отгони от берега, посечет осколками!

В будущем офисе Муромцева, что уже стоит в дикой тундре, его команда расставляет дорогую испанскую мебель, закрепляют на стене огромную карту региона, где предстоит работать.

– Ну-ка соедини все мои предприятия на карте! – просит Муромцев. – Чем? Да вот этим красным шнуром. Что получилось? Звезда? М-да... А если вот так? Опять звезда?! Как говорят, что у нас не делай, все равно АКМ получится, какую фигуру не рисуй... один черт – звезда! А вот так... Крест! Куда ни шло! Дай-ка, примерю!

Муромцев прижимается спиной к карте, раскидывает руки – как раз!

– Гвоздики не жмут? – сердито спрашивает топ-менеджер Стас Хабаров. – Доиграешься!

А на рейде стоит плавбаза «рыбного генерала» Чибисова, работу Муромцева на берегу они рассматривают в мощные бинокли, а в кают-компании (а здесь собралась региональная элита – краевой прокурор, начальник рыбинспекции, командующий погранокругом) решают – как избавиться от слишком энергичного конкурента.

Вечером проходит открытие нового рыбообрабатывающего комбината. Прилетает на личном вертолете губернаторша округа в корякской кухлянке, местный ансамбль аборигенов танцует «Норгали»:

– У-а-хайя! У-а-хайя! Ик! Ик!

Местный бард Кеша поет свою песню: «Каяки у реки / Стерегут собаки,/ А в стране Уйкоаль – балыки, икра/ К костерку, к огоньку подошли коряки, / Ставить сеть в самый раз, «красница» пошла! /Норгалитанец, песня и пляска,/ сказка горы Гигилен! Ги-ги-гигелен – А-хайя! / и т.д.

Муромцев зовет гостей к столу, там все богатства местной земли: лосось всех семи видов, огромный трехметровый палтус, икра, крабы четырех видов, ягода, грибы. Епископ Иннокентий освящает комбинат, пресса снимает, берут интервью у губернаторши (Муромцев от интервью вежливо отказывается).

Вечер. Команда Муромцева парится в новой бане. Бегают нырять в лагуну, говорят о перспективах этих диких мест: золото, газ, лес. Еще одна тема – за что русские так любят баню?

– Даже в Америке, на Брайтон-бич, три бани открыли!

– Баня для русских – признак демократии, все голые, все равны.

– Царица у Лже-Дмитрия не парилась, так их и побили! А так бы мы давно уж в Европу были бы интегрированы...

Тем временем прилетает последним вертолетом Полинка, будущий секретарь-референт Муромцева. Петруха, телохранитель Муромцева, отправляет ее дожидаться шефа на крыльцо баньки:

– У них там совещание! Скоро выбегут.

– Как я его узнаю? Как он одет-то будет?

– Да там все... одинаковые будут. Дресс-код у них сегодня такой.

Хохма удалась, голые мужики вылетели из парилки «мырять в окиян». Наутро Муромцев идет проверять: как устанавливают ставные невода, встречает Полинку на берегу моря. Начало любовных отношений.

Начинается лососевая путина. Рыба заходит в ставные невода, кипит от серебристой нерки вода, люди работают, валяются с ног. Рыбы так много, что лодки, на которых Муромцев со своими людьми заходит с моря в устье реки, оставляют за кормой кровавый след. Коряки, которых Муромцев обещал местной губернаторше поставить на конвейер, уже на второй день не выходят на работу. Часть из них, получив аванс, уходит в запой. Магазин в селе контролирует Чибисов, он специально завез туда водку. Кеша пытается поднять сородичей, они только смеются и продолжают танцевать «Норгали», сидя в грязи – ноги уже не держат.

Остальные коряки пошли на нерестилища – шкерить икру, браконьерить. Муромцев организует рейд, облетает с рыбинспецией и ОМОНОм нерестилища, изымает браконьерскую икру, сжигает корякские балаганы. Искреннее недоумение аборигенов: «Всегда, однако, ловили рыбку. За что тюрьма, нацальник?»

Вечером по окнам офиса Муромцева неизвестные открывают стрельбу. Полинка пытается закрыть своим телом Олега.

Чибисов, пограничный генерал Скоробогатов, прокурор Бугаев решают – как убрать с дороги Муромцева. «Совещание» проходит в горячем термальном бассейне с барским размахом. В бассейне с подсветкой – голые девки, тут же плавают плотики, на них – дорогая жрат-

ва и напитки. Появилась идея – через капитана порта дать на плавбазу Муромцева карты, где неточно нанесена граница российской экономзоны, так называемая «линия Шеварднадзе». Потом отследить при помощи спутникового мониторинга, как плавбаза войдет в американскую экономическую зону, и тогда уж навести на нее корабль береговой охраны США. Чибисову этого кажется мало. Он предлагает на один из краболовов в компании Муромцева на «Викинг-101», где есть вакантное место капитана, заслать своего человека, капитана Неклюдова, который уведет краболов в зону заповедника, где им уже займутся наши пограничники. Разговор с Неклюдовым:

– Уйдешь в заповедник. Тебя задержит ПСКР «Ительмен». Побегашь от него часа три, потом сдашься. Будет просто арест, я тебя вытащу из камеры через день, вон, сам прокурор обещает! Обещаешь, прокурор? То-то! А пока иди, бери бумагу, пиши, что это тебя Муромцев заставил в заповедник идти.

Плавбаза в море. Работа по приемке сырца. Сотни женщин на конвейере плавбазы.

– Кто у них за главного-то, девки?

– Да тот, который молодой!

– Там все не старые! Со шрамом что ли?

– Ну да! Морда волчья, стрижка бандитская!

– Из братанов что ли?

– Нет, похоже, нормальный. Говорят, деньги честно платит. Хорошо платит! А нам-то что еще надо?

Штормит. Муромцева мутит, он не выносит качки. Передав командование капитан-директору, уходит в каюту. И капитан, поглядывая в «неточные» карты, уводит плавбазу в американскую экономзону.

Однако, план ареста плавбазы американским «сторожевиком» проваливается, увидев американский военный корабль, Муромцев вначале распорядится организовать пожар на промысловой палубе, а потом дать в эфир сигнал SOS, а бабы-рыбообработчицы с визгом бегают вдоль борта, мешая американскому «сторожевику» открыть огонь. Корабль бере-

говой охраны США еще пытается заблокировать выход русской плавбазы из американской зоны, подставляя ему свой борт, но Муромцев выходит в эфир и зовет на помощь другие русские промысловые суда. Окружив плавбазу, как касатки кашалота, они выводят ее в наши воды.

Муромцев провожает в рейс краболов «Викинг-101». Играет оркестр, трепещут на ветру флаги расцветивания. В рейс для контроля, «смотрящим», уходит Петруха – на судно вынуждены были взять нового, пока не проверенного капитана Неклюдова, возможны провокации.

Сцены ловли краба (низкое закатное солнце, оранжевые робы рыбаков, красные шипастые панцири королевского камчатского краба), подъем ловушек, разделка, фасовка. Вечером Петруху зовут на пьянку – у капитана день рождения. В кают-компании весело – все подначивают Петровича, боцмана, который пять раз тонул, потому что все не те капитаны попадались. После пьянки, где Петруха и пил-то один лишь томатный сок, он засыпает, как убитый. Просыпается поздно днем от громкого стука, словно кто-то на палубу камни сгружает. Быстро проверив по прибору координаты, Петруха понимает, что «Викинг-101» уже давно ловит краба в заповедной зоне. Он выбегает на палубу – это не камни стучали, а пули... краболов уходит от пограничного АН-76-го, который уже дал по судну несколько очередей. Убит капитан Неклюдов, он висит на штурвале, от качки тело переваливается так, что «Викинг-101» даже умудряется иногда уходить от очередей пограничников. Боцман Петрович, выйдя на связь на частоте пограничников, орет на них:

– Что же вы своих-то... Козлы! Да я следующий раз на борт ПЗРК возьму, ты у меня, падла сопливая, долетаешься!

– Возьми-возьми... Зенитчик.. Да не вертись ты! Дай я тебе остатки боезапаса всажу! – отвечает пилот.

– Ты в Чечню попросись! Там погеройствуй! Там тебе, гаду, быстро окорока поджарят!

– А у нас здесь своя Чечня! Да не вертись ты... Вот так!!

Весь этот радиообмен слушают экипажи других рыболовецких судов, слушает его и Муромцев со своей командой..

«Викинг-101» тонет. Петруха, у которого последней очередью перебило ноги и позвоночник, доползает до радики, прощается со всеми.

Муромцев обещает помочь его старой матери, «и вообще... ну ты понимаешь... я насчет этих»...

Маленький сейнер ходит кругами по Берингову морю. Но он ищет не рыбу, на судне нет промыслового оборудования, нет рыбаков, только капитан, стармех и руководство компании, да еще Полина, епископ Иннокентий и американец Генри Смит. Ищут точное место гибели «Викинга-101». Разговор о Боге, об отличиях русского характера. Наконец, эхолот точно указывает место, где лежит расстрелянное судно, возлагают венки на воду.

Вернувшись на берег, Муромцев неожиданно посылает перед кавалькадой машин свой «Крузак», куда садится Саша Кожан, сам с партнером Генри Смитом едет следом.

Через несколько минут выясняется, что на дороге засада – ОМОН пытался остановить машину Кожана, перепутав его с Муромцевым. Генри Смит уговаривает Олега прорваться и уехать в Америку. Гонка по горной дороге, переворачивается машина со следователем, Муромцев вначале уходит от погони, потом, одумавшись, сдается милиции. Жесткое задержание, «укладка» в грязь, наручники. Перед тем, как сесть в милицескую машину, Олег, уже в «браслетах», подписывает договор с американцем: «Я скоро выйду. Начинайте работать».

Камера. Муромцеву «откатывают пальчики», обыск, заставляют раздеться догола, присесть, раздвинуть ягодицы. В этот момент в камеру, как бы невзначай, заходят прокурор Бугаев, «рыбный генерал» Чибисов. «Вот, Виктор Васильевич, живем скудно, но чисто». – «А это кто? Никак, Олежек Муромцев? Что, допрыгался, герой? А в чем его обвиняют?» – «Принуждение к ведению браконьерского промысла... в особо крупных размерах. Гибель людей». Допрос. Следователь по фамилии Муромчук допрашивает Муромцева. У следо-

вателя явный комплекс социальной неполноценности, он ненавидит всех «новых русских», считает что Муромцев украл его судьбу. Угрожает арестовать Полину, применить к ней «неофициальные» методы допроса. У Муромцева нервный срыв. Общая камера. «Прописка на хате». Встреча с другом детства Веней Вневитовым. Веня, учитель географии, ставший бомжом, попал в камеру за «сопротивление сотрудникам милиции», у блатных за святого, его уважают. Он рассказывает Олегу об открытой им Формуле Планеты. У Веня мечта – уехать в Америку и опубликовать свое открытие. Прямо на стене камеры они чертят Формулу, графики, спорят: «Вот это что?» – «Это плотность ядра Земли!» – «Ты понимаешь, что цифра эта примерная, «плюс-минус трамвайная остановка»? Не зная этой цифри с точностью до пятого знака после запятой, мы не сможем рассчитать место, куда последует удар возмездия!» Блатные смотрят на них, балдеют.

Неожиданно Муромцева выпускают – Генри Смит внес огромный залог, о судьбе русского олигарха хлопочет американское консульство. Олег с Веней ударяются в загул, в ходе которого возникает спор – можно ли в России простому человеку за один день законно потратить миллион долларов. Потратить миллион берется Веня. В результате они оба, пьяные до изумления, оказываются в Америке, в Вашингтоне (D.C.).

ВТОРАЯ СЕРИЯ. ЧУЖИЕ БЕРЕГА.

Отель. Похмелье. Поход в магазин – есть необходимость переодеться. Первая попытка говорить по-английски:

« I need ... coat... from skin! » – «What?!» – «coat... from skin!»
– «Where you from?» – «From Russia!» – говорит Олег гордо.

Подходит Веня:

– Олег, кончай народ пугать! Ты же у него крутку из человеческой кожи попросил! Техническая кожа у них по-другому: leather.

Муромцев звонит в Россию. Стас: «Был подписан ордер на твой повторный арест. Хорошо, что уехал. Ты бы не вышел. Никогда. Оставайся там, мы будем разруливать ситуацию».

Муромцев пытается найти Генри Смита. Уже через день выясняется, что гражданина Муромцева объявили в федеральный розыск, все счета арестованы, кредитные карточки заблокированы. Появляется Генри Смит – но без денег и с проблемами Муромцев ему уже не интересен.

Друзей выселяют из отеля. По русскому опыту всех бомжей, Олег и Веня идут на вокзал в Вашингтоне, на Union Station. Там они знакомятся с бабушкой, которая недавно приехала в Америку по туристической путевке и осталась. Старушка еще в молодости пыталась в 45-м из советской зоны перебежать в американскую. Подруги смогли, она нет. Подруги разбогатели, а она «Христа ради» полжизни собирала «на поездку в Америку». Полиция пытается выяснить – что это за странная троица. Узнав, что они русские, дают координаты русской православной церкви St. Joan, что на Shepherd St. Случайные прохожие скидываются на такси, троица едет – два небритых и опухших мужика, посредине старушка. Бабушка плачет от умиления – вот она, добрая Америка. Первый же полицейский, увидев такую картину, врубает сирену «на задержание», бросается в погоню. Опять – мордой в грязь, наручники. Бабушка, не зная английского – как объяснить полицейскому, что эти люди – хорошие, бросается целовать и Олега, и Веню, и водителя-негра. Их отпускают.

Отец Василий поселяет их в дом бывшего русского священника Пола Лютого, в Лютов дом.

Обитатели Лютова дома знакомятся с новичками. Даже организуют что-то вроде party. Русская водка, старые проблемы. Оказалось, что у русской эмиграции, как минимум пять «волн», «призывов», «исходов», и каждый имеет что сказать остальным. Марина Томпсон, внучка князей Максаковых: «Мои родители... еще детьми... с колчаковскими частями на Харбин уходили, потом – Югославия, там много наших было. Жили в бараках для депортированных, я там родилась!» – «А мой дед в СМЕРШе служил!» – «Молодой человек, здесь СМЕРШ – не лучшая рекомендация! Ваш дед вполне мог моему отцу в спину стрелять!» – «Это вам не чайна-таун, где все живут дружно, подчиняясь своим Китайским бандитам, не еврейская община, где каждому прибывшему – кредит, обучение языку и

профессии. Это – русские, а мы до сих пор свою Гражданскую не довоевали».

Веня расчувствовался и прочитал свои стихи: «И это – крест, и это – благодать/ Бросать страну со взглядом василиска,/ Чтоб песенка, так надо полагать/ Крутилась нам в притоне Сан-Франциско»/. Кто-то из детей белой эмиграции спел романс под гитару. Олегу рассказали – сколько эмигрантов повесилось во-о-н на том дереве: «Когда пьешь за этим столом чай, их дырявые носки на уровне твоего носа оказываются. Почему-то у всех сваливались ботинки»... «Нет, господа!» – говорит Олег. – «Не дождетесь! Завтра же нахожу работу, никаких дырявых носков вы не увидите!» Бабушка, освоившись, уже висит на телефоне и кричит периодически: «Йес! Ноу! Окей!» – но телефон отключен уже вторую неделю за неплату.

Олег и Веня идут наниматься на работу. Они нелегалы, туристическая виза закончилась, языка почти не знают. Наконец, их берут на стройку – помощниками каменщиков. Они таскают в тачках раствор, вывозят обломки кирпичей и цементных блоков. Работа начинается в 6 утра, заканчивается в 3 часа дня. Сидеть нельзя, перекуров нет, сверхурочная работа за полторы ставки – главное поощрение. На стройке одни чернокожие и «латинос», все держатся обособленно. К русским отношение особое – настороженное любопытство. После того, как Олег помог чернокожей девушке спуститься со строительных лесов (она потеряла сознание от жары) и дал отпор нагловатому негру Билли, отношение к ним изменилось. Билли вскоре завербовался в армию, он позвал русских на пиво (редкий случай). Олег и Веня провожают Билли в аэропорт. Встреча с Андреем, сыном русского эмигранта, сержанта армии США. Андрей летит в Германию со своим оружием (его разрешают пронести в салон), парашютом, свой джип он уже отправил раньше.

С первых денег русские нелегалы идут на полицейский аукцион покупать машины. Веня берет «форда» за 200 баксов, Олег «олдсмобил» за 400. 10 минут на получение новых документов и номеров. Получают страховку, без нее садиться за руль нельзя – сразу арест. Страховой агент списывает с Вени-

ных водительских прав номер: «04КИ OBR3ATE»... Веня смеется: «Это отметка «очки обязательны», а номер вот этот!»

Американские дороги. Веня заблудился. Звонит Олегу: «Выведи меня!» – «Сейчас карту возьму... Ты где, на какой улице?» – «Счас.. Улица «One way!»» – «Дубина, это знак одностороннего движения, ты мне скажи, как улица называется!» – Олег зубрит английский и знает его уже лучше Вени.

Ездят с русскими водительскими удостоверениями. Авария – Олег ударил чужой «Ниссан». Полиция. «Вы в порядке?» – «Да!» – «Ваша страховка?» – «Вот она!» – «ОК! Водительское удостоверение?» – «Вот»... – «Что это?» – «М-м... это мое русское международное водительское удостоверение, признанное ООН!» – «Правда?» – «Уеар!» (Типа: Ну дык)... – «ОК!» Вечером отмечают покупки. У Вени в жизни не было машины, он с радости напивается. Пьяный садится за руль и едет еще за одной бутылкой русской водки. Марина Томпсон тут же звонит в полицию. Олег бежит следом, надеясь хоть как-то повлиять на ситуацию. Веню берут тремя полицейскими машинами – спереди, сзади, сбоку – прижимают к тротуару. Открывается дверь и на дорогу вываливается веселый Веня, тут же взывает сирена. Среди полицейских замешательство. «Сэр!» – говорит старший офицер. – «Вы... м-м... коснулись земли раньше, чем мы включили сирену «на задержание». Мы, таким образом, не имеем право вас арестовать, но в то же время, не можем позволить вам управлять машиной в таком виде. Есть ли кто-нибудь, кто сможет довести вас домой?» – «Он!» – тычет Веня пальцем в бывшего русского олигарха, и Олег ведет его, развеселого, по тихой американской улице.

Олег и Веня сдают на американские водительские права, поражаясь простоте и скорости этой процедуры. Медкомиссия – 30 секунд! Экзамен – 15 минут! Все для человека!

Тем временем Марина Томпсон заинтересовалась расчетами Вени – его Формула Планеты показалась ей перспективной в коммерческом смысле. Она выманивает у Вени папку с бумагами, а заодно и все его личные документы. Веня начинает требовать свое от-

крытие назад – Марина вызывает полицию. Офицер предупреждает, что если г-н Веня приблизится к г-же Марине ближе, чем на сорок ярдов, он арестует его. «ОК?» – «ОК!» – отвечает Веня в полной уверенности, что его поняли, и правда на его стороне. Полицейская машина уезжает. Веня снова идет требовать свои бумаги. Марина тут же снова вызывает полицию, Веню арестовывают. Суд. Год тюрьмы.

К Олегу летит Полина, она решила разделить с ним судьбу эмигранта. Но в аэропорту Кеннеди ее задерживает полиция и тут же, тем же рейсом депортирует назад в Россию – Генри Смит отозвал свое приглашение. Полину почти бегом ведут на посадку, Олег бежит рядом, ему даже не дают прикоснуться к ней. Толпа разделяет их, они вынуждены кричать те слова, которые просто необходимо сказать перед разлукой.

Работа в строительной компании заканчивается, Олег находит новую – у поляка в ремонтно-покрасочном бизнесе. Поляк работает в дорогих домах в Potomac-country, русских зовут «братушки-освободители». В одном из домов Олег слышит, как бывшие соотечественники издеваются над «новыми русскими», которые скупают здесь дома и не живут в них – их убивают в России, сажают, банкротят, в домах остаются жить их жены с местными любовниками, тут же старики-родители, которые ничего не понимают и за это ненавидят Америку. В разговоре всплывает тема «русской деревни», где живут русские рыбопромышленники, звучит фамилия Чибисова. Олег узнает его точный адрес в Америке.

По воскресеньям Олег ходит в русскую церковь, разговаривает с отцом Василием о вере, о России, об Америке. «Почему они убивают русских детей? Вначале усыновят, а потом убивают!» – «Подознательно американский обыватель воюет с Россией. Мы так и остались в образе Главного Врага. Посмотрите фильмы, почитайте прессу, даже компьютерные игры – все против сумасшедшего Ивана. Мы, как враги, выгодны Америке, это как смазка для ее экономического механизма». На Пасху к храму приезжают соотечественники на машинах с «русскими» номерами: «МОСКВА», «КАМ4АТКА», «САРА», «ВОВКА», «ЗЕМА» – русские слова, набранные латинскими буквами и цифрами.

Олег гуляет со священником по американской столице, доходя иногда до Капитолия. Однажды, не сообразив сразу, попадают на гей-парад на 14 St., выходящую на Белый Дом. Олег начинает открыто возмущаться, отец Василий с трудом спасает его от расправы: «Вы неосторожны! Все русские думают, что их не понимают в Америке. Но некоторые слова как по-русски, так и по-английски звучат одинаково».

Отец Василий пытается помочь Олегу в получении Green card по статье «политическое убежище» (уже и бизнес-виза аннулирована, Генри Смит отозвал свое приглашение). Однако, Америка перестала предоставлять гражданам бывшего СССР политическое убежище. Олегу предлагают «выйти замуж за Америку» – «marriage visa», он отказывается. Есть еще один вариант – IP-visa, для особо важных персон. «Вот если бы вы были Нобелевским лауреатом... – «Если бы я был Нобелевским лауреатом... я бы... имел вашу Америку!» Олег переходит на «нелегалку», уходит из Лютова дома. Марина выслеживает его, пытаясь сдать полиции.

Олег сидит в блюзовом ресторанчике на Джорджия-авеню, место «Только для черных», но здесь его принимают за своего. Музыканты в ударе, им нравится играть для странного русского. По каналу CNN идет репортаж из России – там выборы Президента. Хозяин заведения, заметив интерес Олега, обращается к посетителям: «Братья! В России сейчас выборы. У нас тут русский парень, я предлагаю дать возможность музыкантам отдохнуть, а нам прибавить звук у телевизоров». Идет подсчет голосов. Чернокожие американцы болеют за Россию, как на футболе – свистят, хлопают. Выборы состоялись, коммунисты не прошли, в России новый Президент. Олега все поздравляют, хотят с ним выпить. Наконец, он на пустой улице – идти некуда.

К Олегу прилетает Стас и Саша Кожан. Дело закрыто, генерал Скоробогатов арестован, он дал показания, что дело против Муромцева сфабриковано, в крае новый прокурор, можно рискнуть и вернуться, подать ходатайство о пересмотре дела. «Надо же, таких людей поменяли!» – говорит Муромцев. «Это не людей поменяли, это страна поменялась, Олег!» – отвечает Стас. «Две проблемы надо

вначале решить: друга из тюрьмы вытащить, и к недругам в гости сходить», – решает Олег. Стас и Кожан привезли деньги, Олег нанимает адвоката, Веня выходит на свободу, сжигает на помойке картины, которые он написал во время «отсидки» – вывести их через границу он не может. «Прощайте картины, убийцы рутины!» – читает он свои стихи. А Олег один едет на новом автомобиле в «русскую деревню». Встреча с Чибисовым. «Я возвращаюсь! И я теперь знаю, где ваше главное гнездо, где вас искать, если вы сбежите, как крысы! А я уже из России никуда не уеду!» – говорит Муромцев.

Муромцев объявляет в русской церкви, что готов взять на работу (и оплатить дорогу домой) каждого, кто согласится вернуться. Собеседования (интервью) назначил в соседнем «Макдоналдсе». Хозяин, увидев наплыв русских эмигрантов, вывешивает табличку «Sorry! Russian congress» и закрывает заведение для остальных посетителей.

К Олегу идут люди.

Первый эмигрант. «Я не могу больше, здесь есть успешные эмигранты, но ни одного счастливого, счастье, это понятие только для Родины». Второй. «Они меня спрашивают: Вы по какой визе приехали? По Бизнес-визе, В-1!» – «Как программист?» – «Да!» – «А кем работаете?» – «Тракером». – «А почему?» – «Да потому что «холодная война» закончилась и в вашем гребанном НАСА сокращения на 60%!» А они: «Мы закрываем вам визу, вы должны покинуть страну». Третий. «А мне говорят: какое политическое убежище? Вы 17 лет предлагали визу по этим предлогом. А в России теперь демократия. КГБ нет! А что таки есть? А как я поеду, если мои дети по-русски говорят хуже, чем я по-английски?» Четвертый. «А меня спрашивают – где ваша wife? А хрен его знает – где она! А этот козел говорит: у вас же «marrriage visa»? ну да! Нет жены, нет и визы, мы вас депортируем!» Пятый. «Работы нет, с вэлфэра меня сняли, засекли, что я фудстемпы на водку менял... Восьмая программа для меня тоже закончилась – я бомж, homeless»... Шестой. «А тут мне говорят, эти... правнуки Тома Сойера: на «Голосе Америки» сокращают русский отдел! Как,

почему?! В связи с выполнением главной задачи – развалом Советского Союза! Да, вот такая формулировочка! Не в связи с достижением демократии, не в связи со свержением коммунистического режима... Ладно, думаю... С паршивой овцы... У них там компьютеры старые из студии тоннами на свалку вывозят. Я взял в рент трак, загрузил... Сижу дома, из электронных плат золото выпариваю. Да вы знаете, простая схема – электрогальваника... Приходит Иосиф Хаймович, спрашивает: что ты делаешь? Золото? Отлично! Уже пять граммов? Умница! Старатель! Прошка Громов! У тебя купят это аж а за 50 долларов. А я за трак заплатил 200, за электричество 140, а схему собрать, а газolina потратил».... Седьмой. «Вы думаете, для чего здесь все живут? Машину купить? Да! Но потом сфотографироваться рядом с ней и отправить в Россию! Мы или бродяги по природе, или трусы – боимся, что вернемся, а нас спросят – ну, где твои миллионы, американец?»

Желающих набирается много, Муромцев фрахтует три рейса Вашингтон – Сиэтл – Хабаровск. В аэропорту все молча идут на посадку. «Скажи хоть что-нибудь!» – просит Полина. «Расступись, народы! Россия идет!» – кричит Муромцев и смеется.

КЛУБНИКА БЕЗ САХАРА

Мелкий предприниматель из провинциального города Николай Балагуров отправляется на заработки в Финляндию. Цель – заработать на машину для своей любимой, артистки кукольного театра Полины, которая, впрочем, пока не очень отвечает ему взаимностью.

1. Российско-финляндская граница. Со стороны нейтральной полосы к таможенному пункту с финскими пограничниками приближается странная процессия. Четверо пьяных финнов тянут на манер бурлаков древнюю «Победу», за рулем которой сидит 30-летний гражданин России Николай Балагуров, намурлыкивая себе под нос из Сергея Есенина: «Ты жива ещё, моя старушка, жив и я, привет тебе, привет...»

Сторожевой пёс рвётся с поводка. Старший пограничного наряда – белобрысый, с рыжими усами финн – разглядывает в бинокль всю эту катавасию:

– Это ещё что такое?

– Что за чёрт? – удивляется и второй таможенник, тоже белобрысый, но без усов, зато с маленькой аккуратной русой бородкой.

– Надо быть наготове, эти русские совсем одурели, – возмущается третий таможенник, тоже, конечно, блондин, но с гладко выбритым широкоскулым лицом.

– Думаешь, это провокация? – усатый передаёт бинокль бордату.

– Подпустим их поближе.

– Похоже, у русских наконец-то кончился бензин, – высказывает предположение усатый. – Чёрт! Да они же все в стельку пьяные!

Весёлая процессия подкатывает к таможене и, размахивая паспортами, финские «бурлаки» освобождаются от упряжки. Таможенники с удивлением разглядывая своих весёлых со-отечественников и допотопную машину. Колёк (между прочим, трезвый, в отличие от

своей тягловой силы), выбравшись из машины, приветствует финских таможенников:

– Здорово, погранцы! Я ваш коллега, тоже охранял рубежи своей родины... Наш лимузин слегка сломался, но на этих четырёх финских лошадиных силах мы допрём куда угодно. Правильно я говорю?

«Бурлаки» одобрительно гудят.

Усатый, отдав честь, на ломаном русском требует предъявить документы:

– Фассы токкументы, посалуста, и токкументы этта старый ма-
сиын.

– Вот, – предъявляет Колёк загранпаспорт и документы на машину. – А где у вас туалет?

– Не понимай, – не понимает или делает вид, что не понимает, усатый.

– «Мы» и «Жо», – подмигивает ему Колек. Показывает жеста-
ми: – Пись-пись.

– Я фас не понимай, – гнёт свою линию усатый.

– Фас?! – возмущается Колёк и начинает приплясывать на месте от нетерпения. – Ты ещё пса своего спусти! Вы чё, фашисты, чё ли?

– Он хочет в туалет, – по-фински объясняет очевидное один из «бурлаков».

– Я знаю, чего он хочет. Пусть потерпит.

Второй «бурлак», рукой погладив по капоту «Победы», говорит горделиво:

– Это та самая тачка, на которой Сталин ездил к своим девкам.

Бородатый таможенник не может скрыть своего возмущения:

– Вы что, господа хорошие, нанялись русских катать на себе?

– Да нет, это наша машина, купили у русского. И у нас просто кончился бензин, – объясняет «бурлак» бородатому таможеннику, до глубины своей финно-угорской души возмущённому славянским менталитетом:

– Вот варвары! Сидят на нефти, а бензина нет.

– А русская дорожная полиция сказала нам, что по их законам выпивши даже внутри движущейся машины нельзя сидеть, не то что за рулём, – подает голос третий «бурлак».

– Эти русские творят, что хотят. Вас просто надули. Сделали из вас дураков!.. А этот русский болван понимает что-нибудь по-нашему? – спохватывается мордатый.

– Да, мы научили его ругаться по-нашему, – отвечает третий «бурлак».

Усатый вернул Балагурову документы, указал рукой направление:

– Там есть туалетта.

Колёк сломя голову бросился в заданном направлении.

Усатый штампует паспорта соотечественникам-«бурлакам» и предлагает им:

– Я бы на вашем месте теперь поменялся ролями. Пусть теперь он дотащит вас хотя бы до заправки.

– Отличная идея! А то обидно за великую Финляндию.

Финны серьезно смотрят на свой национальный флаг, развевающийся на флагштоке.

2. Колёк Балагуров, справив нужду, рассматривает надписи на стенах туалета и дивится:

– Вот тебе и Европа! Такие же здесь говнюки, как и у нас, а ещё нос задирают. Сейчас мы их зафиксируем.

Прилаживается, чтобы сфотографировать надписи. Он так увлечён, что не замечает, как отворяется дверь и в туалет заглядывает бородатый таможенник. Тот наблюдает за манипуляциями странного русского, потом подманивает своего мордатого коллегу.

– Дикари! Посмотри на него. Он, видно, в первый раз увидел унитаза.

– А, может, он шпион? – высказывает предположение мордатый.

– На всякий случай нужно засветить его фотопленку. Начальству бы это не понравилось. Всё-таки мы на границе, – заявляет бородатый.

– А, может не будем связываться с этим русским? Какой-то он чудной.

3. По финской территории уже Колёк тарабанит на канате машину, полную счастливых финнов. И ругается по-фински:

– Саатана-перкеле! А ну, господа финики-чухонцы, запевай нашу! Как я учил?! – оборачивается к финнам, дирижирует одной рукой: – «Ты жива ещё, моя старушка...»

Пьяные финны с большим чувством и чудовищным акцентом подхватывают:

– Ты сива есё, моя тарусска, сив и я, ривет типе, ривет...

4. Квартира в многоквартирном доме в небольшом финском городке Йозенсуу, где проживает много эмигрантов и репатриантов из России.

В столовой у Кульбергов – дальних родственников знакомого Коляна, директора театра Супера – обед в честь дорогого гостя. Кульберг – эмигрант во втором поколении, человек преклонного возраста. Рядом с ним его жена, которая по-русски знает только несколько слов. На столе серебро, хрусталь, водка. Горят свечи. Звучит запись Александра Вертинского. Сидят культурно уже давно. Кульберг делится устными мемуарами:

– ...И тогда мой отец, русский офицер, выругался как извозчик, выхватил револьвер и застрелил этих гнусных убийц, как собак. Так была спасена моя мать. И, естественно, я, ваш покорный слуга, она была на пятом месяце. А потом проводник-карел помог моим родителям перейти финскую границу... В этом доме, в сердце Финляндской республики, жили лучшие люди России: генералы, князья, ученые и писатели. Я видел их в церкви. Как они молились! О, Боже, как они молились!

– А потом вы, значит, всё время в Африке работали? – неловко управляясь столовыми приборами, поддерживает светскую беседу Колёк.

– Африка, Чили, Перу, Индонезия...

Колёк решительно откладывает нож, берет вилку в правую руку – так сподручнее:

– И что же, вы так никогда и не были на исторической родине?

– Это смешно, я понимаю, но я боялся. Хотя моя троюродная племянница, покойная жена вашего друга Супера, звала неоднократно.

– А поехали со мной, – Колёк отодвигает тарелку от себя, давая понять, что трапеза окончена. – Машину купим и айда к нам. К матери моей в Подушкино отвезу, с дедом познакомлю, тоже старый парти-

зан, как и ваш батя. Народ у нас добрый, всем давно всё простил, так что бояться нечего... За это надо выпить, Иван Иванович, – тянется похотливо к едва початой бутылке красного вина, разливая по сосудам.

– За Россию-матушку! – метнув короткий взгляд в сторону жены, Кульберг поднимает свой бокал. – За царя! Великомученика Николая второго.

– За покойника не чокаемся. За Николая, за тезку. Пусть земля ему будет пухом.

Поднимают бокалы, но выпить не успевают. Культурное застолье прерывает угрожающий возглас жены Кульберга:

– Jukka! (Юкка!)

– Имею я право выпить за своего царя?! – смущённо оправдывается Кульберг, но выпить не смеет – так и держит бокал на весу.

– Jukka! – жена неумолима, прямо как русская жена.

– Чего это она? Что за юкка? – удивлён Колёк. – Мы ж по граммалечке.

– Jukka! Jukka! Jukka!

Жена Кульберга демонстративно встаёт из-за стола и удаляется из комнаты, держа спину пряменько, как истинная роува (госпожа). Кульберг тяжело вздыхает и произносит горестно:

– Представьте себе, Николай, Юкка – это я. Юхани. А я не Юхани, я – Ваня, и всю жизнь Ваней буду... – решительно, по-бунтарски опрокидывает содержимое бокала себе в рот.

5. Из-за дверей кабинета доносится разговор хозяев на повышенных тонах. Заграничная семейная разборка мало чем отличается от отечественной – только ругаются не по-нашему.

Колёк, в отведенной ему комнате, раскладывает на медвежьей шкуре водку и сигареты, которые контрабандой притаранил с родины для продажи. Время от времени прислушивается к ругани. Слышен звон бьющейся посуды.

– Ого, тяжелая артиллерия в ход пошла, – пересчитал имеющиеся в наличии бутылки:

– Восемь умножить на... Скоко же это евро будет? А ещё «Мальборо», а ещё шкура... Это же не медведь, это же мамонт какой-то... Коля, надо делать дело, надо дело делать...

Выглядывает из окна на вечернюю улицу. Напротив стоянка такси и пивбар. Колёк решительно запикивает в рюкзак всю контрабанду (кроме медвежьей шкуры).

6. Колёк и Кульберг в прихожей разговаривают шёпотом. Кульберг оправдывается:

– Простите за скандал, невольным свидетелем которого вы стали...

– Что я, не понимаю?

– Моя жена достойная женщина, но ...

– Слыхали. Этот самый... феминизм... Когда бабы... женщины мужиками командуют...

– Но вы не волнуйтесь, она успокоится... А машину я вам подберу, у меня связи... Куда вы на ночь глядя? Я боюсь за вас.

– А что, у вас тоже бандитизм? А говорили: спокойно.

– Не смотрите на нашу жизнь сквозь розовые очки. Год назад у соседа велосипед украли.

– Это что, самое большое преступление за год?

Кульберг щёлкнул замком, открывая двери:

– Я не боюсь, что вас ограбят, боюсь, заблудитесь.

– Да я тут, у дома, погуляю.

– Можете оставить мешок... Мы не будем интересоваться содержимым – слово чести.

– Да... у меня там... это... – замаялся Колек и тут же нашёлся: – фотографический аппарат. – Поправил рюкзак за спиной, бутылки предательски звякнули.

Кульберг «не заметил» звяка, сказал заботливо:

– Держитесь ратуши, Николай. Мы у ратуши живём.

7. Уже почти ночь. Колёк на стоянке снуёт от одного такси к другому, предлагая водку. Коммерция не складывается: финны не понимают его или делают вид, что не понимают.

– Эй, мужик, – один водитель окликает его на русском, – ты чего здесь шарисься?

– А ты? – обрадовался родной речи Колёк.

– Во, даёт! Я работаю.

– И я работаю.
– Что там у тебя? – кивнул на рюкзак таксист.
– Водка, «Мальборо», медведь, – как стихи продекламировал уже отработанный на финских таксистах текст Колёк.

– Чего-о? Какой медведь?

– Но медведя я под кроватью у Кульбергов оставил.

– Ладно, садись быстрее, а то тебя сейчас полиция заметёт.

Колёк забирается в такси, машина отъезжает на приличное расстояние и останавливается у моста через реку. Водитель, заглянув в балагуровский рюкзак, отсчитывает деньги.

– Беру оптом, сигареты по сто за блок, водка по пятьдесят марок за бутылку.

– Но мне говорили – меньше чем за шестьдесят марок водку не продавать. А то никакого гешефта.

– Твоё дело. Но я предупреждаю: заметут тебя. Финны все стукачи.

– Так уж и все?

– Хочешь проверить?

– Ладно, грабь. Одну бутылку себе оставляю, пригодится... А вот со шкурой-то чё? Она тут недалеко, под кроватью...

– Этот товар меня не интересует, – таксист вручает «контрабандисту» деньги.

– Может, за сто евриков возьмешь?

– Ну ты деревня! Ты вообще откуда вылез?

– Откуда и ты.

– За медвежью шкуру можно машину просить. Какую-нибудь «жучку». Хотя сейчас с этими налогами – невыгодно через границу. Ну, всё, гуд бай, у меня счётчик щёлкает.

Такси отъезжает. Колёк с похудевшим рюкзаком шагает по мосту. Навстречу нетвердой походкой движется хорошо одетый пьяный господин и горько плачет. Миновав мост, Колёк оборачивается и видит, что пьяный взобрался на перила моста и вот-вот сиганет с приличной высоты в воду. Это похоже на самоубийство. Колёк бросается спасать горемыку.

– Эй, гражданин! Стой! Подожди, придурок! Ты что делаешь?! Люди! Караул! СОС! Человек за бортом! Помогите!

Он пытается удержать господина за ноги, но тот уже летит вниз. Колёк, сбросив рюкзак с плеч, ни секунды не раздумывая, прыгает за самоубийцей с моста в воду.

По берегу, отчаянно сигналив, едет полицейская машина.

8. В полицейском участке, на столе, перед двумя представителями правоохранительных органов Финляндии, разложены вещдоки: заграничный паспорт Балагурова, рюкзак, непечатая бутылка водки, две матрешки, набор именного зубо-врачебного инструмента из «чистого титана», мокрые ботинки, портрет возлюбленной Полины – артистки кукольного театра – с поросёнком в руках... Напротив полицейских сидят Колёк и неудавшийся самоубийца, который близоруко щурится – потерял свои очки во время «купания». По всему видно, он ещё изрядно пьян, поэтому, несмотря на национальную черту характера – законопослушность, позволяет себе: ругается в полицейском участке как сапожник:

– Saatana! Perkele! (Чёрт! Чёрт!)

– Перестаньте, господин Пукконен! – пытаются утихомирить его полицейские.

– Ну ё-моё! – не выдерживает Колёк. – Вы люди или кто? Дайте выпить мне и этому водолазу. Мы ж все околели. Хоть по сто грамм налейте!

Полицейский смотрит на него непонимающе, потом говорит своему товарищу:

– Когда же наконец появится переводчик?

– В управлении сказали: до утра никого не будет, – докладывает младший по званию.

– Понятно, нормальные люди в такое время спят. Что будем делать с этим хулиганьём?

– Наверно, надо составить протокол, штраф выписать.

– Дайте хоть чем-то согреться, – не понимающий ни слова по-фински Колёк талдычит о своём, – зубы стучат, как у скелета, – оскалившись, изобразил зубами стук челюстей скелета.

– Чего он хочет? – ошумел от артистизма нашего героя старший полицейский.

– Он просит налить нам водки, – подал голос самоубийца. – И он прав.

– Вы что, понимаете по-русски? – спросил младший полицейский.

– Если я профессор русской филологии, то должен понимать по-русски?

– Господин Пукконен, – старший сурово посмотрел на нетрезвого профессора, – если вы сейчас же не объясните, что произошло, нам придётся задержать вас до понедельника.

Вместо объяснений профессор-самоубийца выдал гневную тираду:

– Будь проклята моя жена, её родители, родители её родителей и вся их лесбийская мафия во веки веков! Она изувечила всю мою жизнь!

– Та-ак, – протянул старший полицейский. – Мотивы понятны... А зачем этот русский бросился вас спасать? Надо было вызвать службу спасения...

– В отличие от вас, он человек, а не машина. В отличие от вас, он предложил мне выпить сразу, как только выволок меня на берег... Тит твоя матти! – добавил вдруг профессор русской филологии на смешанном русско-финском.

– Правильно, гражданин! – поддержал его Колёк, каким-то образом угадавший в странном словообразовании родной русский мат. – Давно сердце просит выразиться, но стеснялся.

– Господин Пукконен, мы, конечно, не профессора, но по-русски ругаться тоже умеем, – язвительно сказал старший. – Если не хотите получить ещё один штраф – помолчите.

Колёк покосился на спасённого им самоубийцу:

– Ты какой-то неправильный финн, на нашего похож.

Старший полицейский приказал младшему по званию:

– Вызывай врача. Похоже, профессор не наш клиент.

– А с русским что? – спросил младший.

– Не медаль же ему давать. Запиши данные и отпусти.

– Но в отчёте придётся указать, что он спас человека.

– Он спас идиота, а не человека, – горестно произнес профессор. И вдруг выдал по-русски с акцентом: – «Итиот». Фётор Тостоевский. Ё-пе-ре-се-те!

Колёк аж подскочил на стуле:

– Ё-пэ-рэ-сэ-тэ?! Достоевский?! Наш человек! Дай пять! – протянул руку странному «нефинскому» финну: – Николай Балагуров, можно по-простому – Колёк.

Тот тоже отрекомендовался:

– Пекка Пукконен. Мошна проста – Пекка.

С удовлетворением пожали друг другу руки.

9. После всех треволнений Колёк и спасенный им самоубийца сидят потеют в сауне, в доме профессора. Колёк любовно оглаживает руками стены и полок профессорской парилки, восхищённо цокает языком:

– Вот оно, качество! Молодцы! Уважаю! Тут тебе и поджопники фигурные, и вёдра медные... А что за дерево? Не осина? Дух какой-то не такой. Электрический дух.

– Африканский теревово, – объясняет профессор. – Финский человек – маньяк. Отчен любить сауну. Многий финн жена нет, сауна есть.

– А у русских – баб полно, а помыться порой негде. Но ничё, мы вас ещё догоним и перегоним по баням на душу населения. – Разливает из своей бутылки. – Нашей пробовал?

– На симпозиум, Санкт-Петербурк, мнока проповал.

– У нас тут тоже неплохой симпозиум... За баню!

– За сауну!

Выпивают залпом, смотрят ошалело друг на друга. Колёк хватается бутылку, читает этикетку, нюхает содержимое.

– Вода! Чистая аш-два-о! – Сокрущённо качает головой: – Ну, надули меня на родине, по дешевке прямо на заводе купил.

– Кюлля, да, – соглашается профессор, – обман. Вотка «Финляндия» не обман, – разливает по рюмкам свою водку.

– Выходит, и таксёр пострадал? Это ж на сколько я его нагрел?

– Сауна хорошо нагрел, – не понял его профессор.

– Да я не про баню, товарищ профессор кислых щей.

– Я профессор не кислых щей, – поправляет своего спасителя профессор. – Я профессор великой русской литератур. За сауна!

– За баню!

– Понимай, Николай, сауна – это баня, баня – это сауна.

– Ни хрена! Сауна – это сауна, а баня – это баня! Мы баню первые изобрели.

– Финский сауна пришёл из каменный век. Римский баня – потом, русский баня – потом. Наш жар сухой, ваш пар – мокрый.

– Вот именно! Жар есть, а пара нет. Держись, профессор, сейчас мы проверку твоей сауне устроим.

– Зачем проверка, не надо проверка.

– Пар за душу должен брать. Чтоб чертям стало жарко! – И Колёк плеснул из тазика на электрическую каменку. Та издала странный звук и задымилась. Дом погрузился в темноту.

Не сразу в потёмках раздался неуверенный голос Балагурова:

– Ну вот, видишь, она напора нашего русского не держит.

– Perkele! – перешёл на свой родной профессор русской филологии.

10. К дому профессора-самоубийцы подкатывает легковушка. Это жена профессора со своей юной подругой, которая за рулем. Машина останавливается.

– Может, войдёшь в дом? – спрашивает жена профессора подругу.

– Анна-Лииза, твой муженёк опять начнет психовать.

– Как мне надоели эти мужицкие страсти... Ладно, Анита, тогда до завтра?

Прощаясь, женщины целуются страстным лесбийским поцелуем. В это время во всех окнах дома гаснет свет.

– Что он опять придумал? – насторожилась Анна-Лииза. – Может, убить меня хочет?

– Не бойся, я с тобой, – Анита подает Анне-Лиизе фонарик, сама достаёт из багажника ломик, и женщины направляются к дверям дома.

11. Голые и пьяные Колёк и профессор ищут в потёмках свечи и спички.

– Свечки находить, запивать, спичка где.

– У тебя что, одна спичка? – ворчит Колёк. – А зажигалка есть? Тут работы на пять минут, плёвое дело. Цепь замкнуло, предохранители выбило. Банька-то на дровах понадёжнее.

В темноте натываются бутылки. Профессор падает, слышен звон разбитого стекла.

– Perkele! – чертыхается профессор. И вдруг затихает.

– Эй, профессор, ты жив? Голос подай. Голос!

– Perkele! – откликается не сразу профессор.

– Слава богу, я думал, ты убили... Вставай, чего разлётся? Или повредил чего?

– Зачем ты мешать мне самоубиться? – вдруг всхлипывает профессор.

– Ну, опять двадцать пять! Если каждый начнет из-за бабы в воду сигать... Где ты там? Давай руку, помогу.

– Это не моя рука, это моя нога. Ты делаешь мне щекотание, – профессор снова всхлипывает, но теперь не от плача, от смеха. Колёк тянет за ноги хохочущего от щекотки профессора. В этот момент в гостиной появляются жена профессора с подругой. Анна-Лииза безуспешно щёлкает выключателем, потом включает фонарик. Свет его выхватывает из темноты стол, уставленный выпивкой и закуской, торчащие из-за дивана обнажённые ноги профессора и закопчённую, распаренную физиономию голого Колька. Анна-Лииза начинает истерически хохотать, не сразу сквозь приступы смеха может выговорить:

– Ты только посмотри, Анита! И после этого они смеют нас в чём-то обвинять? Подонки!

– Да-а, профессор, – поражена Анита, – не думала, что вы меня сможете чем-то удивить.

Колёк, прикрывая широкой свечой свое «хозяйство», с мольбой в голосе произносит:

– Извините, у вас спичек не найдётся?

– О! Профессор, я в восхищении! – Анита явно упивается происходящим. – Этот ваш юный друг – он кто, рюсся? Не думала, что русские такие продвинутые в сексе.

– Теперь мы квиты! – заявляет Анна-Лииза мужу. – Я переезжаю к Аните. Надеюсь, больше не будешь препятствовать разводу? И имущество поделим по справедливости?

– Perkele! – единственное, чем может ответить профессор.

12. Утром Колёк в профессорской квартире разговаривает по телефону с родиной. Рядом сидит хмурый профессор, пьёт из банки пиво, под глазом у него внушительный синяк.

– Всё супер, Супер! Меня, Исаак Маркыч, родичи твои пригрели. Да у меня вообще тут куча знакомых теперь... Что-что? С «Победой»? С «Победой» полная победа. Продал финикам. Деньги все на хранении у Кульберга. Он сказал: «мерс» лично подберёт... Как там Полина?.. Ну и слава Богу... Что? Немножко задерживаюсь. Халтура подвернулась. Брату моего друга нужны мансиканцы на клубничные плантации... Перкеле! Да не мексиканцы, мансиканцы! Но тоже что-то вроде негров. Мансикка – по-ихнему «клубника». Они тут первые в мире по клубнике. Я на недельку-две смотаюсь в ихний колхоз, подхалтурю и домой... Ага. Понял... Сауну тут ихнюю изучаю днём и ночью, с ног до головы. Всё пригодится. Родине привет. И Полине... Полине, говорю, тоже привет! -- Колёк кладёт трубку. Хлопает по плечу профессора. – Спасибо. Кийтос! А то я что-то затосковал уже по родине.

– Никколай, в России есть лесбиянки? – спросил профессор мрачным голосом.

– Этого добра не встречал. А у вас тут, смотрю, сплошной феминизм. Я раньше не верил, теперь вижу: капитализм ваш сгнил до основания. А у нас он ещё молоденький, потому наши бабы пока ещё в своём уме. Говорю тебе, поехали к нам. Не пожалеешь.

– Ваш Тостоевский быть прав. Он быть прав.

– И Достоевский прав, и Есенин прав, и Николай Балагуров прав... Ну что, я готов по-батрачить на ферме твоего брата. Клубника что картоха. А по картохе я спец. Запрягай свой тарантас и поехали, только за медвежьей шкурой к Кульбергам заскочим.

Профессор и Колёк выходят из дома, и тут же их берут в плотное кольцо вездесущие журналисты. Щёлкают фотоаппараты. Работает телекамера.

– Господин профессор, правда ли, что этот русский вас спас?

– Прокомментируйте тот факт, что на вашу жизнь покушались националисты.

– Быстро в масына! – командует Кольку профессор, закрывая лицо руками.

13. Укрытые чёрной полиэтиленовой плёнкой, тянутся длинные грядки клубничных полей, на которых буйно «колосится» спелая клубника. Это ферма по выращиванию клубники в финской глубинке. Между грядками воткнуты в землю на кольях живописные огородные чучела. Колёк, в сомбреро и с ожерельем на шее из пластмассовых номерков на проволоке, собирает клубнику в корзинку. На других грядках копошится целый интернационал гастарбайтеров: португалец Серджио, два негра, вьетнамец, эстонцы и югославы. Колёк разгибается, трёт натруженную спину рукой. Встречается взглядом с Серджио.

– Спина, бляха-муха.

– Спиинаа, бляха-муха, – старательно повторяет Серджио и тоже потирает спину.

– Вот освою технику сбора мансикки, всех вас вызову на соревнование и сделаю. Ферштейн, Португалия?

– Ферштейн, бляха-муха! – Серджио смеётся. – Трабахо!

– Что за «трабахо»? – интересуется Колёк.

– Трабахо. Инглиш – джоб. Швидэн – ёбба, – Серджио стучит кулаком о кулак. – Трабахо.

– Работа, что ли? Да, мы тут все затрабаханные ёббой.

Наполнив корзину доверху, Колёк кладёт поверх ягод номерок, спешит к машине на краю клубничного поля, где приёмщицей «трабахает» русская женщина лет сорока – Катя. Стоя в фургоне, она взвешивает корзину с клубникой, отсыпает в пустую корзинку лишнее.

– Перебор.

– Сама же просила с горкой.

– И не мни мансикку, это тебе не титьки. Вишь, на жаре как слипается. Нежнее надо ягоду брать, нежнее. В другой раз такую корзину не приму. Хювя? (финск. – «Хорошо?»)

– Хювя, но я вроде нежный. Ты, Катюх, откуда финский знаешь? Муж, что ли, местный?

– Я не замужем.

– Да ну?! Очень интересно. А как сюда попала?

– Я репатриантка.

– Ну ё-мое!.. А я тебя хотел за хорошего человека сосватать. Что тут с бабами творится-то?! Сплошной разврат.

– Дурак! Репатриантка – значит возвращенка. На историческую родину.

– Ну, возвращенка, слава богу, не извращенка... Надеюсь, не лесбиянка?

– Ты точно – того! – возмущена до глубины души Катя. – У меня дед красный финн был, революционер!

– Так бы сразу и говорила... Я тебя, Катюха, с одним профессором познакомлю, по-русски чешет – лучше нас с тобой. Достоевского наизусть шпарит.

– Ты, Достоевский, достал уже меня. Я девушка из народа. Профессор найдёт себе что-нибудь поинтереснее и помоложе.

– Да он сам старый.

– Я вот тебе сейчас как дам! – Катя замахнулась на Балагурова пустой корзинкой.

– Ну, прости. Не хотел, – Колёк схватил карающую руку, приложился к ней поцелуем.

– Ладно, проехали... – выдернула руку Катя. Маскируя вспыхнувший интерес, спросила равнодушным тоном: – А этот твой профессор, он что, неженат?

– Да, считай, уже нет... Между прочим, тоже из народа. Брат нашего хозяина Кари Пукконена.

– А я-то думаю, как тебя взяли без трудовой визы...

– Тс-с-с! – приложил палец к губам Колёк.

– Если соседи узнают – ничто тебя не спасет от налоговой полиции.

– Нельзя, чтоб узнали. Мне деньги нужны. Я такое задумал, Катюха-а. Хочу всех умыть... Мне в Финляндии, знаешь, что нравится?

– Ну что?

– Чисто живут. Даже подозрительно.

– Скучно живут, – вздохнула Катя.

– Чего-то я не заметил.

– Да тебе разве где будет скучно? Иди трабахай, умывальщик.

– А я что, не трабахаяю? По тридцать корзин в день. И пятьдесят бы сделал, каб не зайцы.

– Да-а, зайцы в этом году распоясались. Аномалия какая-то. Целые полчища, и такие наглые. Хозяин сказал, если и дальше так пойдет – никто не заработает. Всё вытопчут.

– Так надо что-то делать. Чё он, перестрелять их не может?

– Нельзя, «зеленые» тут орудуют. Охрану среды защищают, животных. А люди страдай.

– А я-то как страдаю, Катюх, – поманил пальцем: – Дело. Секретное...

Катя нагнулась из фургона, подставила ухо и тут же отпрянула, замахала руками:

– Не-не-не. Я пас. Одному помогла – до сих пор икаю. Сам спививай свою контрабанду.

14. В хозяйском доме мать фермера Кари Пукконена разучивает на аккордеоне финскую польку, заглядывая в ноты на люпитре и отбивая ритм ногой. Сам Кари, напялив женский фартук с рюшами, хлопчет на кухне, гремит посудой, готовясь к приезду брата-профессора.

– Мама, – кричит Кари матери, – нельзя ли чуть потише, у меня тесто не поднимается.

Мать, сбиваясь с ритма, начинает снова. А Кари старается перекричать аккордеон:

– Мама! Я не успею приготовить рыбник к приезду Пекки.

– Perkele! – Мать в сердцах откладывает инструмент. – Хорошо, отец не дожил до этого позора... Ты с большим удовольствием пропадаешь на кухне, чем в поле. Урожай гибнет!.. Почему ничего не сделаешь с этими зайцами?

Кари появляется на пороге гостиной, разводит перепачканными мукой руками:

– Ну что я могу поделать, мама? Сама говоришь – такого нашего ещё не было.

– И это говорит мужчина?! Недаром от вас жены бегут! Никогда, видно, мне внуков не дожидаться. На кого оставлю ферму?

– Мама, не волнуйся, у тебя поднимется давление.

– Следи, чтобы у тебя тесто поднялось... За что мне это на старости лет?! А другой сынок? – Цедит сквозь вставные зубы: – Профессор! Нет, чтоб вернуться в отчий дом, делом заняться... Спасибо хоть хорошего работника привёз...

Кари подходит к окну, наблюдает за ползающими на грядках мансиканцами. Колёк развил бешеную скорость, никому не угнаться. Корзинки с ягодами он относит к машине бегом.

– Мама, можно я этого русского на следующий год приглашу?

– Если вы с Пеккой меня раньше в гроб не загоните.

Мать тоже присоединяется к сыну, смотрит из окна, явно любуясь «этим русским».

– Мне бы два таких сына – я б давно миллионершей стала.

15. Вечером Колёк, португалец Серджио, негр из Эфиопии, которого на ферме зовут на финский манер Эско, и вьетнамец Синтя (так он благодарит всех по-своему) отдыхают на своих койках в вагончике. Колёк разглядывает автографы на разных языках (есть даже иероглифы), оставленные на стенах и потолке предыдущими поколениями мансиканцев. Смотрит на портрет Полины, что напротив на стене. Глаза его слипаются, и Колёк погружается в сон.

И снится Балагурову: превратился он в негра, в чёрного раба с цепями на ногах. И соседи по вагончику теперь все тоже негры, даже сам негр Эско. Появляется белолицая Полина.

– Коля, я пришла выкупить тебя из мансиканского рабства. Тебе сделают операцию, как Майклу Джексону. Если не хватит кожи, отдам свою. И ты опять станешь белым человеком.

– Нет, Полина, – отвечает Колёк, – я не возьму от тебя кожу!

– Коленька, родной, всю свою кожу я отдам тебе! – Полина наступает на него, наступают, гремя цепями, и соседи-негры. Они заводят заунывный вой. Слышны звуки тамтамов.

– Нет! – кричит Колёк. – Не возьму! Полина, не подходи! Я не возьму! Нет!

Он просыпается. Звуки тамтамов слышны и наяву. Соседей по вагончику нет. Он поднимается с постели и выходит из вагончика в ночь. И такая картина предстает перед его глазами: по клубничному полю с фонарями, с факелами, колотя по тазам, кастрюлям (а эфиоп Эско даже по барабану), идут люди, пугая зайцев. Колёк грозит кулаком невидимым зайцам:

– Проклятые зайцы! Не заработать из-за вас. Ну, погодите! Возьмусь я за вас!

Возвращается в вагончик, снимает со стены портрет Полины, укладывая на подушку рядом с собой, и сверху укрывается подушкой, чтобы не слышать шум за окном.

16. Проливной дождь, поэтому у мансиканцев выходной. Гражданин Эфиопии Эско и вьетнамец Синтяо отдыхают в вагончике на своих койках, а Колёк и Серджио играют за столом в интернациональную игру, не требующую знания чужих языков, – морской бой.

– Бэ-четыре, – Колёк показывает Серджио четыре пальца.

– Афундо, бляха-муха, – Серджио зачёркивает в тетрадке потопленный «корабль».

– Португалия афундо! Россия чемпионэ! – радуется Колёк. – Бэ-пять. Не попал?

– Руссия ноу чемпионэ. Лисбоу чемпионэ.

– Лиссабон? На, выкуси! – Колёк сунул под нос Серджио фигу.

В вагончик входит учетчица Катя, спрашивает земляка:

– На прополку в Терво-Харью пойдёшь? Оплата почасовая. Ягод-то всё равно нет.

– Приехали. Ничего тут с вами не заработаю. И эти ещё... – Колёк глазами показал на отдыхающих: – Только бы спать да жрать. – Заводится вдруг с пол-оборота: – Даже до сортира лень дойти – всю территорию «заминировали»... А на кого подумают? На русского подумают!.. Здесь даже надписи в магазинах, что у них телекамеры от воров, только на русском. Думают, мы все воры и неряхи. Что-то я не видел надписей на вьетнамском или эфиопском.

– Коль, ну чего ты завёлся? – урезонирует его Катя. – Они ночь отдежурили по зайцам.

– Нет мансикки – пусть хозяин на горох отправит, на малину. Я сюда не отдыхать приехал, работать. Думал – уж тут-то не обманут, дадут заработать честным трудом.

– Вот разошёлся. Ну кто виноват, что эти зайцы так обнаглели... Сегодня, кстати, ты дежурный по зайцам. Да, чуть не забыла: звонил какой-то Кульберг, велел передать, что машину купил. Что за Кульберг, родственник?

– Знакомый. Ладно хоть он не обманул, человек чести!

– Эй-сикс, – дергает Колька за рукав Серджио и показывает шесть пальцев.

– Афундо, потопил. Однопалубник, – Колёк зачеркивает потопленный корабль. Сокрушённо: – Недолго дёргалась старушка в матросских опытных руках.

– Старуска, – повторяет с акцентом новое слово Серджио.

Катя, понизив голос и скосив глаза на спящих:

– По-моему, тебя уже начинают тихо ненавидеть, больно ты шустрый на поле.

– Научный подход. Нет, правда, всех построю, дай только с зайцами разобраться. Обещал стахановское движение – сделаю! Катюх, переведи надписи со стены. Чего пишут? Я этим вопросом сильно интересуюсь. На плёнку зафиксировал, а что пишут, – развёл руками.

– Да тут по-фински мало, финны на клубнику не очень-то стремятся, работа тяжёлая... Тут стихи, лирические, про клубничку. Маты всякие... А тут: «Хочу домой».

– Под этим я бы сам подписался.

– А тут непонятно к чему: «Евреи спят».

– Иди ты! – удивился Колёк. – Правда, что ль?

– Читать пока не разучилась.

– А при чём тут евреи?

– А я откуда знаю?! Они всегда при чём, – лукаво: – Может, при том, что где прошёл Колёк – еврею делать нечего. А?..

Смотрят друг на друга и вдруг начинают хохотать, да так заразительно, что к ним присоединяется ничего не понимающие манси-канцы.

17. Неясные таинственные звуки изредка нарушают ночную тишину. В вагончике все спят. Колёк, стараясь не шуметь, поднимается со своей постели, одевается в потёмках на ощупь. Вытаскивает из-под своей койки большой тюк и выходит с ним из вагончика прямо в ночь.

18. Утром хозяин фермы Кари Пукконен с матерью пьют кофе на веранде своего дома. Вдруг к ним без стука врывается сама не своя Катя. Кричит по-фински:

– Кари! Там Николая, стахановца, медведь съел!

Кари побледнел, чашка в руках ходуным заходила. Запричитал:

– Я так и знал. От этих русских одни неприятности... За что мне всё это, мама?.. Зайцы, медведи!.. Русские! Будь проклята эта клубника! Эта ферма! Мама! Во всём виноват Пекка. Он старший сын, он должен был остаться с тобой!

– Кари, сделай что-нибудь! – Катя в отчаянии. – Может, он ещё не до конца его съел...

– Почему ты решила, что русского съели? – спросила старуха мать.

– Там его номерки... тринадцатый номер, несчастливый... и обувь. Он сегодня один поля от зайцев охранял... И не вернулся. Пошли искать, а там...а там такой огромный... мохнатый... Съел Николая и спит. У сарая!

– Меня арестуют, меня посадят в тюрьму, – Кари почти рыдает.

– Кари, ты должен встать и убить этого медведя, как много раз это делал твой отец Микко Пукконен, – его мать говорит внешне спокойно, но жестко.

– Нет, мама! – шарахается от такого материнского наказа Кари. – Надо вызвать полицию.

– И это мои дети! – мать подает сыну ружье. – Один не может надрать задницу жене, а другой труслив, как заяц. Не позорь наш род, Кари Пукконен! Иди и убей людоеда!

19. К сараю на краю поля медленно приближается Кари с ружьём. За ним крадутся Серджио с колотушкой, Эско с барабаном, Катя со шваброй в руках. Синтяо, наверное, памятуя о славном партизанском прошлом своего народа, наverts на сомбреро для маскировки пук соломы и прихватил навозные вилы. Остальные сборщики клубники, не столь отважные, держатся поодаль, но тоже вооружены – кто булыжником, кто вожжами, а кто и кухонной утварью. Не доходя до сарая, охотники обнаруживают тлеющий костёр, вокруг которого воткнуты в землю чучела, перенесённые с полей, выложены какие-то лабиринты из камней – по всем приметам здесь проходило шаманское действо. Рядом валяются кроссовки Колька, разбросаны номерки (№ 13). А у самого входа в сарай лежит огромная медвежья туша.

Катя шепчет по-русски (в минуты опасности мы все говорим только на родном!):

– Дышит. Сволочь! Нажрался и дрыхнет. Сейчас... Сейчас ты у нас попляшешь...

Кари поднял руку, призывая к тишине. Все услышали какое-то шуршание из сарая. Кари вильнул от двери к стене. Гастарбайтеры за ним, вернее, за ружьём. Первым заглянул в окошко сарая Кари. И вот уже все приникли к окнам, потрясённые представшим зрелищем. Сарай до отказа был забит зайцами, которые копошились и налезали друг на друга.

– Он уходит! Уходит! Кари, стреляй! – кричит вдруг Катя.

Все видят, как медведь поднялся на задние лапы, пошатываясь, идёт к кустам. Останавливается и вдруг начинает... писать, совсем по-человечьи.

Катя схватил за ствол ружья, пытается отвести его в сторону, кричит по-русски:

– Не стреляй, Кари! Это Колёк!

Выстрел всё же грянул, сорвав шляпу с чучела и заставив оглянуться «медведя», – это, конечно же, Колёк собственной персоной в контрабандной медвежьей шкуре.

20. Возбуждённые мансиканцы окружили героя. Обнимают его, гладят и щупают медвежью шкуру. Колёк всеобщим вниманием ничуть не смущён, только сетует:

– Обидно, проспал – не вышло сюрприза.

– Да ты знаешь, какой нам сюрприз преподнёс?! – говорит Катя.

– Догадываюсь, – ухмыляется Колёк.

– Мы чуть тебя не застрелили, а ты лыбишься. У! – шутливо замахивается на него Катя.

Серджио в возбуждении вываливает весь свой запас русских слов:

– Spина, бляха-муха! Старуска! Пока-пока! Руссия чемпионэ!

– Гуд, вэри гуд, – выражает свои эмоции эфиоп Эско.

– Синтяо, синтяо, – кланяясь, благодарит неизвестно за что вьетнамец Синтяо.

– Коля, как я рада, что ты жив, – у Кати слёзы в глазах. – Зачем шкуру-то напялил?

– Да надоели мне ваши зайцы, вот я и решил...

– Спроси, как он поймал зайцев, – обратился Кари к Кате фински:

– Кари спрашивает, как ты этих сволочей словил? Их тут человек пятьдесят, не меньше.

– Простым дедовским методом. Но это секрет фирмы. Ноу-хау!

– Колёк стучит в дверь сарая: – Тук-тук-тук. Ну что, финские зайцы, обманул вас русский медведь?

Все хохочут – будто понимают русскую речь, а Колёк, вдруг осклившись, взрывает по-медвежьи и, растопырив «лапы», наступают на мансиканцев. Все с визгом и хохотом разбегаются в стороны, крича что-то каждый на своём языке.

21. Идет мелкий дождь. Мансиканцы – в желтых прорезиненных костюмах, именуемых в народе «презервативами», трудятся на клубничном поле. Никакой заяц им теперь не страшен!

Эфиоп Эско разгибает натруженную спину, произносит старательно:

– Стаканавец! Спина, бляка-мука.

– Сколько раз говорить: не стакановец, а стахановец, – поправляет эфиопа Колек. – Буква «ха» в русском языке – самая главная. Скажи: ха.

– Ха, – послушно повторяет чернокожий ученик. – СтаХАновец. Траба-ХАЙ...

– Молодец! И чего я в логопеды не пошёл?.. Давай, мужики, поднажмём! Теперь нам сам бог велел озолотиться. Ничто не помеха.

– Непоме-ХА! – выдает тут же эфиоп.

22. В деревенском ресторане сидят Кари, профессор, их мать-старушка, Колёк, Катя и Кульберг. Прощальный ужин перед отбытием Балагурова на родину. Звучит финская песня под аккордеон (ну, любят его финны!). Колёк поднимает бокал с пивом:

– Теперь надо обмыть колёса моего «Мерседеса».

– За колёса! – все поднимают бокалы, а Колёк наклонился к уху профессора:

– Ну как тебе наша Катюха?

– Отчен достойный сэнщин.

– Возвращенка. – Колёк грозит профессору. – Прошу не путать!
– подмигивает Кате. – Катюха, объявляю белый танец. Дамы приглашают кавалеров. А то он очень скромный.

– Он отчен нескромный! – не растерялся профессор, поклонился Кате.

Катя и профессор танцуют медленный танец. А Кульберг за столом переводит обращенную к Балагурову речь Кари:

– Николай, Кари хочет наградить вас за стахановскую работу... Откуда он знает про стахановцев? Даже я плохо знаю...

– А я о чём толкую – пора посетить историческую родину, а то совсем озверееете. Не бойтесь, в тюрьму не посадят.

– Я подумую... Николай, Кари хочет подарить вам свою «Ладу».

– Кому? Мне?! – изумляется Колёк.

– Машина не новая, но ещё очень хорошая.

– А может, не надо? Есть у меня уже «Мерседес». Что мне их, солить?

– Это премия, за поимку зайцев.

– Киитос, – поклоном благодарит Кари Колек. – Прямо не знаю, что и сказать

– И ещё их мама, – продолжает Кульберг, – от себя лично дарит вам двух свиней!

Колёк опешил:

– Мне? Свиней? Перкеле! Что я с ними буду делать? Да меня и на таможне не пропустят.

– Хорошие свињи, чилийские, чёрные. Отказываться не принято.

– Ну, раз такое дело... я тоже сделаю подарок Кари и его мамане. От всего сердца – медвежьей шкуру.

Кульберг переводит хозяину фермы слова Колька и ответ Кари:

– Кари просит вместо шкуры раскрыть ему секрет: как бескровно избавляться от зайцев.

Почесав затылок, Колёк отвечает не сразу:

– Ну, шкура ему как раз для этого и сгодится. Вот тут я ему приготовил инструкцию, – передал запечатанный конверт. – Но пусть распечатает только после моего отъезда на родину. Если раньше раскроет – всё ноу-хау похерится.

– Понятно, – сказал Кульберг, передавая конверт Кари и переводя условие Колька.

Профессор Пекка Пукконен, закончив танцевать, обращается к Кольку:

– Никколай, наша мама имеет просьбу. Пой, пошалуста, для неё русский песня про мать.

– А что за песня?

– Она говорит: про мать-старуху, которая шдёт своего сына. Про сад, про финский нож.

– Она что, Есенина знает? – Колек ошеломлен.

Профессор разводит руками в недоумении, а его мать глядит нашему герою прямо в глаза и улыбается таинственной улыбкой Моны Лизы. Всё-таки загадочные существа эти старухи, хоть русские, хоть финские – хоть какие... Знают, наверное, много.

Все гости ресторана сидят за столиками и внимательно слушают, как Колёк под аккордеон душевно исполняет Есенина:

– «Ты жива ещё, моя старушка? Жив и я, привет тебе, привет... Пусть струится над твоей избушкой тот вечерний несказанный свет...»

Профессор переводит текст брату и матери на финский:

– «Мама, если ты еще не умерла, то я шлю тебе привет. И пусть над твоей маленькой фермой вьётся дым от камина...»

– Иван Иванович, – шепчет на ухо Кульбергу Катя. – Коля просил, чтобы вы на обороте написали точный перевод. А то он мне не верит, что евреи спят.

Она передает Кульбергу фотографию, где запечатлена надпись со стены вагончика на финском языке: «Евреи спят».

– «Я слышал, что ты грустишь и часто выходишь посмотреть, не еду ли я из города на родную ферму...» – продолжает переводить профессор со слезами на глазах.

Растроганные сыновья оба с нежной любовью смотрят на свою мать-старушку. У той тоже глаза почти на мокром месте, но она держится.

Кульберг, нацепив очки, внимательно вчитывается в текст на фотографии, достаёт ручку с золотым пером, размашисто пишет на обороте снимка: «Здесь – «Евреи спят». Подтверждаю. Иван Кульберг».

23. Проводив на родину лучшего мансиканца Николая Балагурова, хозяин фермы Кари, его мать-старушка и Катя расположились в доме Пукконеных под медвежьей шкурой, распятой на стене. Катя торжественно вскрывает конверт, оставленный Кольком.

Есенинская песня, которую пел Колёк в ресторане, продолжает звучать с магнитофонной ленты: «... Будто кто-то мне в кабацкой драке саданул под сердце финский нож...»

Голос профессора переводит текст на финский: «...как кто-то в дешёвом ресторане ударил меня ножом, сделанным в Финляндии, в самое сердце...»

Катя, прежде чем перевести на финский инструкцию Николая Балагурова, читает вслух по-русски:

– «Рецепт деда Максима по приманиванию диких зайцев... Ровно в полночь, когда на болоте заквакают лягушки...»

24. Шоссейная дорога в финляндской провинции вьётся вдоль полей с клубникой. Путь пролегает мимо симпатичных городков, мимо деревенок, так не похожих своей ухоженностью на русские деревеньки, мимо аккуратных фермерских домиков, мимо автозаправочных станций, мимо придорожных кафе и киосков...

Николай Балагуров сидит за рулем подержанного «Мерседеса». На жёсткой сцепке следом идёт «Лада», а за ней в прицепной тележке едут, похрюкивая, с комфортом, без тряски (такая дорога!), две чёрные чилийские свиньи.

– ...В старомодном ветхом шушуне... – поёт Колёк.

Песня звучит, затухая. Караван Колька тоже исчезает за горизонтом.

**СЦЕНАРНЫЕ КОМПОЗИЦИИ
НЕИГРОВОГО КИНО**

ЗА ПАРАГВАЙ, ЗА РОДИНУ, ЗА ВЕРУ...

Крупно – колокол. Он начинает раскачиваться. Камера «отъезжает» на общий план. В кадре – православная церковь. Начинает звучать колокольный звон.

Титры на экране: ПАРАГВАЙ. АСУНСЬОН. НАШИ ДНИ.

В кадре один за другим сменяют друг друга вначале планы города, а затем таблички с названием улиц. «Avenida comandante Salaskin», «avenido comandante Kannonikov», «avenido oficero Serebriakov», «avenido oficero Malutin», «avenido oficero Blinov», «avenido comandante Belyaev»...

Титры на экране: ЗА ПАРАГВАЙ, ЗА РОДИНУ, ЗА ВЕРУ!

На колокольный звон наплывает Белый марш: «Так за царя, за Русь, за нашу веру...», исполняемый под гитарный аккомпанемент на языке гуарани. В кадре уличные таблички сменяет одна из улиц парагвайской столицы, и мы видим, что в окружении полтора-двух десятков туристов песню исполняют пять человек в индейских костюмах.

Песня звучит уже за кадром, а в кадре – сменяют друг друга видовые дагерротипы Петербурга восьмидесятых годов XIX столетия.

Титры на экране: ПЕТЕРБУРГ. ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ XIX ВЕКА.

На видовые дагерротипы наплывает расстеленная на полу старая, потрескавшаяся от времени во многих местах географическая карта. Через всю карту надпись на испанском языке – РЕСПУБЛИКА ПАРАГВАЙ. На карте построены в каре два десятка оловянных солдатиков. Камера панорамирует с каре на книгу, ле-

жащую рядом с картой. На обложке книги надпись – «Фенимор Купер. Зверобой».

И снова в кадре видовые дагерротипы Петербурга. Песня затихает. ЗТМ.

На экране «выписываются» озвученные титры.

Титры на экране: Я родился в то славное для России время, когда, казалось, что ничего, кроме величия, в будущем её не ожидает.

(из записок генерала Ивана Беляева)

Синхрон И.В. Кузнецовой: Иван Тимофеевич Беляев родился 19 апреля 1875-ого года в семье потомственного военного. Он был пятым ребенком в семье. В семье капитана гвардейского Измайловского полка Тимофея Беляева и его супруги Марии Ивановны уже росли трое сыновей и дочь.

На синхрон наплывают фотографии Тимофея Беляева, его супруги, и их троих детей – Сергея, Михаила, Владимира, Марии и Ивана.

Синхрон И.В. Кузнецовой: Мать новорожденного Вани умерла через пять дней после рождения сына. И спустя год отец мальчика женился вновь. У детей капитана отношения с мачехой не сложились. И тогда, получив перевод по службе в Варшаву, капитан Беляев отправил своих детей к бабушке, деду и двум незамужним тетюшкам по материнской линии. В небольшом особняке на Васильевском острове и прошло всё детство Ивана.

В кадре вновь появляется карта Парагвая. Детская рука расставляет солдатиков из каре на названия фортов и городов.

Голос за кадром: Именно в детстве и произошло первое знакомство Ивана Беляева с Парагваем. Оно состоялось на чердаке, где в архивах прадеда – суворовского адъютанта, он случай-

но нашел старинную, XVII века, карту Парагвая. Чуть позже уже библиотеке деда он нашел подшивку журнала «Русский инвалид», в нескольких номерах которого маленький Иван прочитал о самой страшной войне XIX века в Латинской Америке, длившейся шесть лет – с 1864 по 1870-ый год. Мальчика поразила смелость и мужество парагвайского народа, который до последней капли крови сражался с захватчиками, Аргентиной, Уругваем и Бразилией. И проиграл эту войну.

Камера панорамирует по корешкам книг на полке – Майн Рид, Фенимор Купер, Грин Сайнвек...

Голос за кадром: Ну, а вскоре, как и у каждого подростка тех далеких времен, у Ивана наступил индейский период...

...Так или примерно так будет начинаться наш фильм. Фильм о неизвестной россиянам странице Белого движения. Фильм, главным героем которого станет генерал Иван Тимофеевич Беляев и другие бывшие офицеры Белой гвардии, отстоявшие в тридцатых годах свободу и независимость маленькой латиноамериканской страны, ставшей для них второй Родиной. Фильм о создании «Русского очага» в государстве, давшим тысячам российских изгнанников шанс на новую жизнь. Жизнь без России окрест, но с Россией в сердцах.

«Существуют две точки зрения на русскую эмиграцию. Большинство считает только с условиями материального характера и в зависимости от личных стремлений. Иные, особенно вначале, смотрели на эмиграцию с другой стороны, усматривали в ней возможность организации сил для борьбы с большевизмом, при непременно условии играть в ней заметную роль. Впоследствии, когда события доказали полное отсутствие этой возможности, все их внимание обратилось на общественность, где, разумеется, они должны были сохранить ее за собою. Я же мечтал об одном. В море продажного разврата и растления найти горсть героев, способных сохранить и воз-

растить те качества, которыми создалась и стояла Россия. Я верил, что эта закваска, когда совершится полнота времен, когда успокоится взбаламученное море революции, сохранит в себе здоровые начала для будущего. Если нельзя было спасти Россию, можно было спасти ее честь».

(из записок генерала Ивана Беляева)

В одиннадцать лет Иван Беляев поступает в кадетский корпус, где уже учились его старшие братья. В 1886-ом году по окончании кадетского корпуса выдерживает экзамены в Михайловское военное училище. Все дисциплины давались юнкеру Беляеву легко, за исключением математических. Но вот ведь парадокс. Как только юнкера выходили «в поле» для подкрепления практикой полученных в училище знаний по курсу артиллерии – равных Беляеву не было. По результатам выпускных экзаменов Беляев попал в число семнадцати юнкеров, получивших «гвардейский балл» и был выпущен подпоручиком во Вторую лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду. На высочайшем смотре летом 1895-ого года император лично вручил Ивану Беляеву офицерские гвардейские погоны. И потекла служба – престижная, гвардейская, счастливая. За исключением одного момента.

«Мне было уже 26 лет, но я умер бы со стыда, если б кто-нибудь захватил меня в разговоре с барышней или попытке с ней познакомиться. И в мыслях я не допускал скотского чувства без любви... Нет, лучше смерть с высоким идеалом в груди!»

(из записок генерала Беляева)

Впав в состояние ипохондрии, Беляев испрашивает себе отпуск и отправляется на Кавказ. Более двух месяцев вместе с товарищем он путешествует по маршруту Минеральные Воды-Грозный-Владикавказ. По возвращении издает за собственный счет брошюру «На земле хевсуров». Неожиданно в научных кругах эта небольшая по объему работа получает мощный резонанс, и поручик Бе-

ляев становится самым молодым за всю историю членом Императорского географического общества. Продолжая службу в полку, Беляев по вечерам, вместо посещения разгульных офицерских вечеринок, в библиотеке географического общества окунается в изучение страны своего детства – Парагвая, его прошлого и настоящего, а так же истории индейцев. А вскоре он, наконец, знакомится с девушкой, тронувшей его сердце. И она отвечает ему любовью. Одна беда – девушка не из дворянского сословия, и, согласно гвардейскому уставу, Беляев не может связать себя с ней узами брака. Но Беляев ради своей Марии готов на всё и решается на тайное венчание. Правда венчание молодых людей временно откладывается. На дворе 1905-ый год. Полыхает первая революция. И батарея Беляева направлена на подавление матросского мятежа в Кронштадте. В ходе боевых действий, в отличие от других подразделений, батарея Беляева в этом кровавом месиве не потеряла ни одного человека. Вернувшись в Петербург, он получает благодарность от командира бригады. А через три дня тайно венчается с Марией. Командование бригады в шоке. Но учитывая образцовую службу Беляева и личную храбрость, проявленную им при подавлении кронштадтского мятежа, закрывает глаза на негвардейский поступок офицера. Проходит два года, и осенью 1907-ого года Мария умирает при родах. После похорон любимой Иван клянется себе, что, если когда-нибудь женится вновь, то у него никогда не будет детей. Спустя год он знакомится со скромной служащей Петербургского почтамта Александрой Севериной. Девушка покоряет Беляева своей скромностью, красотой и главное – сходством с покойной Марией. И вновь венчание. Но уже не тайное. Потому что ради Александры, также оказавшейся не дворянских кровей, Беляев демонстративно подает рапорт о выходе из гвардии и получает назначение в Первый Кавказский стрелково-артиллерийский дивизион. Последний раз Беляевы видят родной Петербург во время очередного отпуска 1913-ого года.

«Этот год – пожалуй, счастливейший в истории России, был последним счастливым годом и в нашей жизни. Мало тогда думалось о том, что ожидало нас впереди».

(из записок генерала Беляева)

Когда началась Первая мировая, командир батареи капитан Беляев в составе своего дивизиона был переброшен на Юго-западный фронт против австро-германских войск. По прошествии первых пяти месяцев войны Беляев получил звание подполковника и имел несколько представлений к ордену Святого Георгия. Осень 1915-ого года беляевский артдивизион встретил в Карпатах. После боя под Яворовым Беляеву был, наконец, вручен столь долго блуждавший по штабам георгиевский крест. «За неоднократное спасение батареи и личную храбрость». А через неделю – тяжелейшее ранение в живот. Несколько месяцев в госпитале в Царском селе. Затем снова фронт. Участие в славном Брусиловском прорыве, присвоение звания полковника и... Февральская революция. Страна погрузилась в хаос, фронты трещали по швам, армия окончательно деморализована. И тем не менее Беляев продолжает войну, как за Россию, так и за восстановление морального духа армии. На отдельных участках фронта Россия еще воюет. Воюет и Беляев, которому присвоено звание генерал-майора, командуя артиллерией Первого гвардейского корпуса Май-Маевского. Но наступает октябрь семнадцатого. В воздухе повеяло гарью гражданской войны...

«Под Псковом, после моего выступления перед одним из замитинговавших полков, ко мне подошел один из солдат и сказал: «Навроде правильно вы всё сказали, вот только сняли бы вы ваши погоны – так мы бы с вами всюду пошли». И я ответил ему: «Я не только погоны, я и штаны с лампасами сниму, если вы повернете со мной на врага. А против своих не ходил и не пойду, увольте!»

(из записок генерала Беляева)

Однако против своих пойти всё же пришлось. Участие во втором Кубанском походе, командование артиллерией в армиях Деникина, Кутепова, Врангеля, временные успехи в борьбе с Красной армией, – всё это порой давало надежды на возрождение России. Но осенью 1920-ого все эти надежды были утоплены в Сиваше вместе с послед-

ними штандартами Белой армии. Война за старую Россию была проиграна. А тут еще и личная драма. Сначала Гражданская война разбросала Беляева и его супругу Александру по разным концам страны, а потом в кровавом водовороте они и вовсе потеряли друг друга. Поэтому на трап одного из последних кораблей с остатками врангелевской армии генерал Беляев поднялся один...

«Уже совсем близко слышались разрывы снарядов и стрекот пулеметов. Судов не хватало, и все они отходили забитые доверху. Мы бросали сквозь мутную пелену слез последний взгляд на Родину, с которой вряд ли когда будет суждено увидеться вновь...»

(из записок генерала Беляева)

Мысль эмигрировать в Парагвай пришла Беляеву в Константинополе. Но сначала нужно было во что бы то ни стало разыскать Александру, Алю, Алюшу – без которой Беляев просто не представлял своей дальнейшей жизни. Поиски Али заняли у него два года. Буквально по крупицам собирал он сведения о ней. И чудом разыскал её в египетской Александрии. Куда, в том же роковом двадцатом, с остатками одной из белых частей, бежала она морем из красной России.

В феврале 1923-его чета Беляевых оказались в Аргентине. К этому времени идея создания «Русского очага» уже целиком захватила бывшего русского генерала. В отличие от руководителей «Русского общевоинского союза», созданного Врангелем в Париже, Беляев не поддерживал идею вооруженного свержения большевизма.

«Я не верил в скорое падение советского режима. Но одно знал точно – нужно сделать всё, чтобы не допустить гибель русской культуры и русского духа, сохранить и воспроизвести генофонд нации, чтобы, может быть, через столетие дети и внуки борцов с большевизмом смогли вернуться в Россию не мстителями, а мудрыми советниками и новаторами. В этом и заключалась моя идея создания «Русского очага». Но в Европе, где положение русской эмиграции с каждым месяцем становилось всё более унижительным, этого добиться было невозможно».

(из записок генерала Беляева)

По прибытии в Аргентину Беляев сразу же записывается на прием в парагвайское посольство. И в конце концов его принимают экс-президент Парагвая Гондра и военный агент Санчес.

«Оба приняли меня радушно. Гондра горячо приветствовал мое желание открыть русским эмигрантам возможность устроиться в его стране, однако добавил: страна обнищала и рассчитывать на вознаграждение придется не скоро».

(из записок генерала Беляева)

8 марта 1924-ого года Иван Беляев и его супруга Александра Александровна прибыли в столицу Парагвая Асунсьон. Вскоре Беляев был принят преподавателем фортификации в Военную школу Асунсьона. Авторитет, опыт и знания нового преподавателя спустя всего два месяца были оценены лично президентом страны, и Беляеву было присвоено звание генерала парагвайской армии. Генеральский оклад, уютный дом, прекрасный климат – чего еще, казалось бы, мог желать человек, прошедший две кровавые войны. А тут еще, буквально в нескольких километрах от города, настоящие индейцы – детская и юношеская увлеченность новоиспеченного парагвайского генерала.

«В то время, как неудержимый порыв влек меня к тем самым индейцам, которых я знал еще с детства, прочитав о них всё в библиотеках Императорского географического общества и Академии наук, моя жизнь двоилась под влиянием другой великой задачи: найти уголок, где бы всё святое, что создавала вечная Русь, могло сохраниться, как в ковчеге во время потопа, до лучших времен.»

(из записок генерала Беляева)

В конце весны 1924-ого года через белградскую газету «Новое время» Беляев направляет призыв «ко всем, кто мечтает жить в стране, где он может считаться русским» и создать национальный очаг.

Правительство Парагвая, заинтересованное в притоке в страну высокопрофессиональных военных и инженерных кадров, поддерживает инициативу Беляева. И уже летом того же года в страну начинают приезжать первые русские офицеры, среди которых были Игорь и Лион Оранжереевы, Василий Орефьев-Серебряков и Александр фон Экштейн. И приезд их совпал с первыми военными провокациями Боливии в пограничном районе Чако Бореаль – исконной парагвайской территории, на которую вот уже тридцать лет претендовал намного более сильный в военном отношении сосед. Сразу же после первой же боливийской провокации Беляев был вызван к военному министру. От имени президента страны Эйсебио Айла генералу было приказано в срочном порядке готовить экспедицию в самые труднодоступные участки Чако Бореаль для осуществления глубокой разведки с целью поиска наиболее удобных мест для расположения гарнизонов, долговременных оборонительных сооружений, наблюдательных пунктов, узлов связи и коммуникаций. Министр не скрывал, что рано или поздно военное столкновение с Боливией станет неизбежным.

За восемь лет генерал Беляев и его соратники совершили тринадцать разведэкспедиций в районы Чако Бореаль. Чудовищные климатические условия, скудное материальное и техническое обеспечение, постоянная угроза заражения тропическими болезнями и нехватка пресной воды – всё это не помешало тому, чтобы к началу тридцатых годов парагвайский генеральный штаб, располагая полной и точной картографией Чако Бореаль, дислоцировал там четырнадцать фортинов и укрепрайонов.

«Это был адский труд. Но мы проделали его до конца, прежде всего руководствуясь честью русского офицера и благодарностью стране, принявшей к себе тех, кто решил сохранить Россию для себя и своих детей, пусть и вдали от самой России».

(из записок генерала Беляева)

К слову сказать, в ходе разведэкспедиций в Чако Бореаль Беляев наконец вплотную встретился с предметом своей отроческой увлеченности – индейцами. Уважительным отношением и искренним интересом

к их истории, быту и языку, «белый генерал» завоевал у них огромный авторитет. И если в первых экспедициях отряду Беляева индейцы помогали лишь в качестве нанятых проводников, то позже уже целые племена помогали генералу и его спутникам в поисках водоемов и оптимальных маршрутов к той или иной неизведанной точке Чако Бореаль.

«Я был счастлив общением с этими мужественными, молчаливыми, непрехотливыми и закаленными матерью-природой людьми».

(из записок генерала Беляева)

Однако погружение в изучение жизни индейцев Беляеву пришлось отложить на три долгих года. 15 июня 1932 года боливийская армия атаковала парагвайский укрепленный район Питиантуте, и началась самая кровавая бойня за всю историю латиноамериканского континента – Чакская война. Через две недели боливийцы захватили один за другим три форта, расположенные в Чако Бореаль. Президент Парагвая объявил всеобщую мобилизацию. Под ружье встало 25 тысяч парагвайцев. Да, Парагвай, как мог, готовился к грядущей войне. Но сказать, что соотношение сил было не в пользу Парагвая, значило не сказать ничего. Военный потенциал Боливии, включая живую силу и технику, превосходил военный потенциал Парагвая в четыре раза. В расчете на нефтяные концессии после захвата Чако Бореаль, американские нефтяные компании финансировали вооружение Боливии как до начала войны, так и во время её. Плюс к этому боливийским союзником в Чакской войне выступила республика Чили. Но, не взвешивая на это, Парагвай принял вызов.

«Исходя из голой военной теории, Парагвай должен был рухнуть как картонный домик в первые же месяцы после начала боливийского наступления».

(из записок генерала Беляева)

14 сентября Беляев был назначен генерал-инспектором 1-ого армейского корпуса и принимает непосредственное участие в защи-

те фортина Бокерон. А месяцем раньше в Асунсьоне, в доме поручика Канунникова, собрались два десятка бывших офицеров, по призыву Беляева переехавших в Парагвай в середине двадцатых годов. Большинство из них успели обзавестись небольшим собственным бизнесом, работали инженерами, агрономами, преподавателями.

«Как только офицеры собрались в доме Канунникова, слово взял инженер-путеец Николай Корсаков. Вот его слова: «Уже двенадцать лет прошло с тех пор как мы потеряли Россию. Парагвай принял нас с теплотой и любовью, но сегодня для него наступили тяжелые дни. Чего же мы ждем? Ведь Парагвай наша вторая родина, а все мы – русские боевые офицеры.»

(из записок генерала Беляева)

И уже на следующий день все семьдесят бывших русских офицеров, находящихся в Парагвае, после посещения командующего вооруженными силами страны генерала Рохаса, были зачислены в действующую армию с присвоением прежних воинских званий.

«Этот день можно считать началом нашей победы в этой страшной войне. Русские офицеры, прошедшие горнило двух великих войн, составили костяк младшего, среднего и высшего командного состава парагвайской армии. И это было тем более важно, что во главе боливийских сил стояли немецкие военные специалисты. Те, с кем мы не довоевали в первую великую войну, из-за прихода к власти большевиков».

(из записок генерала Беляева)

Сам же генерал Беляев в октябре 1932-ого указом президента Парагвая был назначен главным советником начальника Генерального штаба. А по существу, стал начальником Генерального штаба вооруженных сил Парагвая. К слову сказать, до 1930 года аналогичную должность в боливийской армии занимал один из будущих основателей III рейха Эрнст Рэм. Именно он и генерал Кундт готови-

ли армию Боливии к будущей войне. Готовили, твердо обещая боливийскому правительству, что в случае войны Асунсьон падет на третий месяц со дня начала боевых действий. Но репетиции блицкрига у немцев в Парагвае не получилось. И прежде всего благодаря профессиональным навыкам, фронтовой закалке и личной храбрости русского офицерства во главе с генералом Беляевым.

КАПИТАН ВАСИЛИЙ АРЕФЬЕВ-СЕРЕБРЯКОВ

В первую мировую дослужился до есаула. В гражданскую воевал в вооруженных силах Юга России. Эмигрировал в Югославию, затем в Парагвай.

Во время штурма города Бокерон поднял своих солдат из окопов в лобовую атаку. Сам пошел впереди цепи. Ошеломленный противник пришел в себя, когда до его укрепления оставалось несколько метров. После первого же залпа капитан Арефьев был убит. Но солдаты его роты первыми вошли в Бокерон.

КАПИТАН БОРИС КАСЬЯНОВ

На первую мировую ушел с университетской скамьи вольноопределяющимся. В гражданскую участник легендарного Ледового похода. В 1927-ом году закончил инженерный факультет Пражского университета. В Парагвае руководил строительством мостов.

Эскадрон Касьянова проводив разведку боем под городом Саведра, попал в засаду. Завязался бой с превосходящими силами противника. Шедший впереди эскадрона с пистолетом в руке Касьянов был сражен пулеметной очередью. Задача по выявлению дислокации дивизии противника была выполнена.

КАПИТАН НИКОЛАЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

Друг и однокашник капитана Касьянова по Петербургскому университету. После гражданской войны обосновался в Париже. Имел процветающую адвокатскую контору. В одной из эмигрантских газет узнал о гибели Касьянова. Через две недели оказался в Парагвае.

На приеме в Генштабе написал прошение о назначении в эскадрон погибшего друга. Вскоре стал командиром этого эскадрона, затем командиром полка. Четырежды лично поднимал полк в штыковую атаку. В 1934-ом году при штурме фортиана Пуэсто-Павон был тяжело ранен. После эвакуации в тыл остался жить в Парагвае.

ПОЛКОВНИК АРТУР ВЕЙС

В гражданскую был начальником медицинской службы вооруженных сил Юга России. На Чакской войне с первого дня. В считанные недели наладил бесперебойное снабжение парагвайской армии медикаментами и медицинскими кадрами. Провел не одну сотню операций раненных в полевых условиях. В 1935-ом Вейсу было присвоено звание генерал-майора медслужбы.

НАТА ЩЕТИНИНА, СОФЬЯ ДЕДОВА, ВЕРА РЕТИВОВА, НАДЕЖДА КОНРАДИ

Сестры милосердия полевых госпиталей парагвайской армии.

МАЙОР НИКОЛАЙ ШИРОКОВ

В первую мировую поручик уланского Архангелогородского полка. Гражданскую прошел в составе вооруженных сил Юга России.

В Чакскую войну командир пехотного батальона. При обороне фортиана Алиуата батальон Широкова отразил восемь атак превосходящих сил противника. После окружения фортиана прорвал окружение, без потерь отвел батальон и в километре от линии прорыва создал новый оборонительный рубеж. За личную храбрость и тактические успехи одним из первых русских офицеров был награжден Чакским крестом.

КАПИТАН ВАСИЛИЙ МИЛЮТИН

В первую мировую и гражданскую сотник Кубанского казачьего войска. В Чакскую войну командир роты разведбатальона. При

освобождении фортина Фалькон накрыл своим телом пулемет противника.

МАЙОР НИКОЛАЙ ГОЛЬДШМИДТ

В первую мировую и гражданскую служил в конной разведке. Во время Чакской войны сначала командовал кавалерийским полком, а затем был переведен начальником топографической службы в штаб первого армейского корпуса. Во время выезда на привязку местности под городом Каньяда Стронгест грузовик Гольдшмидта попал в засаду. Майор и два его сопровождающих солдата отстреливались до последнего патрона – того, что каждый из них оставил для себя.

Всё это лишь малая толика примеров героизма, самоотверженности и военного опыта, продемонстрированных русскими офицерами в Чакской войне.

«Блистательные победы над превосходящими силами боливийцев при Кампо-Виа, Савведре, Муньосе, Каньядо эль Кармен, Вилья-Монте и в решающем сражении при Игнави – героические страницы не только истории Парагвая. Это героические страницы и истории русского офицерства, бесстрашно сражавшегося за свою вторую родину и честь уничтоженной большевизмом старой России»

(из записок генерала Беляева)

По завершении сражения при Игнави в одном из брошенных боливийцами окопов было найдено деревянное днище от ящика для снарядов с надписью: «Если бы не ваши русские команданте, мы бы никогда не проиграли эту войну».

А 14 июня 1935-ого года в присутствии комиссии Лиги наций от имени Парагвая генерал Беляев подписал акт о перемирии. Согласно акту за Парагваем осталась вся область Чако Бореаль. Самая кровопролитная война за всю историю Латинской Америки была окон-

чена. Боливия в этой войне потеряла убитыми 89 тысяч солдат, Парагвай – 40 тысяч. В процентном отношении к населению обеих стран эти жертвы превзошли людские потери всех стран-участниц первой мировой войны. Из семидесяти русских офицеров, участвовавших в Чакской войне, погибли семнадцать. В том же 1935-ом году в честь каждого из них были названы улицы, мосты, форты в столице Парагвая Асунсьоне и за его пределами.

Героический вклад русских воинов в дело защиты свободы и независимости своей второй родины позволил парагвайцам ближе узнать и полюбить их. Дальнейшая эмиграция русских стала весьма желательной для правительства Парагвая. Поскольку и в мире, и в войне эмигранты из России показали себя людьми высочайшей культуры, храбрыми воинами и отменными профессионалами. Вот почему сразу после войны правительство Парагвая наделило Беляева полномочиями для организации массовой русской эмиграции в Парагвай. Казалось бы, настало, наконец, время для осуществления на практике идеи «Русского очага». И в Парагвай из Европы пошли первые корабли с тысячами русских людей на борту. Но к несчастью, вымотанная войной экономика Парагвая не смогла переварить такого количества новых граждан. И не выдержав жестких условий существования, после двух-трехмесячного пребывания в Парагвае многие прибывшие в страну покидали её. Целыми колониями русские эмигранты находили себе новые пристанища в Аргентине, Бразилии, Уругвае. И генерал Беляев не осуждал их, при этом делая всё возможное для устройства быта и работы тех, кто всё-таки решил остаться. Да, романтическая идея Беляева создания глобального «Русского очага» потерпела крах. Но духовный «Русский очаг» в Парагвае все же был зажжен. И в первую очередь благодаря тому, что страну не покинул ни один из офицеров-участников Чакской войны.

«Будет время, по Божьей воле Россия потряхнет нестерпимую тиранию. И она использует плоды адского труда тех, кто остался здесь, для своего будущего. Иллюзий делать не следует – это не для нас и не для наших детей, а для нашего Великого отечества, которое растет на костях мучеников».

(из записок генерала Беляева)

В 1936-ом году Беляев вплотную занялся индейским вопросом. И занимался им до последнего дня своей жизни. В мае 1937-ого при правительстве Парагвая по инициативе Беляева был создан Национальный патронат по делам индейцев. Кандидатура директора патроната, понятно, не обсуждалась.

Создание индейских школ, привлечение в эти школы русских преподавателей, введение в индейских школах наряду с предметами парагвайских средних школ уроков «история русской культуры», перенос индейских колоний в городскую черту Асунсьона, создание системы медицинского обслуживания индейцев, признание языка гуарани наряду с испанским вторым государственным языком Парагвая, принятие парагвайским правительством «Декларации прав индейцев» – вот лишь основные этапы деятельности генерала Беляева на поприще решения индейского вопроса. А еще – множество печатных трудов по этнографии, истории и культуре индейцев.

«Пятнадцать лет, проведенных мною в самом сердце Чако, дают мне право говорить о достоинствах этой непонятой нами расы. Я совершенно уверен в том, что включение индейцев в активную политическую жизнь американских республик принесет обществу огромную пользу».

(из записок генерала Беляева)

22-ого января 1957-ого года на отпевании генерала Беляева – Почетного Гражданина республики и Почетного Генерального администратора индейских колоний, рядом с президентом страны и ветеранами Чакской войны стояли вожди всех индейских племен Парагвая. После отпевания десятки тысяч людей шли за катафалком с гробом того, кого четверть века назад парагвайские индейцы нарекли Белым Вождем из клана Тигров. У городского порта генералу были отданы последние воинские почести – взвод солдат дал в небо десять ружейных залпов. Затем катафалк на пироге перевезли через реку на территорию одной из индейских колоний. В хижин

не, где Белый Вождь когда-то учил их детей, индейцы всю ночь читали «Отче наш» на языке гуарани и пели погребальные песни. На рассвете они совершили обряд похорон по индейски, после чего сплели над могилой шалаш, посадили вокруг кусты роз и на ровном четырехугольнике земли рядом с положенными на него томагавком и русской офицерской фуражкой выложили камнями русскими буквами три слова: «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ БЕЛЯЕВ»

На каменные буквы, томагавк и фуражку «наплывает» книжная полка. Камера панорамирует по корешкам книг на полке – Майн Рид, Фенимор Купер, Грин Сайнвек, Иван Беляев...

Книжную полку сменяет в кадре расстеленная на полу старинная карта Парагвая. Детская рука выдвигает вперед одного из солдатиков, выстроенных на карте в боевую цепь. За кадром начинается звучать «Белый марш» в исполнении детского хора.

Титры на экране: ПАРАГВАЙ. АСУНСЬОН. НАШИ ДНИ.

Камера панорамирует по лицам певцов детского хора АРИДЕП (Ассоциации русских и их потомков в Парагвае). Песня выходит на припев.

*Так громче, музыка, играй победу!
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!
За Парагвай, за Родину, за веру
Мы грянем громкое «ура»! Ура! Ура!...*

На песню наплывает колокольный звон. В кадре появляется церковь и идущие к её воротам люди.

Голос за кадром: Сегодня в Парагвае живут около двух тысяч русских. Родной язык из них знают немногие. Однако асунсьонский храм Покрова Пресвятой Богородицы, построенный в 1932-ом году на деньги эмигрантов из России, во время воскресной службы всегда бывает полон. А раз в год, в день смерти генерала Беляева

ва, касики всех парагвайских индейских племен заказывают в храме поминальную службу и лично присутствуют на ней.

Колокольный звон продолжает звучать. В кадре же (как и в начале фильма) одна за другой сменяют друг друга таблички с названием улиц. «Avenida comandante Salaskin», «avenido comandante Kannonikov», «avenido oficerо Serebriakov», «avenido oficerо Malutin», «avenido oficerо Blinov», «avenido comandante Belyaev»... и

«AVENIDO RUSSIA»

ЗТМ.

НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ

(сценарий фильма о судьбе двух братьев Макаренко)

Семь лет назад умерла моя мама, Макаренко Олимпиада Витальевна, родная племянница великого советского педагога, всемирно известного автора “Педагогической поэмы” Антона Семёновича. Её отец, мой дед Виталий Семёнович Макаренко, будучи поручиком армии Деникина, отступил от стен родного Кременчуга и никогда не видел дочери, она родилась уже тогда, когда Белая армия вела бои в Крыму. Маму удочерил Антон, она воспитывалась в его доме, жила вместе с ним и в коммуне, и в колонии, её он называл своей единственной наследницей, единственной родной кровиночкой; своих детей у А.С.Макаренко не было.

Спустя много лет отец разыскал дочь, завязалась бурная, страстная переписка, закончившаяся разрывом... Моя сестра, народная артистка России Екатерина Сергеевна Васильева, пыталась восстановить связь, её не выпускали из СССР. Третьим и последним корреспондентом был я. 22 июля 1983 года дед скончался в доме для престарелых города Йер во Франции в возрасте 88 лет, немного не дожив до начала крушения ненавистной ему власти большевиков.

Сохранились его письма, фотографии, видеосъёмка 1971 года, сделанная сотрудниками марбургской лаборатории “Макаренко-реферат”, по заказу которой В.С. написаны воспоминания о его великом брате, Антоне, говорившем о Виталии, впрочем, так: “Он много меня талантливее, я ему в подмётки не гожусь”. Весь свой талант Виталий вынужден был истратить на выживание здесь и там.

Виталий Семёнович: «Семья наша была патриархальной, как и большинство семей в эту эпоху. К родителям мы обращались на “Вы”, но руки после обеда целовал только я. Попов не любили, но в главной комнате в углу висела икона, и перед ней накануне воскресных и праздничных дней зажигалась лампада. Отец каждое утро и каждый вечер совершал перед иконой молитву. В Белополье он

даже был церковным старостой... Отец относился к революции прямо враждебно. Он предчувствовал, что она не произойдёт без кровопролития, и говорил: "Они всё разрушат, но ничего нового не создадут". 80% населения хотели не столько революции, сколько перемен. Ждали какого-то обновления, но никто не мечтал о замене монархии, в конце концов довольно либеральной.

Сколько я ни помню Антона, я вижу его постоянно с какой-нибудь книгой. Из художественной литературы А. читал буквально всё, что появлялось на книжном рынке. Он купил около 20 портретов писателей, главным образом русских современников, и украсил ими все стены своей комнаты. Среди научных книг А. больше всего прочёл книг по русской истории: Ключевский, Платонов, Костомаров, Грушевский "История Украины", Шильдер "Александр I", "Николай I". Всеобщей историей А. не интересовался, кроме истории Рима и истории французской революции. После истории... он особенно увлекался Ницше и Шопенгауэром. Большое впечатление на него также произвели произведения В.Соловьёва и Э.Ренана и книга Отто Вайнингера "Пол и характер".

Внутренними делами нашей семьи он совершенно не интересовался, и отец не без горечи говорил иногда: "Семья для него не существует, он приходит сюда, как в гостиницу – переменить бельё, пообедать и поспать. Всё остальное его не интересует. Аристократ какой-то". Когда ему однажды сказали об этом, то ответ его был до ужаса циничным, что совершенно не вязалось с его глубокой деликатностью по отношению к другим: "Я не просил вас родить меня на свет Божий. Вам необходимо нести некоторую ответственность за ваши поступки. Давать больше денег я не могу".

Поп Григорович пытался переубедить Антона: "Вы разочаровались в жизни потому, что утратили веру в Бога, в высокое назначение человека на земле – стремиться к абсолютному совершенству".

– Вы повторяете старые, надоевшие "истины", в которые вы первый же не верите. Вы обязаны говорить так, потому что носите рясу и крест. Стремиться к совершенству – абсурд. Если завтра все люди станут идеальными ангелами и получают бессмертие – жизнь станет от скуки совершенно невыносимой, и люди будут умолять Бога о ниспослании смерти.

– Значит, вы отрицаете значение семьи?

– Да, отрицаю. Семья – это пережиток рабовладельческих времён. Это – нелепость. Во всяком случае, я клянусь и даю слово, что никогда не женюсь, и никогда не буду иметь детей.

Надо сказать, что немного позже Антон женился первым браком на... жене этого священника, и её могила теперь находится рядом с могилою родителей Макаренко, а вот что касается атеизма, то моя мама уверяла, что никаких разговоров на тему веры в доме не было, однако никогда в своей педагогической деятельности А.С. не вёл никакой безбожной пропаганды. Вместе с тем в 1917 году он рекомендовал маме прочитать полное собрание Достоевского старого издания, из чего я делаю вывод, что, в конце концов, брат моего деда, равно как и дед, были типичными русскими богоискателями начала века. На могиле В.С. стоит /стоял/ большой православный крест, о нём отдельно. Всегда мы поздравляли друг друга с Пасхой традиционным “Христось воскресе!” Но – вернёмся чуть назад.

Семён Григорьевич хмурился: “Что же это, неужели я вырастил анархиста? Чему он научит своих учеников?”

Шла война. Скоро мне должно было исполниться 20 лет и, следовательно, угрожала мобилизация. Я решил предупредить события. 1 марта 1915 г. я поступил в ближайшую к нам военную школу – Чугуевское военное училище, и через 6 месяцев вышел оттуда с чином прапорщика. При разборе вакансий я взял Киевский военный округ. В штабе Округа я подсунул писарю, распределявшему назначения, 20 рублей и получил назначение в 27-й запасной батальон, в Полтаву... Через два месяца я уехал на фронт. Больше года я почти не видел А. Встречались мы только во время посещения Антоном госпиталей, где я находился после ранений. В конце 1916 г. он был мобилизован, как ратник ополчения 2-го разряда для прохождения строевой подготовки, и направлен в казармы в Киев, где его и застала революция /февральская/. Оказалось, что казарменная обстановка среди мобилизованных мужиков и рабочих подействовала на А. удручающе. /За всю совместную жизнь с братом я ни разу не услышал от него неприличного слова/... Он прямо писал бывшей попадье, что покончит с собой... Не успели мы войти во двор, как увидели нашего А., несущего в двух баках суп и кашу. Но какая невоенная фи-

гура: огромные сапоги с брезентовыми голенищами, слишком большая фуражка, закрывавшая ему половину ушей, смятая, не по росту гимнастёрка – всё это делало его фигуру просто комичной. Он долго щурился, не веря глазам своим, но когда он, наконец, нас узнал, он бросил свои котелки прямо в грязь и со слезами бросился нам на шею... Но, собственно говоря, что было ужасного в этой казарме? Абсолютно ничего. Казарма и есть казарма, а не институт благородных девиц. Конечно, были вши, махорка, тяжёлый воздух, матерщина, но ведь всё это на какие-нибудь 2-3 месяца, и нельзя было даже и сравнивать эту казарму с фронтом, с окопами. Я поговорил с его начальниками – ничего ужасного не было. Не было даже никаких строевых занятий, только иногда прогулки с песнями по городу. Остальное время они ничего не делали, спали и портили воздух. Кроме того, через 3-4 недели их должны были распустить по домам. А. не только никогда не стрелял, но даже в руках не держал ружья. Ружей не хватало даже в действующей армии.

Я успокоил брата, как мог, ротный командир пообещал скорое освобождение, и мы уехали. Но на вокзале я не удержался и спросил: «Слушай, Антон, вот мне всего 21 год, но я уже 4 раза ранен, иногда целыми днями сижу под ураганным огнём противника, иногда днями остаюсь без пищи, потому что подвоз невозможен, у меня 200 человек солдат, за которыми я должен следить, одевать, кормить и, самое главное, которых я должен воодушевлять и вести в атаку – что бы ты делал на моём месте?»

А. в упор посмотрел мне в глаза и спокойно ответил:

– Я бы застрелился!

Вскоре я был назначен помощником коменданта станции Киев. Антон благополучно закончил институт и в августе 1917г. был назначен инспектором вновь преобразованного Крюковского ж.д. высшего начального училища. Я оставался в Киеве до октября 1917г., когда пришедшие большевистские власти выбросили меня чуть ли не на улицу. Я приехал в Крюков, где А. великодушно пришёл мне на помощь и предложил место учителя в его училище / рисование, спорт, математика /.

Но чисто педагогическая часть нашей деятельности отошла на второй план. На первом плане были заботы о “хлебе насущном”

и одежде. Два года, которые мы провели в училище /1917-1919/, прошли под знаком крайних материальных лишений: власти сменялись чуть ли не каждые 2 месяца /большевики, немцы, вновь большевики, петлюровцы, антоновцы, григорьевцы и пр./ и население было разорено... Я донашивал ещё форменную одежду /кроме погон/ – да другого у меня и не было. Ребята расспрашивали меня о войне, об окопах, о ранениях и наградах. И как-то незаметно, без определённого плана, я стал заниматься с ними военным строем. Во время уроков гимнастики, несмотря ни на какую погоду, мы строились во дворе, перестраивались и затем уходили с песнями куда-нибудь в ближайшие окрестности.

После военного строя как-то незаметно вопрос зашёл о знамени: почему у нас нет своего знамени? Мы хотим иметь своё знамя! Я им посоветовал обратиться прямо к брату.

Вначале Антон был против: “Я не хочу заводить казарму!” До тех пор А. был принципиальным противником военных. Солдаты были для него только “серой скотинкой”, а офицеры “пшютами” и недоучками. Позже удалось убедить его, что военный строй не имеет ничего плохого, так же, как и знамя. Ведь военный строй применяется не только в армии, но и у бойскаутов и в кадетских корпусах, и имеет большое воспитательное значение. Так или иначе, но когда Крюков был занят немецкими войсками, у нас было уже своё знамя, белое, но с двумя лентами – жёлтой и голубой – цветами Украинской Республики. Знамя было шёлковое, окаймлённое золотой бахромой. С одной стороны были вышиты инициалы училища и эмблема путей сообщения /скрещенные топор и якорь/, с другой стороны – текст из евангелия: “Такое да просветится свет ваш пред человеки”. Когда украинцев сменили большевики /в начале 1919г./, мы сняли со знамени жёлтую и голубую ленты и заменили их красными. В скором времени, по какому-то революционному поводу, большевики устроили большой парад, на котором, кроме войск, должны были присутствовать и все учебные заведения. Мы пришли с нашим белым знаменем и увидели на площади десятки ярко красных знамён. Через пять минут к нам прибежали разъярённые распорядители и приказали немедленно убрать “белогвардейское” знамя и больше с ним никогда не показываться. Хранить это знамя было

опасно. Антон приказал его уничтожить и заменить красным и уже без “Тако да просветится”, что мы и сделали.

Оркестра у нас ещё не было, но был оркестр Крюковских мастерских, и в одно из первых весенних воскресений 1918 года, сопровождаемые многочисленными родителями, мы совершили нашу первую военную прогулку со знаменем и оркестром в Деевский лес, в 3-х км от училища, где оставались целый день – пели, играли, варили кашу, тогда у А. исчезли последние сомнения относительно полезности военного строя. Немного позже у нас уже был собственный духовой оркестр в 20 человек музыкантов. Наши военные прогулки стали регулярными. Антон выходил, и я командовал “смирно”, и А. чувствовал себя небольшим генералом, так сказать. Это была игра, во время которой он постепенно входил во вкус. Он отдавал честь... Деньги на покупку духовых инструментов мы получили из выручки за спектакли драматического кружка имени В.Г. Короленко. Этот кружок тоже был моим детищем. До этого я был уже отравлен театральным ядом, так как участвовал в театральном кружке, который существовал в реальном училище. Мы ставили “Ревизора” и “Женитьбу” Гоголя, “Горе от ума”, мелкие пьесы Чехова. Во время одной из больших перемен я категорически и твёрдо предложил создать кружок и даже предложил первую пьесу для постановки, а именно “Касатку”, комедию А.Н. Толстого, которую я видел в Киеве в великолепном драматическом театре Соловцова.

Мы репетировали в школе, собираясь по вечерам, где Антон для поднятия настроения к каждой репетиции заказывал сторожу Ивану Васильевичу две бутылки самогона с лёгкой закуской.

Антон, который был административным директором кружка, только один раз выступал как артист. Большая близорукость мешала ему ориентироваться на сцене, и в конце концов он взял на себя неблагодарную роль суфлёра. Я, как художественный директор, был режиссёром в двух спектаклях: “Касатка” и “Кукушкины слёзы”. Остальные спектакли прошли в коллективной режиссуре.

Успех в Крюкове был полнейший. На деньги от спектаклей были в первую очередь куплены инструменты, затем пособия по физике, химический и биологический кабинеты. Насколько Антон был отзывчивым и благородным человеком, показывает пример его отно-

шения к “АКО” – Ассоциации крюковских офицеров. Октябрьская революция оставила 150 000 русских офицеров без всяких средств к существованию, не говоря уже о том, что разнузданная чернь и солдатская масса рассматривали их как своих первых врагов, преследовали и, где можно, убивали. Вполне понятно, что знакомство с ними было на подозрени, и все их избегали как зачумлённых.

В Крюкове была группа в 15-20 офицеров. Конечно, А. был знаком почти со всеми, а некоторые из молодых даже были его прежними учениками. И, надо отдать ему должное, он имел достаточно мужества, чтобы не только не чуждаться их, но ещё прийти к ним на помощь. Что предложил Антон?

Прежде всего, объединиться и составить Ассоциацию. Затем он предложил в её распоряжение здание училища, как клуб офицеров, где можно было бы иметь постоянный буфет, бильярд, устраивать вечеринки и пр. Он сделал это своей собственной властью, не испросив разрешения высшего ж.д. начальства. Принесли вагонные диваны, кресла, стулья и столики. Танцевальные вечеринки давались регулярно, 2-3 раза в неделю. Материальный успех был большой, и вскоре наиболее нуждающиеся из офицеров уже смогли получить денежные пособия.

Местные большевики были возмущены и донесли об этом в Управление Южн. ж.д., но Управление не реагировало, и Антон не получил никакого нагоняя. Этот клуб функционировал до начала осенних занятий 1918 г. Предприятие это можно было сделать только потому, что в то время Украина была занята германской армией.

В августе 1919-го Крюков был занят добровольческой армией.

Новые власти даже не заглянули в училище, но Антон чего-то испугался, бросил всё и уехал в Полтаву, которая, впрочем, была занята белыми ещё 29 июля.

Добровольческая /“Белая”/ армия организовалась на юге России из элементов населения, жизни и благоденствию которых угрожала опасность со стороны большевиков, которые видели в них своих “классовых” врагов. Это совсем не были представители правящего класса. Аристократы, помещики и капиталисты – все те, у кого были деньги, в большинстве покинули Россию сразу же после Февральской революции. Добровольческая армия была укомплектова-

на, главным образом, офицерами, юнкерами военных училищ, гимназистами, представителями духовенства, мелкими коммерсантами и т.п. Большой процент также составляли зажиточные крестьяне.

Эта армия с большим успехом наступала на север, по направлению к Москве. Ответ большевиков на это наступление: они объявили “красный террор”. С конца 1918 года наступили мрачные, тяжёлые дни. Людей арестовывали и уничтожали не за какое-нибудь преступление, но только за то, что они могли быть “потенциальными” врагами. У нас, как и везде, арестовывали ночью, без суда на грузовике отвозили на Кременчугское кладбище и там расстреливали. На другой день, за подписью так называемого “революционного трибунала”, в местной газете “Приднепровский край” печатался список казнённых, как указывалось, за контрреволюционную деятельность.

Конечно, расстреливали, главным образом, всё тех же “классовых” врагов, но было и сведение личных счётов, попадались и рабочие, и крестьяне. Никто никому никакого отчёта не давал. Уже несколько человек из моих друзей погибли. Грозная опасность повисла над моей головой.”

В своём отзыве о рукописи книги моего деда “Мой брат Антон Семёнович” Ф.И. Науменко пишет в связи с этим: “Бывших офицеров представители органов Сов. Власти, конкретно ЧК, не преследовали, не подвергали репрессиям только за то, что они бывшие офицеры, а за уклонение от мобилизацию в Красную Армию. В 1918 году вместо добровольной Красной гвардии вводится обязательная воинская повинность. Виталий Макаренко обязан был явиться в комиссариат для направления в воинскую часть Красной Армии. А он уклонился, его поэтому и разыскивали как дезертира – потенциального врага Советской власти. Он лично это избрал”.

Наглое, иезуитски-большевистское высказывание! Мало им убить тело, надо ещё прежде того и душу отдать дьяволу, заставить человека поступиться своей совестью. Да, дед сам избрал путь несотрудничества с новой властью, которую он называл не иначе как “аморальное, антирелигиозное и античеловеческое чудовище”, которое “население встретило как стихийное бедствие, как чуму, как холеру, и продолжает их ненавидеть самой лютой ненавистью.”

Брат моей бабушки /жены Виталия Макаренко/ Анны Петровны Бриллиантовой – Сергей, который был простым ж.д. рабочим и пошёл в красную армию “по убеждениям”, после в ужасе бежал из красной в белую, потому что, по словам Анны Петровны, не мог больше терпеть царившего там хамства.

В Белой армии этого не было...

“В начале июля я был в саду, когда пришла моя жена, вся в слезах, и сказала мне, что один из её знакомых, работавших в Крюковской Чека, предупредил её о том, что я буду расстрелян ближайшей ночью. Я провёл ночь у знакомых. Действительно, ночью пришёл отряд чекистов и меня икали повсюду. Надо было скрываться, уходить”.

Доказательством правильности выбора моего деда является факт, который приводит в своём письме к моей маме друг юности Виталия Семёновича некто Горонович: “Товарища, с которым В.С. переночевал в учительской, арестовали и расстреляли.” /Письмо от 24.8.1978. Архив лаборатории “Макаренко-реферат”, г.Марбург, ФРГ/.

Однако, мама рассказывала мне историю бегства деда иначе. По ее версии, дед с товарищем скрывался в двухэтажном доме в саду, когда отряд чекистов окружил здание. Виталия схватили первым, его товарищ, впоследствии расстрелянный, продолжал прятаться на чердаке. Тогда, оставив Виталия под прицелом одного из солдат, остальные устремились на поиски второго наверх. Этот солдат оказался знакомым Виталия и дал ему уйти, выстрелив в воздух...

“Первый день я провёл у Н.П. Найды, которая жила вне города. Но оставаться у неё было опасно и для меня и для неё. Мне нашли старую крестьянскую одежду и порекомендовали найти приют у дорожного мастера Василенко, который жил на линии в 10 км. Его сын учился у нас в Училище. Василенко не очень мне обрадовался. Он посоветовал мне идти работать в поле, принадлежавшее ему, где в это время начиналась жатва. Но рабочие смотрели на меня с подозрением, и я счёл благоразумным уйти.

Начались мои скитания по полям, которые длились целый месяц. На дорогах попадались отступающие красноармейцы, и не-

сколько раз мне пришлось бежать. Однажды по мне открыли ружейный огонь, и я спасся только благодаря тому, что успел скрыться в огромном кукурузном поле.

Между тем, гром артиллерийской канонады всё приближался и, наконец, в один прекрасный день на ж.д. линии я увидел бронепоезд с трёхцветным национальным флагом.

Я пришёл в Крюков исхудалым, оборванным, без обуви и заросший месячной бородой. Антон искренно обрадовался мне и чуть не со слезами бросился на шею.

Население встречало Добровольческую армию как освободительницу – со слезами и цветами. Но уже через несколько дней стало ясно, что в этой армии, сражавшейся храбро и мужественно, не было никакой новой политической программы и что фактически, может быть, сама того не желая, она сражалась за восстановление старого режима. Воины не могли об этом думать, а у высшего командования не было нужного авторитета.

Восторг сменился разочарованием. Стало ясно, что население, в особенности крестьянство и рабочие, не поддержат Добровольческую армию, что её успехи временны и что в конечном итоге её ожидает поражение. Антон это понял сразу, и, я думаю, это было одним из факторов, заставивших его покинуть Крюков. Но был фактор более важный. Сразу же после занятия Крюкова я был мобилизован. Но вместо того, чтобы отправить меня на фронт, меня откомандировали в распоряжение начальника Крюковской контрразведки (политическая секция армии). Антон предполагал, что Крюковская контрразведка развернёт широкую контрреволюционную деятельность, поэтому постарался уехать в Полтаву, чтобы быть вне всяких подозрений.

В действительности за 4 месяца оккупации Добровольческой армией в Крюкове были арестованы всего 2 человека.

В середине ноября я был командирован на несколько дней в Харьков. На обратном пути я остановился на несколько часов в Полтаве и отправился на Пушкинскую улицу, где жил брат со своей гражданской женой... Но какой холодный и печальный приём мне оказали! Я был в форме, при погонах и оружии, и видно было, что я был нежелательным гостем. Все молчали, и я чувствовал, что мой визит

вызывает у всех только тревогу. Настроение было невыносимое, и я счёл благоразумным как можно скорее ретироваться. Я поцеловал руки у дам и обнял Антона:

– Будь здоров, Антон. Ты знаешь, что у меня нет другого выхода.

– Будь здоров. Знай одно, что моё отношение к тебе лично несколько не изменилось.

Это было наше последнее свидание. Больше мы с ним никогда не встречались.

По приезде в Крюков я без разрешения оставил контрразведку и поступил пулемётным офицером на бронепоезд “Генерал Марков”.

Надо сказать, что именно в эти дни дедушка с бабушкой зачали мою маму, несмотря на то, что “стало ясно, что Белую армию ожидает поражение.” /от автора фильма/

“В декабре 1919 г. началось отступление. Я попал в Крым, где мы держались ещё 10 месяцев, до ноября 1920 г., когда Крым был занят большевиками. Я эвакуировался в Константинополь, провёл год в лагере в Галлиполи и в конце 1921г. попал в Болгарию.”

Моя бабушка, беременная мамой, ушла из дома вместе с дедом, но с полпути вернулась, было не по силам, да и беспокоилась за сына Георгия. Виталий позволил ей вернуться, сказав, что со временем заберёт всех к себе. Но – куда и каким образом? Со своей дочерью, моей мамой он так никогда и не встретился, а первыми письмами они обменялись только через 42 года! Вернувшись в Крюков, бабушка нашла своего сына и свою маму мёртвыми... Оказалось, они прятались в подполе от бомбёжки красной армией и простудились насмерть... /от автора фильма/

“В конце 1922 года я получил первое письмо от Антона. Не помню точно, в каком году наша переписка оборвалась, но она была очень трудна и нерегулярна. За всё время я получил 14 писем, которые, к сожалению, погибли во время пожара. То, что память сохранила почти слово в слово:

“...Я несказанно рад, что ты жив и здоров. Почему-то я был уверен, что никакие тифы и никакие снаряды тебя не тронули...”

“... Я не могу тебе писать ничего другого, кроме описания наших ребят и наших поросят. Ребята, по существу, не очень отличаются от учеников, которых мы имели в Крюковском училище...”

“.....ты был прав! Я живу среди тёмных дикарей. Приведу один пример:

Со времени основания Русского государства мы никогда не имели культурных дорог. Весной и осенью мы месим грязь, которая доходит колёсами до ступиц. И вот власти решили построить нам хорошую дорогу из Полтавы в Харьков, которая проходит мимо колонии М. Горького. Необходимые материалы: доски, брёвна, цемент и пр. Вообще сделали всё необходимое, чтобы облегчить для крестьян поездки в город.

Вообрази! Их привезли, допустим, сегодня. На другой день не осталось ничего – всё было раскрадено...”

/Здесь Антон вспоминает о нашем разговоре, который был у нас во время одной из наших многочисленных прогулок по Крюкову/. Тогда я сказал ему, что наш мужик ещё слишком темен, что он не дорос ещё до степени гражданственности. Он ещё не гражданин и совершенно лишён социального начала. Он дикарь и может интересоваться только своей хатой, своими быками и лошадьми. «Мама /Т.М. Дергачёва-Макаренко/ живёт у меня. Она постарела, но ещё очень бодрa и сейчас читает уже 3-й том «Войны и мира» Толстого. Она очень грустит по тебе и называет меня иногда Витей».

“...После твоего ухода наш дом был разграблен, то, что называется, до нитки. Не только унесли всю мебель, но даже забрали дрова и уголь в сарае...”

“... Костя Загнойко /наш зять/ перевёлся в Кременчуг. Он теперь машинист 1-го класса, вступил в партию и буквально выгнал маму из нашей хаты...”

“...Я страшно жалею, что ты не со мной. У нас очень много мешан и до ужаса мало энтузиастов...”

“... Чёрт возьми! Ты – в Ницце. Об этом можно только мечтать. Наверное, Ницца совсем не похожа на наши Трибы...”

“... Я думаю, что тебе рано ещё возвращаться на родину. Разбушевавшееся море ещё не успокоилось...”

Приблизительно в конце 20-х моя переписка с Антоном оборвалась. Но это было общее явление, и мои друзья также перестали мне писать. Очевидно, это была директива свыше.

3 апреля 1930 года в Париже я купил русскую газету “Последние Новости”, развернул её, и в глаза мне бросился заголовок “Умер писатель А.Макаренко.”

Я несколько раз перечёл короткую заметку, и сомнений не могло быть – Антон ушёл от нас навсегда.

Я отслужил в Александро-Невском соборе панихиду и долго ещё потом не мог сдержать слёз.

Независимо от того, что это был мой брат, я потерял в нём самого благородного, самого человеческого, самого чуткого и, наверное, самого умного человека из тех, кого я встретил на моём жизненном пути”.

Справка из сведений компьютерной базы данных д.и.н. С.В.Волкова “Участники Белого движения”:

Макаренко Виталий Семёнович, род.20.04.1895 на ст. Белополье Харьковской губ. в семье личного почётного гражданина.

С конца лета 1919 г. в Вооруженных Силах Юга России: в контрразведке, позже – на бронепоезде “Генерал Марков” /пулемётным офицером/. В Русской армии ген. Врангеля был офицером-преподавателем 1-х инструкторских пулемётных курсов. Эвакуировался из Крыма на крейсере “Генерал Корнилов” в Константинополь. С ноября 1920 г. был в Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса ген. Кутепова.

С Марковским полком в 1921 г. переехал в Болгарию, осенью 1925 г. числился в списках полка. С 1925 г. жил в Париже.

Скончался в г. Йер близ Тулона 22.07.1983г.

Упоминается в книге воспоминаний “Марковцы в боях и походах за Россию”, Париж, 1962.

В Болгарии дед женился в 1924 году на своей ровеснице, учительнице начальных классов Елене Симеоновне Витановой, с которой позже уехал во Францию. Детей у них не было, и в 1934 году она вернулась на родину одна.

“Мой Родной, мой верный Антоша.

Какой ты хороший человек, твоё письмо, милое и ласковое, успокаивает и залечивает раны. Твоё чувство и твоя верность ещё

больше выигрывают на фоне зоологической злобы и ненависти моих других «близких» – злобы непонятной и незаслуженной.

Моя бывшая супруга приезжала сюда на праздники /пасхальные/ и осталась здесь целую неделю, мы посетили старые излюбленные места в Ницце и Каннах. Она очень любит Ривьеру, море, солнце, ей не хотелось даже уезжать. Но что поделаешь?!

...Тебя, моя радость. Сердечно благодарю и целую крепко. Дай Бог тебе всяческого счастья и здоровья. Твой В.”

ОТ АВТОРА. Это последнее из найденных мной на сегодня писем деда. Писем, при чтении которых у меня сжимается сердце от жалости ко всем нам и наворачиваются слёзы. Как будто я слышу сейчас его голос, мешающийся с шелестом сухих берёзовых листьев под моим окном. Голос, которого я никогда не слышал наяву, его особую интонацию. Этих чувств я не испытывал даже на могиле деда в городе Йер, где я был трижды, и уже не буду, видимо, больше, потому что в апреле будущего года его прах будет перенесен и захоронен в Кременчуге, в его родной слободе Крюкове рядом с прахом родителей...

Надо сказать, что наша переписка тоже оборвалась, за год до его смерти, а именно летом 1982 года. Причиной послужила моя фраза касательно матери, что-то вроде «мы с ней о тебе почти никогда не разговариваем». Я пробовал разрешить недоразумение посредством друга моего детства Михаила Яшина /сына известного поэта/, живущего в Париже, но тщетно. Кстати, они оба, дети разных волн русской эмиграции быстро нашли общий язык и обменялись не одним весьма любезным дружеским письмом... Это было «начало конца», я пережил нашу одностороннюю ссору почти как смерть, я чувствовал, что продолжения не будет, а очень жаль, потому что прерывалась единственная живая нить, связывавшая меня с прошлым. Несмотря ни на что, на всю разницу в возрасте и воспитании, Виталий Семёнович Макаренко, благодаря своей мудрости и такту, стал для меня действительно родным и восполнил ту чудовищную брешь, которая образовалась в 1975 году в день смерти моего отца. Да и надо сказать, что духовное общение с отцом было скорее на мистическом уровне, мы почти ни разу не успели поговорить с ним по-настоящему, по-мужски. А здесь были СЛОВА.

С другой стороны – в этом последовательном разрыве со всеми нами была своя логика судьбы. Значит, дед не мог и не хотел общаться с нами дальше какого-то предела. Возможно, это от него и не зависело. Всё это было эхом революции, страшной ломки, прошедшей через душу всего народа. В подцензурных письмах выяснить схожесть наших взглядов было немыслимо, но это произошло у могильного креста.

Когда 1988 год, столетие Антона Семёновича, ЮНЕСКО объявил годом Макаренко, мне удалось через советское отделение этой организации добиться права посетить могилу его брата и получить французскую визу. Михаил Яшин встретил меня на Северном вокзале, а через пару дней, когда я надышался воздухом, которым дед дышал полстолетия, и находился его улочками, друг отвёз меня на Лионский вокзал и помахал рукой вслед поезду, доставившему меня из Парижа в Тулон...

Сняв номер в Hotel "Mozart"***, вооружившись планами города и схемой самого кладбища я почти без труда нашёл священный и скорбный кусочек каменистой земли, с восьмиконечным белым крестом и с такой до боли родной надписью на нём... Уходя и прощаясь с прахом до грядущего дня, я решил оставить на ночь у креста небольшой деревянный складень, обретённый мною полгода назад в Даниловском монастыре на праздновании 1000-тия крещения Руси. Раскрыв и прислонив складень к основанию крашеного лакированного креста, я сотворил короткую молитву, совершил крестное знамение, поклонился и ушёл. Утром всё обнаружилось на своих местах. У меня сохранились фотографии.

Однако при вторичном и на этом раз – надолго – прощанием произошло чудо, о котором пришло время рассказать. Складень не хотел отрываться от креста. Не сообразив в первую минуту – что произошло, я потянул, сжав пальцы кисти руки настойчивее, но складень не поддавался. Опешив, я отпрянул и перекрестился. Подумал, помолился и снова приступил ко кресту, памятуя, что христианину нужно действовать не смущаясь, но с рассуждением. Я понимал, что лучи субтропического солнца, к стати сказать, не такие уж и жаркие в декабре, могли нагреть оба деревянных "предмета культа" и размягчённые краска и лак могли вступить в диффузионное взаимодей-

ствие, попросту говоря – прилипнуть друг другу, слипнуться, но... Ведь я не так уж плотно и прижимал складень ко кресту, да и прижимал ли вообще? Не просто ли я прислонил образок Св. Троицы с Предстоящими под углом?

Время шло, мне пора уж было торопиться на поезд, но я всё смотрел на совершившееся перед моими глазами и не знал, что делать дальше. Мне не жаль было оставлять складень на могиле, напротив! Хотелось удостовериться, что всё это не сон. Снова я взял осторожно складень и, шепча Иисусову молитву, попробовал подвигать, пошевелить его. Образ мягко поддался движению, вращаясь по кругу чуть вправо и чуть влево, но не отымался от креста. Он был притянут как магнитом, в противном случае, при вращении по оси, слипшиеся места неизбежно бы разошлись. Но магниты эти были особой природы...

Вернувшись на могилу ровно год спустя, я обнаружил образок, выцветший и побелевший от дождей и солнца, на том же месте у подножия креста, но он уже стоял просто прислонённый...

Спустя ещё пять лет складень исчез. Но был повален ничком и сам намогильный крест, переломившийся в основании. Это было прискорбное зрелище. Я дал себе слово, что когда поеду сюда в следующий раз, то привезу из России взамен их ДСП наш дубовый. В это время налетела вдруг настоящая буря, с тропическим ливнем, с ветром, небо стало чёрное. Я был один на кладбище и мне стало жутко. Казалось, дед с неба или из земли проклинает меня за мои грехи, за мои поступки или за отсутствие таковых. И я бежал...

ИВАН ШМЕЛЁВ. ПУТИ ЗЕМНЫЕ

В центре Москвы, недалеко от Третьяковской галереи, стоит небольшой памятник – бронзовый бюст: худое лицо, упрямо сжатые губы, страдальческий взгляд. Тысячи людей ежедневно проходят мимо, некоторые останавливаются. Лишь немногим что-то говорит указанное там имя. Это не удивительно. Русский писатель Иван Шмелёв (1873-1950), широко популярный до революции, соратник И.Бунина и М.Горького, дважды номинированный на Нобелевскую премию (в 1931 г. по представлению Томаса Манна), после эмиграции в 1922 году был вычеркнут в СССР из официальной литературы.

Судьбой ему было уготовано «посетить сей мир в его минуты роковые», пережить увлечение социализмом, крушение иллюзий, гибель страны, потерю сына и, наконец, отлучение от Родины. Только в новые времена возвратился И.С. Шмелёв в Россию в своих произведениях. «Человек из ресторана», «Солнце мёртвых» обладают не только художественной ценностью, но являются ярким документом эпохи. А вершина его творчества — роман «Лето Господне», завораживающий своеобразной словесной вязью, стал объяснением в любви к России, которая предстаёт чем-то очень дорогим и сокровенным в детском воспоминании о запахе праздничного кушанья, о доме, о Замоскворечье, о Москве. *«Я не собираюсь учить любви к Родине... Я хочу выбить из души искры, острее ощутить утраченное, без чего жить нельзя».*

Наш фильм расскажет о некоторых страницах жизни этого «темпераментного, страстного и очень одарённого» человека. Будут использованы недавно открытые архивные документы — письма Шмелёва Луначарскому с просьбой о помощи в розыске сына, переписка Луначарского и Калинина по этому поводу; переписка писателя с Буниным, Зайцевым, Субботиной; статьи Куприна и Ильина.

Сюжет: Иван Шмелёв приезжает 24 июня 1950 года в православный Покровский монастырь, находящийся в 140 километрах от Па-

рижа в местечке Бюси-ан-От. Воспоминания о трёх эпизодах жизни, ставшие подведением итогов, составляют структуру фильма. В этот день писатель умирает от сердечного приступа.

Содержание:

Вступление. На экране хроника времён Гражданской войны. Возбуждённые люди, многие с оружием, куда-то бегут, на ходу заглядывая в объектив киноаппарата; телеги тянутся по пыльной дороге; грязные оборванцы протягивают руку; осанистый пожилой мужчина в потрёпанной шинели стоит на стихийном рынке, держа в руках скатерть.

«Мы прикрепились к коммунальной столовой, где нам выдавали хлеб, по 200 граммов в день. Как-то пришли, но столовая была уже закрыта – хлеб закончился. Вдруг ко мне подошёл человек и, оглянувшись по сторонам, тихо спросил: «Вы Шмелёв? Это вы написали «Человек из ресторана»? Я рассеянно кивнул. Незнакомец вложил в руку свёрток и исчез. Я развернул свёрток: в белом холсте лежал хлеб. Целая буханка. Это был мой самый лучший литературный гонорар».

Титры. Название фильма.

Часть 1. ВЫБОР ПУТИ.

Хроника 40 – 50 годов, переходящая в современные съёмки в Покровском монастыре (Бюси-ан-От).

Поля кругом, пшеница колышется, наливаются, небольшой лес около монастырской ограды. А внутри – православный храм, берёзы, русская речь. И кажется, что находишься ты не в центре Франции, а в ближнем Подмосковье. Он давно собирался сюда, но по разным причинам не получалось, какие-то мелкие обстоятельства и заботы откладывали отъезд. Наконец всё сложилось, и 24 июня Иван Сергеевич прибывает в обитель. Не случайно приехал он сегодня. Скоро день памяти старца Варнавы.

Воспоминания сами собой переносят на много лет назад.

Когда же это было? Свадебное путешествие... Больше полувека прошло.

Хроника Троице-Сергиевой Лавры. Съёмка – Лавра.

Титр. 1895 год. За кадром текст: Шмелёв.

Был ещё студентом. «Юный из юных». Незнакомые спрашивали: братец и сестрица будете? Всё думали с Ольгой, куда поехать в свадебное путешествие. Решили в Петербург, а потом в Валаам. От Церкви я уже шатнулся, был, если не безбожник, то никакой.

И вот, перед свадебным путешествием – в Троице-Сергиеву, «благословиться». Благословляться, студенту-то благословляться!.. – стыдно. Но так надо. Сохранилась связь с далёким детством: как и тогда, – батюшка Варнава, жив еще. Всё еще «на пещерках», у Черниговской, всё еще утешает. Батюшка Варнава – подвижник и прозорливец, всякого-то он в душу примет, хоть ты самый распропащий к нему приди.

Фотографии молодых Ивана и Ольги Шмелёвых. Фотографии и портреты о. Варнавы.

Подходим. Я как-будто прежний, маленький, ступаю робко... – «благословите, батюшка, на путь...» Думал ли я тогда, что путь – пойдёт за Валаам, за всю Россию, за Россию?.. Не думал. А он? Он благословил – «на путь». Смотрит внутрь, благословляет. Бледная рука, как та, в далеком детстве, что давала крестик. Благословляет. Ничего не скажет? Надо уходить, ждут люди. Кладет мне на голову руку, раздумчиво так говорит: «превознесешь своим талантом». Всё. Во мне проходит робкой мыслью: «каким талантом... этим, писательским?»

Часть 2. ПОТЕРЯ СЫНА.

Хроника. Современные съёмки в Покровском монастыре.

Давно это было. Иногда кажется, что и совсем не было. Не было ничего, ни Лавры, ни дома их в Замоскворечье, ни России. А только привиделось ему в каком-то сне. Прошёл сон и ничего не осталось. Он видит, как мужчина с сыном входят в храм. «...возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь... пойдешь в землю Мория и там...» Нет, боль осталась. Значит было.

Хроника времён Гражданской войны. Съёмки в доме-музее И.С.Шмелёва в Алуште, в Феодосии (Карантин, скала).

Землёй Мориа для них стала благословенная крымская земля. В начале Гражданской войны приехал он сюда со своей маленькой семьёй – женой Ольгой и сыном Сергеем, вернувшимся с немецкого фронта. Подальше от бурь и потрясений, от бессмысленной и жестокой кровавой бойни. Купили домик с участком. Накопец все вместе.

«... пойдти в землю Мориа и там принеси его во всеожжение на одной из гор...» Почему он не убедил сына уехать? 11 декабря 1920 г., Сергей, бывший подпоручик, явился в Особый отдел Четвёртой армии в г. Феодосии со всеми документами, анкетой, фотографией и исчез.

День был тогда холодный. Лили дожди – зимние дожди... и в этих дождях приехали туда, в городок, эти, что убивать ходят... Везде: за горами, под горами, у моря – много было работы. Уставали. Убить надо было очень много. Больше ста двадцати тысяч. И убить на бойнях. Не знаю, сколько убивают на чикагских бойнях. Тут дело было проще: убивали и зарывали. А то и совсем просто: заваливали овраги. А то и совсем просто: выкидывали в море. По воле людей, которые открыли тайну: сделать человечество счастливым. Для этого надо начинать – с человеческих боен.

Они искали его по всему Крыму. Их посылали из одного города в другой. Учреждения, комиссии, комиссариаты сменяли друг друга. Наконец сообщили – расстрелян. Было. В этом районе Феодосии со зловещим названием Карантин казнили тогда тысячи. А с этой скалы сбрасывали в море.

За кадром текст: Луначарский.

25 мая 1921 г. Нарком по просвещению Луначарский Председателю ВЦИК Калинин:

Прилагаю при сем письма писателя Шмелева. Его горькое послание по поводу судьбы его сына пришло ко мне с большим опо-

зданием. Тогда же удалось добиться телеграммы за подписью Ленина о приостановке расстрела. Оказалось, однако, что сын его был расстрелян, да к тому же уже, кажется, в январе.

За кадром текст: Шмелёв.

Я бьюсь тщетно. Бесперывно 6 недель я бьюсь. Я был в Феодосии. Я прошел там и здесь сотни канцелярий и управлений. Я испытал столько, что хватило бы на тысячи душ, на десятки лет.

За кадром текст: Калинин.

25 мая 1921 г. Калинин. Наркому по просвещению Луначарскому:

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

Я думаю, что с квартирой Шмелева сделать можно, как ни трудно, но все-таки одну-две комнаты в исключительных случаях достать можно. Но вряд ли чем можно ему помочь по делу его сына, для нас ясны причины расстрела его сына, расстрелян, потому что в острые моменты революции под нож революции попадают часто в числе контрреволюционеров и сочувствующие ей. То, что кажется так просто и ясно для нас, никогда не понять Шмелеву. Во всяком случае надо ему помочь.

Калинин

За кадром текст: Шмелёв.

Я смотрю на свой домик. Последний угол! Последняя ласка взгляда была на нем... Через узенькие оконца солнце вбегало радостными лучами, играло в родных глазах.

Я уже не могу оставаться в саду, за изгородью. В башмаках разбитых хожу я по грязи дорог, постаиваю на мокрых холмах. Что я хочу увидеть? На что надеюсь?.. Никто не придет из далей. И далей нет... Выглянет на миг солнце и выплеснет бледной жестью. Бежит полоса, бежит... и гаснет. Воистину – солнце мертвых!

В 1922 году, благодаря помощи Луначарского и Калинина, они с Ольгой прибывают в Москву. Вскоре, по приглашению Бунина, из квартиры в этом доме на Малой Полянке выезжают за границу.

Часть 3. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Хроника. Современные съёмки в Покровском монастыре.

Бежал от своего горя. Тщетно... Мы с Олей разбиты душой и мыкаемся бесцельно... И даже впервые видимая заграница – не трогает... Мертвой душе свобода не нужна... Ночь, за окном дождь, огни плачут... Почему мы здесь и одни, совсем одни! Одни. Бесцельные, ненужные. И это не сон, не искус, это будто бы жизнь. Тяжко!..

Казалось, что пришёл предел отчаяния. Край жизни. Надежды больше не было. И жить не для чего. Но в этой бездне пришло прозрение.

Во мне что-то лопнуло, то, в чем таился багаж, о коем я не подозревал! И мне не хватит ни жизни, ни сил, чтобы все это вложить в нужные формы.

Всё, что давило и не давало дышать вылилось на бумагу. Шмелёв стал писать. Крым, 21 год. Старый доктор, почтальон Дрозд, историк Иван Михайлович, старая барыня, полупьяный красноармеец, конопатый матрос, подвалы, расстрелы, умирающие лошади, голод, крымские горы и крымское солнце. «Солнце мёртвых». Томас Манн скажет: «Читайте, если у вас хватит смелости». И много позже Солженицын: «Это такая правда, что и художеством не назовешь». Он написал обо всём. Почти обо всём. О сыне – ни слова.

За кадром текст: Шмелёв.

И я всё личное — обошёл, укрыл, сколько мог, нашу боль неизлечимую. Там о Серёжечке — только где-то — в молчании — в тонах!

Томас Манн встречался со Шмелёвым в Париже. В 1924 г. он с Ольгой жил в квартире племянницы – Юлии Кутыриной.

За кадром текст: Томас Манн.

Из пышного парижского отеля с паркетом, устланным пушистыми коврами, попадаем в самую крайнюю нужду, в жилище

«бедных людей» на улице Шевер, – три комнаты с кухней, дышащие убогостью, скудостью...

Я потрясен, сижу у импровизированного рабочего стола и смотрю на изборожденное морщинами, измученное лицо с седой бородой. Смотрю на это лицо, – оно принадлежит пятидесятилетнему, но выглядит на пятнадцать лет старше.

В нем есть что-то возбужденное и даже страшное.

Его книга. Я восхищаюсь ею; он дарит мне ее.

После выхода в свет «Солнце мёртвых» сразу же была переведена на французский, английский, немецкий и ряд других европейских языков. Последовало несколько выдвижений на Нобелевскую премию по литературе. Но Шмелёва это уже мало заботило. Он работал над главным своим произведением: «Лето Господне» писалось с 1927 по 1944 год – 17 лет. В Советском Союзе раскулачивание сменяется голодом, одна волна репрессий накатывает за другой, а Шмелёв пишет роман, в котором говорится о духовной чистоте и душевной красоте нашего народа, его искренней вере и приверженности к доброту.

За кадром текст: Шмелёв.

Оглядываюсь: как я мог написать ее. Если бы Вы знали, как я страдал, как был близок к утрате себя, были дни, когда я чувствовал, что пропадаю, идет на меня тьма, ужас... потеря рассудка. И вот, Господь сохранил. Я нашел себя. О, сколько усилий! Меня, может быть, «Богомолье» спасало, «Лето Господне».

В 1936 году умерла жена. Ольга была самым близким и дорогим человеком. Когда совсем стало невмоготу, собрался в дорогу. Осенью Шмелёв побывал в Печорах, Изборске, старинных русских городах, «включённых игрой судьбы в пределы эстонские».

Поезд пришел в Печоры. Было поздно, глубокий вечер. Я сошел с вокзального приступка и споткнулся: площадь у станции замощена булыжником, и я разучился ходить ходить по нему. Этот т о л ч о к земли так все и осветил во мне, и я сразу узнал осенний

воздух родного захолустья, — вспомнил. И стало родное открываться — в лае собаки из темноты, в постуке — где-то там — телеги, в окрике со двора бабым визгливым голосом, в дребезге подкатившего извозчика. И стало так покойно, укладливо, уютно на душе, и во всем существе моем, будто в с е к о н ч и л о с ь , и теперь будет н а с т о я щ е е .

Рядом Россия. Непреодолимо тянуло хотя бы взглядом оказаться там. Получил разрешение подойти к границе. *«Меня влечёт — туда. Я хочу с т у п и т ь , коснуться родной земли. Вот проволока, в пять рядов, на кольях, — все обычно. Там ... Сквозь сеточку дождя ли, слез ли... — белеется дорога, как стрела, кусты, болотца, рябина в гроздях, дымок... тяжелые вороны или грачи полетывают над полями... — все мое, родное».* Эстонский пограничник кричит с вышки, просит отойти, а то «могут убить». *Я не уйду. Это же шутка, — и преграда, и пустота, и «убить».* Там — все мое, века мое, всегда мое. *И оно, немое, меня зовет».*

Хроника, фото 40 – 50 годов. Современные съёмки в Покровском монастыре (Бюси-ан-От).

Титр. 1950 год. Монастырь Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От.

Игуменья Феодосия, настоятельница Покровского монастыря была со Шмелёвым в последние минуты его жизни.

За кадром текст: м. Феодосия.

Это было в субботу 24 июня. В пять часов приехал Иван Сергеевич Шмелёв. Вышел из машины усталый, слабый. Я отвела его наверх, в отведённую для него комнату. Он оживился, с радостным любопытством разглядывал всё вокруг себя, любовался видом из окна «чудесным». Потом вдруг как-то очень сосредоточился и многозначительно сказал: «Господь даровал грешнику ещё жизни, а для чего — это ещё надо рассмотреть». Вскоре началась всеобщая, Иван Сергеевич порывался в церковь, но я его уговорила не утомляться слишком после дороги. После всеобщей я при-

несла ужин. Я вышла от Ивана Сергеевича часов в девять и спустилась вниз, а десять минут спустя, стоя под его окном, услышала стон.

Этот день стал последним в земной жизни Ивана Шмелёва – 24 июня 1950 года он умирает в Покровском монастыре от сердечного приступа. Роман «Пути небесные», над которым работал писатель и который посвятил памяти своей супруги Ольги Александровны, остался неоконченным.

Заключение. И.С.Шмелёв мечтал вернуться в Россию. Многим это казалось несбыточным, а он верил вопреки всему. В 1989 г. сборник писателя, имя которого было известно на Родине лишь единицам, издан издательством «Правда» огромным тиражом в один миллион семьсот тысяч экземпляров. А в 2000 году, спустя полвека после кончины, в некрополе Донского монастыря состоялось перезахоронение с кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа праха писателя и его супруги Ольги Александровны.

На экране крупный план памятника Ивану Шмелёву в Лаврушинском переулке. Камера отъезжает, панорамируя по диагонали влево. Открывается Замоскворечье и купола кремлёвских соборов вдалеке.

«И написалась книга, путь открылся. Батюшка Варнава благословил «на путь». Дал крестик и благословил. Крестик и страдания, и радость. Так и верю».

СКВОЗЬ ВРЕМЯ: НУРПЕИСОВ И КАЗАКОВ

Так возвращаются с джайляу в обжитые отчие места. Из Алматы снаряжается караван, который отправится за сотни километров на родину Абдижамила Каримовича Нурпеисова. По его желанию. Подобное не могли не запечатлеть – для памяти. Надеюсь, удастся раздобыть нужный материал. Если нет, восстановим, снимая степь из седла вышагивающего по ней верблюда, трещающего мосла-тыми копытами пахучую полынь.

Старшая дочь Шуга вспоминает:

– Он себе присмотрел могилу на Бел-Аране. Его отговаривали. А он сказал: «Хочу там – и всё!..»

Её слова словно подхватывает писатель, переводчик итогового романа Нурпеисова «Последний долг» Анатолий Андреевич Ким:

– Не знаю, дозволено ли мне это рассказать, но раз это происходит, наверно, рассказать придётся. Все знают, что люди умирают когда-нибудь. Восток есть восток. Не все такое поймут на западе... У восточных людей есть забота о своём посмертье: где похоронят, сколько людей придут на тризну. Об этом как-то заранее беспокоятся.

Нурпеисова любят в стране, в народе. Он сейчас аксакал казахской литературы. И отношение к аксакалу – почти как к святому. Выглядит странно?..

Тут была целая общественная акция. Был подготовлен большой караван. И в месте, что в 700 километрах отсюда, на горе Бел-Аран, которая описана в последнем романе, заложили первый камень в его будущий мавзолей. И там будут, он определил, две стелы гранитные, полированные с двух сторон. На первой приведут цитаты из романа «Кровь и пот» в переводе Казакова и мои – из «Последнего долга». На второй – то же по-казацки. Таким образом, почти мифически, легендарно, как переводчики по смерти Нурпеисова, мы будем рядом стоять... Представляете такую любовь автора к своим переводчикам? Он и в посмертную славу берет нас с собой вместе...

...этот эпизод сохранён в телевидеофонде. Москва. 5 февраля 2008 г. Арбат, 30.

Известный доходный дом, где и сейчас зоомагазин, и тогда он был, когда здесь жил с 1930-го по 1964-й год Юрий Казаков, коренной арбатец, не то, что стоящий неподалёку малопохожей статуей Булат Окуджава.

Голос автора:

– Вот и дождался, наконец, после своего 80-летия давно признанный классиком русской литературы Юрий Павлович Казаков открытия мемориальной доски там, где прошла большая часть его короткой жизни.

Москвичи, почитатели таланта писателя, коллеги, официальные лица. Падают полотнище. Выразителен барельеф работы скульптора Геннадия Правоторова. Архитектор Алексей Садиков гармонично расположил элементы бронзовой композиции. Медальный профиль Юрия Казакова. И впрямь есть в его облике что-то патрицианское. Недаром существует предание, что к крови смоленских крестьян примешалась кровь князей Мещерских.

Говорит Евгений Евтушенко:

– У него были люди, понимавшие, что он великий писатель, но их было мало, сейчас ещё меньше. Надо помочь рассказать молодым, кого мы потеряли в лице Юрия Казакова.

Валентин Распутин:

– Я частенько читаю в грустные моменты его рассказы. И приподнимаешься сразу. Одухотворённость наступает.

Созданный ваятелем портрет замещается фотографией – Казаков в том же, примерно, возрасте. Тут мы прибегнем к приёму, который на английский манер называют флэшбэк (flash-back), что в переводе означает воспоминание, взгляд в прошлое. Сколь немного сохранилось снимков этого периода жизни Казакова, они один за другим короткой монтажной фразой представят его судьбу как бы в обратной перспективе – до момента, когда он, четырнадцатилетний, тушил «зажигалки» на крыше родного дома, был оглушён близким взрывом бомбы и, смертельно испугавшись, стал заикаться, от чего так и не смог до конца избавиться.

Военная московская хроника той поры **богата**. Выберем ночные, наиболее выразительные кадры. **Может быть**, среди самоотверженных добровольцев-пожарных, **спасавших** свои жилища от налётов фашистских стервятников, мелькнёт **силуэт**, чем-то напоминающий нашего героя.

Резко, встык с хроникой московской – **легко узнаваемая** сталинградская.

Теперь фотографиями и несколькими **короткими** фрагментами из фильмотеки, потому что Нурпеисов, как **всякий** настоящий писатель, предпочитал не публичность, а **уединение** за рабочим столом, поддержим рассказ Абдижамила Каримовича о себе. Получится флэшбэк как бы в обратном течении.

Он прежде не давал столь подробных интервью. И столь откровенных. Исповедь получилась неподдельная и правдивая. Так говорят у жизни на краю. Уложиться бы и нам по **времени**... Сохранить.

Сначала появляются его книги на разных языках – ими забиты все полки в кабинете. Потом – он сам, старый **красивый** человек, неспешно и очень своеобразно изъясняющийся по-русски. (Как поступить с текстами Нурпеисова, покажет окончательная сборка фильма. Они могут быть прорежены или сокращены. Пока же привожу их полностью, в соответствии со съёмкой и записью на кассете).

Нурпеисов (в кадре):

– Сейчас я старый и, когда я думаю о **своей** жизни, мне кажется, что у меня две жизни было. Первая, которую я **жил**. А вторая – моя память. Знаете, я вообще аульный человек. Я живу в столице. А душа моя там, а ауле. Люблю аул...

В сорок втором, окончив десятый класс в **ауле**, **вернее**, в небольшом районном центре, я сразу оказался под **Сталинградом**.

Таким он был тогда, как на **пожухлой солдатской** карточке, присланной с фронта и сохранившейся в **семейном архиве**.

– А до этого никогда мне не приходилось **читать** на русском языке ни одного произведения ни русских классиков, ни переведённых на русский. – Заметьте, он вспоминает не о **страшных боях**, а о книгах. – Только в феврале месяце я остановился у **одной** старушки. У неё там толстенная книга без обложки. Я **прочитал** – и ничего не понял. Но хорошо запомнил: о каком-то **Спартаке**.

Потом, в сорок третьем, в апреле, только что закончил Запорожское военно-политическое училище, посёлок Урде. Почему Запорожское? После захвата немцами перевели в Моздок, Северный Кавказ, потом – Урде, на Урал. В конце ноября по март. Направили в штаб Южного фронта, Новошахтинск, Ростовская область.

Мы вдвоём с русским одним ещё капитаном сняли комнату у одной русской женщины лет сорока пяти – пятидесяти. Мне она показалась старухой.

Две кровати. После завтрака каждый день капитан прислонялся к постели. Читал «Войну и мир», первый том. Через пять-шесть минут книга падала на пол. Я её поднимал. О чём он только пишет! Плохо знаешь русский, а потом ещё немецкий, английский, французский. Ну, толком ничего не понял. Это вторая книга. Я вам хотел рассказать, кто я такой и как я приобщался к русской литературе, к русскому языку и воспринимал эти произведения.

Другая фотография: Нурпеисов уже при погонах – младший офицер.

Голос автора:

– Судьба хранила его. Может быть, для казахской литературы?..

Нурпеисов продолжает:

– Потом получил назначение в мотострелковую дивизию. Фронт находился в 17 километрах западнее Ворошиловграда, ныне Луганск. Меня назначили заместителем командира миномётной роты по политической части. Мы оказались во втором эшелоне. А через десять дней – в первом. Примерно десять дней я был комиссаром. Ждали: немцы пойдут в наступление. Мы тоже со своей стороны готовились к наступлению. Это сорок третий год.

И вдруг – приказ Сталина: упразднить политработников в ротах, батареях и всех замов по политчасти – в тыл. Там комиссия во главе с одним полковником. И всех этих комиссаров бывших – в разные роды войск.

А меня уговаривали в бомбардировочную авиацию дальнего действия. Хотели на штурмана. Я же хотел в истребители. Отправили в Чувашию, город Кангаш. Сталинский набор – ускоренный темп! Моторы, одновременно лётная подготовка и прочее. Я в первый раз – чуть ли не авария. А во второй раз сдал на «хорошо». Потом вывоз-

ной полёт 1000-1500 метров. Фигуры высшего пилотажа. Не только я один был комиссован из авиации по здоровью.

Оказался в Кучино, в двадцати километрах от Москвы, в офицерском полку – до подполковника. Все, какие есть, службы: мыть пол, работа на кухне. Я там находился с октября до мая.

Однажды перед строем спросили: «У кого почерк хороший?» – «Я, я!» Меня определили писарем в штаб. Потом по оперативной службе – помощником начальника штаба полка. Я наряд определяю. Подполковник Прокофьев Алексей Алексеевич, спокойный человек. В январе вечером у него в комнате я просился на фронт: братья на фронте. – «У меня – тоже». Он держал меня до мая: «Сынок, не топпись...» Оказывается, формировалась артиллерийская бригада и в ней – дальнобойный пушечный полк, стрелявший на двадцать три километра, и отдельная разведбригада на правах полка, командир Герой Советского Союза Иванов. Потом он погиб в Маньчжурии.

Одним словом, в Кучино, в резервном полку, читал роман «Чингиз-хан» Яна, первый роман, который я хорошо понимал. И вообще пришёлся по душе. Потом «Хан Батый» читал на классных занятиях. И попал в стенгазету:

«По огневой тактике профан,
А на занятиях читает роман...»

Первые две вещи.

А потом кончилась война – Курляндская группировка. Сказали снять квартиру. Мы жили с офицером на лесопильном заводе. Туда приходила мадам Роза. Муж железнодорожник. Она блестяще по-русски и по-французски. У неё была огромная библиотека. В основном издательства Гудкова десятого – двенадцатого годов. Там я нашёл роман Золя «Разгром». Как я полюбил этот роман!

Нурпеисова, который почти всё время оставался в кадре, повествуя о своих военных буднях, сменяют фотографии уже демобилизованного, но ещё не снявшего формы двадцатиоднолетнего ветерана.

Снова на экране – сегодняшний Абдижамил Каримович:

– И когда после увольнения в запас возвращался домой, я взял литер прямо в Алма-Ату. Семь дней ехал. Я даже не знал, что есть гостиницы, и жил на вокзале. Три дня искал писателей: Муканова,

Мусрепова, Ауэзова. Аульный абсолютно... Три дня находился во второй Алма-Ате, в зале ожидания, а там почему-то до двух часов ночи – милиция не давала. Никто не знает. Как же так – не знать их?..Потом, на третий день, на Панфилова – Карла Маркса один казах сказал: «Молодой человек, вы так не найдёте. Давай, недалеко от Зелёного базара вам покажу, где Союз писателей».

Попал к Муканову. Он председатель Союза писателей Казахстана. У меня двенадцать страниц под тайной фамилией написано карандашом, – всю жизнь пишу на бумаге в клетку, – начало романа «Курляндия».

Он позвал Мустафина.

– Что это?

– Роман.

– Роман – это большая вещь.

И тогда задал я Мусрепову самый глупый вопрос:

– Агай, а роман вот так пишется?..(Хлопок руками от полноты чувств.)

– Вот так. Завтра, давай, в три часа – к Муканову. – Мустафин ничего не сказал, а Муканов: – Парень умеет писать. Я сказал свой совет.

А я, обрадованный, я стеснительный был, расковался и говорю:

– Дяденьки, извините, пожалуйста. Моя фамилия не Каримов, а Нурпеисов. Потому, что решил, что, если отрицательный отзыв, я про себя думал, растает мой след, никто не будет знать мой позор. Поступлю на филфак КазГУ. Стремиться стать писателем – это не зазорно...

Ну, одним словом, за полтора года отгрохал огромный роман – в два раза (показывает однотомник Казакова)... Я такую вещь никогда не писал. И поступил после этого в КазГУ, по совету того же Муканова.

И мне говорит:

– Я, когда был летом в Москве, заходил в Литинститут. Там программа, как на филфаке, русское отделение. Переведёшься туда. Ты, говорит, поступи на филфак КазГУ. Книга сейчас в наборе. А пока будешь читать гранки, кое-что там исправишь.

Теперь, наконец-то, мы можем показать впервые запечатлённого на киноплёнке двадцатилетнего Абдижамила Нурпеисова. Таким он был в то время – сюжет из журнала «Советский Казахстан»

за 1950 год. Писатель, сидя за столом, читает свой дебютный роман «Курляндия».

Нурпеисов продолжает:

– Я сделал вот так: учился. Очень интересно, как я учился. А там тридцать только что окончивших десятый класс девочек и пять офицеров. Ходили перед ними – нос кверху, а они – академики на коллоквиуме по русской литературе. Я дрожал. А в перерыве я пошёл к декану и говорю: «Давайте, я отдельно буду сдавать». И решил: если хочу быть писателем, я должен знать всю мировую литературу. И пришёл в библиотеку имени Чехова и заказал сразу «Илиаду» Гомера. Пошёл влубь. Там лицом к стенке сидит конопатенькая девушка. А я был стеснительный. Если б она была пригожая лицом, я б ни за что не сел прямо напротив. Начал «Илиаду». И так плохо понимаешь русский – пока прочитаешь длинную строку, голова кружится. Я махнул рукой на Гомера и попросил Радищева. А там церковнославянский эпиграф...

Потом Литературный институт на следующий год, пятидесятый.

Для националов – специальный урок русского языка. Преподавала старуха – седовласая, с длинным лошадиным лицом, как у одной из чеховских героинь. И задаёт тему сочинения и возвращает мой текст красный-красный. И говорит: «Молодой человек, с вашим запасом слов вы напрасно пренебрегаете грамматикой». А я, глупый, я никогда не проходил грамматику – зачем, думал.

Потом я вернулся, окончив Литинститут. Долга у меня тридцать тысяч. Стипендии я не получал – пересдавал. Поэты мне ссужали. Снял квартиру. Телефона нет. Я в пятьдесят шестом окончил.

В пятьдесят седьмом – декада. Мой роман включили в план Воениздата и здесь, у нас.

Когда заканчивал Литинститут, мне попался роман «Юконский ворон» Сергея Николаевича Маркова. Он перевёл. Я говорю: «Перевод не нравится». И не слушает. И вот здесь трения. Отдали Кедринной. Она – положительный отзыв. Тогда из пяти человек комиссию во главе с главным редактором издательства. Один русский – Мартянов. Они – положительное заключение. А я категорически возражаю. Оказывается, авторские права имеют силу... Издание остановили, перевод оплатили, Марков уехал.

Пошёл разговор всюду – в ЦК, в Совмине, отдел культуры. Подстрочник сделал другой – Маканов.

В это время по-казахски переиздавался роман «Курляндия». Я написал: «Удержать из гонорара сумму, выплаченную Маркову». Немного затихло, но положение моё аховое – выпала трудная жизнь...

Однажды прихожу в издательство «Жазуши». Там один сидит Никита в большом зале. Стихи писал, журналист. Читает журнал «Москва», номер девять, рассказ, какой-то Юрий Казаков, «Арктур – гончий пёс» с посвящением Пришвину.

– Не знаю, но очень нравится. Оторваться не могу!

На следующий день он дал мне этот журнал. «Если этот Юрий Казаков сделает перевод, дам ему. Если нет, никогда переводиться не буду... Нет». Махнул рукой. Крест.

Вот искал Казакова. Консультант по казахской литературе при Союзе писателей СССР (мы вместе учились в институте) прислал его адрес. Молодой, недавно окончил Литинститут. Живёт в старом Арбате. Я ему написал. Он ответил: «Согласен переводить».

Семь лет я его ждал. Это пятьдесят седьмой, сентябрь. Шестьдесят четвёртый, октябрь – он сюда приехал.

...Будто злой рок преследовал всё, где был снят на киноплёнку Юрий Казаков. После смерти хозяина взломали дачу в Абрамцеве и не понятно зачем порезали в лапшу киноматериалы, что там хранились. Таково свидетельство Тамары Михайловны Судник, жены Юрия Павловича в течение десяти лет, матери его единственного сына Алексея. Но, по её же словам, в 1967 году болгарин Серафим Садиков снимал Казакова. Найти бы этот ролик...

Последний удар нанёс пожар в прошлом декабре, когда злоумышленники подожгли абрамцевский дом, чтобы завладеть опустевшим участком. Остались только печные трубы да металлическая кровать, в которой спали в детстве и Юра, и Алёша. Пепелище показало московское телевидение – сам смотрел прямой репортаж.

И точно известно, что на ТВ есть два любительских кадра с Юрием Казаковым (индекс 050040). Они были включены в фильм «Ни дня без строчки. Трава забвения», показанный каналом «Культура» 2 октября 2007 года.

Больше повезло фотографам – их много. Особенно у фотографов Центрального дома литераторов Николая Кочнева и Михаила Пазия. Постоянно снимали Казакова Вячеслав Мешков, Анатолий Фирсов и Ирина Стин. Есть также фото Виктора Лихоносова и Евгения Евтушенко. А отроческие годы – на карточках случайных любителей да безвестных ремесленников из московских ателье.

Попробуем выстроить этот период жизни Казакова – между пятнадцатью и тридцатью на фотографиях – от поисков своего призвания и до писательского признания.

В кадре – два снимка рядом: восемнадцатилетний Нурпеисов и пятнадцатилетний Казаков. Подверстаем следом ещё несколько, чтобы показать, как подросток становился юношей.

Голос автора:

– Разница в возрасте меньше трёх лет, но она весьма существенна. Абдижамил в сорок втором – солдат под Сталинградом. Рожденный в августе двадцать седьмого Юрий так и не попал в армию до дня Победы, хотя ровесники призывались. Его не брали из-за контузии и сильной близорукости – минус семь. Но лиха военного времени он хватил сполна. Работал, как только мог, помогал матери. Занимался в музыкальной школе при Гнесинке. Музыкальная одарённость проявилась рано, а учиться начал поздно. Оттого досталось осваивать контрабас...

Потом играл в кинотеатрах, клубах, на танцплощадках в парках – надо было как-то жить. Много читал. И вдруг потянуло писать самому.

«Дом Герцена» на Тверском бульваре – Литературный институт, чуть ли не единственный в мире, – надо же придумать такой! – вуз, где готовили писателей. Второй был еще в ГДР, в Лейпциге. Двор, утопающий в зелени вековых деревьев. Памятник издателю «Колокола».

Голос автора:

– Казаков поступил сюда в 53-м с антиамериканскими пьесами и спортивными очерками. Его приняли на заочное отделение. Уже в следующем году он перевёлся на очное, стал посещать творческий семинар забытого теперь прозаика Николая Замошкина. В 57-м в журнале «Октябрь» появилась первая публикация студента Юрия

Казакова. Особенно сильное впечатление произвели рассказы «На полустанке» и «Некрасивая». Редкий дар молодого писателя был замечен такими мэтрами, как Виктор Шкловский, Константин Паустовский, Вера Панова.

Известный литературный критик Лев Аннинский, на мой взгляд, проницательно рассмотрел истоки творчества Казакова:

«Странность казаковского присутствия, одновременно укорененного, русского, деревенского, и вместе с тем – «нездешнего», надмирного, музыкального, может, конечно, озадачить его биографов. Писатель, проложивший пути для русских «деревенщиков», – с детства не видывал деревни, он вырос «на арбатских дворах». Писатель, оставивший пленительные картины природы, с детства этой природы «в глаза не видел и не думал о ней», – он эту природу первоначально вычитал из книг в «тёмной, холодной и голодной Москве» военных лет. Писатель, одарённый уникальной литературной техникой, был практически первым литературно образованным человеком в своём роду, да и роду-то того было – всего два городских колена: семья рабочая, московская, а деда-бабки – из смоленских крестьян; дальше – вроде бы туман, родителей отделили рвом Беломорканала...Были только глухие намёки на 1937 год, и ведь на самом деле – ездил к отцу на поселение, и именно там «приобщился» к таёжной природе, к охоте; а что не афишировал – так плаха репрессивная на сознании лежала! Вот и получилось, что ни с землёй вроде бы связей никаких, ни с деревней. Всё получено – «из запредельности». Просторы и «зовы».

Конечно, не станет перед камерой Лев Александрович говорить по-писанному, но мыслей этих выношенных не минует.

Ущелье Медео. Бывший санаторий Совмина Казахстана. Горы. Внизу шумит неугомонная Алмаатинка.

Голос автора:

– Семь долгих лет приезжал сюда и подолгу здесь работал над переводом трилогии «Кровь и пот» Юрий Павлович Казаков.

Шуга Нурпеисова:

– Вот сегодня подумала, что я могла бы сказать, что общего между лириком, который писал рассказы, и эпиком, который пишет крупными формами. Думала, думала. Стала перечитывать рассказы

Казакова и стала прикидывать, что он писал бы, если б он дожил до наших дней, то есть вот какие темы он развивал бы, и что общего было бы между им и папой.

С Казаковым, я думаю, что там, ну, по просто по воспоминаниям папиным, думаю, возмущение там было беспредельное. Как так?.. Я такой большой мастер! Как ты смеешь мне возражать?..Что-нибудь доказать человеку невозможно. И в конце концов приходится искать какой-то компромисс. С Казаковым они находили его через музыку. У них было только слово и музыка.

Казаков, например, говорил, что не может простой пастух так сложно выражаться. Папа ему доказывал обратное. И тут я могу сказать как культуролог. Почему казахи приняли ислам, а русские – христианство?.. Поскольку оседлые народы, они принимают – им посылается та религия, которая закрепляется в визуальных образах: ну, например, иконы, архитектура храмов особая, скульптуры святых. У кочевых народов – у них этого нет. Им проще в музыке и в слове. И ведь это же естественно, что искусство слова у казахов в крови.

Перевод совершенный. В казахском есть фразы, где каждое слово начинается с одной и той же буквы. Это как бы поэзия в прозе. В русском такого Казаков не добивался. Наверно потому, что это казалось ему искусственным. Он даже говорил отцу: «То, что я недодам в одном месте, я восполню в другом».

Если спорить над каждой фразой, – роман огромный, – они бы никогда не кончили. Папа был тогда помоложе и поговорчивее. Если нет перевода, то тебя в общественном мнении широко как будто ещё и нет... А тут ещё терять такого переводчика хорошего, я думаю, его статус не позволял ему.

Я думаю, что, если бы Казаков жил сейчас, – у него человек обособлен, – настроение «Нестора и Кира», возможно, эти темы...Он потерял почву под ногами и обращал взор к Богу. Не случайно их с отцом потянуло друг к другу.

Бумажный лист, выползающий из каретки портативной пишущей машинки «Колибри», за которой работал Юрий Павлович.

Юрий Казаков – прозаику Эдуарду Шиму:

«Милый, мудрый Шим! Вспомнил я твой дом в моём изгнании, среди чуждых гор, и стало мне приятно от мысли, что если мне по-

стараться, то и у меня будет когда-нибудь такой же дом, то есть в смысле ухоженности и красоты земли...

Завидую я вам, чертям, что вы что-то своё царапаете, а мне вот надо своей кровью орошать пустыни Казахстана. Но что делать – последний том, верный заработок, верный, следовательно, хлеб и луковицы, и семена, и ремонты, и налоги, и всё остальное. А со своим ещё без денег насидишься, знаю я, как писать своё. Зато после Казахстана ни одной нации не подпущу к себе близко и вновь займусь изучением русского языка».

Январь, 1971 год.

Снимок Казакова. Он на нём, ка никогда, грустен.

Голос автора:

– Печальное признание мастера русской прозы, чья книга в 64-м была признана лучшей иностранной книгой во Франции, где младший современник Бунина Борис Зайцев назвал его продолжателем бунинской школы отечественной литературы.

В Италии же Юрий Казаков первый и до сих пор единственный из русских писателей был награждён медалью Данте и удостоен Дантовской премии.

Леонид Теракопян, заместитель главного редактора журнала «Дружба народов», как и тогда, когда там публиковалась трилогия, – фрагмент из статьи «Казахстанское притяжение» («ДН», номер 12 за 2006 г.):

«Как-то, будучи в Алма-Ате, в гостях у писателя, я захватил с собой в гостиничный номер объёмистую папку подстрочника романа «Кровь и пот». Начал читать – и сразу нахлынуло ощущение художественной мощи, соответствия текста авторскому оригиналу. Вся подготовительная работа была выполнена великолепным знатоком казахского языка, филологом, публицистом Герольдом Бельгером, которого с началом войны, ещё мальчишкой, депортировали из Поволжья в Казахстан. Как истинный, природный немец, он брался за любое дело основательно, капитально, не позволяя себе ни спешки, ни приблизительности. Так что Казакову было на что опереться. Говорю это отнюдь не в умаление его заслуг. Работа действительно филигранная. По фразам, акцентам, нюансам, интонации, по органическому вживлению в русскую речь красок

оттенков, свойственных степи, пустыне, прочим кочевым, кипчакским реалиям.

И опять же не лишнее уточнение. Весь этот труд – рука об руку с Нурпеисовым. Тот ни на шаг не отпускал от себя собственный текст, морщился при любой неточности, любом искажении звука, приглашал в арбитры Бельгера. Спорили, скандалили, вместе радовались находкам, совпадениям ритмов. И так на протяжении не месяцев, а лет».

Предварительная договорённость с Л.А.Теракопяном о съёмке есть. И, конечно же, я попрошу Леонида Арамовича не зачитывать опубликованный текст, но кратко изустно повторить самое существенное перед камерой.

Снова казаковская «Колибри». И из неё ползёт страница с очередным письмом – к Брышину, который тоже переводил с казахского:

«Сказать тебе что-нибудь определённое о технике перевода я не могу, так как сколько переводчиков, столько и методов перевода. Я переписывал Нурпеисова, стараясь всё-таки, чтобы это был Нурпеисов, а не Казаков. Подстрочник ни в коей мере не передаёт букву оригинала, но дух оригинала в подстрочнике всё же присутствует, и, уловив этот дух, можно довольно смело работать, не опускаясь, с одной стороны, до примитивизма подстрочника и, с другой стороны, не возвышаясь над автором... Не знаю, как тебе достанется перевод, а мне было тяжело. Халтурить душа не позволяла, и я, в сущности, как бы вновь писал роман, и времени уходило много, как на свой собственный».

Теперь в кадре опять появляется Абдижамил Нурпеисов:

– Как Казаков, не зная казахского языка, как переводил? Через подстрочник. Подстрочник делал ему Бельгер. Конечно, с моей помощью. Мы вместе с ним бок о бок делали подстрочник, приближённый к литературному. Казаков постоянно протестовал: «Ты мне представь глину. Подстрочник твоего немца, он меня по рукам и ногам сковывает». Я говорю: «Не могу. Если я представляю глину, бесформенную, безобразную, грязную, ты со своим характером, с мощным своим талантом обязательно совершишь расправу над моим текстом». Потом он согласился. А когда третью книгу переводил в горах Ала-Тау, дней десять не работал, выпивал всё время. Однажды

позвонил, голос такой сердитый, раздражённый: «Слушай, немедленно приезжай!» – «Что случилось?» – «Ничего. Приезжай!»

Приехал. Глаза красные, слезятся сквозь толстые роговые очки – линзеобразные стёкла, искры сквозь них сыпятся прямо...Сильнее заикается, чем обычно: «Десять дней здесь живу – ни одну строчку не перевёл. Слушай, ко мне привязались всякие прохиндеи и... и пьянчужки, они меня подпаивают. Вчера взял подстрочник твоего немца, – он никогда его фамилии не произносил, не хотел встречаться, поговорить и вообще не любил: немец, твой подстрочник, – я убедился, что есть такие страницы, где, при всём своём желании, никак ничего не могу сделать...»

Я говорю: «Возьми его тогда сопереvodчиком». А он тогда ещё больше: «Ладно. Езжай. С завтрашнего дня сяду».

Вы прочтите этот наш подстрочник, тогда вы убедитесь, в каком качестве наш подстрочник приближен к литературному. Лили Дени, она по выходу в «Дружбе народов» переводила прямо, не дожидаясь отдельного издания, она просила очень корректно, вежливо: «Нельзя ли, Абе, не дожидаясь перевода Юры, – уже две книги вышли, – прислать мне подстрочник?..» А я дрожу...Она написала: «Я не знала никакого затруднения. Сделала перевод хорошо. А интересно, как у Юры получилось?»

А Евтушенко и тому подобные, и Конечкий в том числе, они вот: «Казахский бай, Нурпеисов какой-то, эксплуатирует великого, выдающегося русского писателя Казакова». Единственный, кто заступался за меня, был Георгий Семёнов. Был такой хороший новеллист. Он считал себя учеником Казакова. Потому что читал подстрочник... Масса на этот счёт разных разговоров, нежелательных толков.

Уже знакомая зрителям «Колибри». Из письма Казакова – Георгию Семёнову, всё так же печатающегося у нас на глазах – тексты писем озвучиваются автором:

«Милый, милый Юрочка, ты небось думаешь, что я заканчиваю последнюю часть трилогии, и прощай Казахстан и Нурпеисов? Нет, мой милый, эти оба понятия беспредельны и бесконечны...»

Сейчас самое время дать слово Герольду Карловичу Бельгеру. К сожалению, мне не довелось встретиться с ним, когда я в последний раз был в Алматы. Он находился в клинике после инфаркта. Читал

его воспоминания «Я сын казахского аула», «Заметки последнего казах», «Энергию оригинала» и мог бы **своевольно** представить, что он станет говорить об обсуждаемой в фильме **проблеме**. Но не лучше ли послушать самого Бельгера, тем более, **что**, по моим сведениям, он справился с болезнью.

И, точно подхватывая полемику, появляется Анатолий Ким:

– Представлять меня как преемника, **продолжателя** Казакова-переводчика нет никакого основания. Нет, **языком** я не владею. У меня кровь азиатская и психика тоже.

А вы знаете, все великие переводы – «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Дон Кихот» и другие со старофранцузского, староиспанского, староитальянского Любимова Николая Михайловича сделаны не по оригиналу, но замечательно переведены. Я с ним дружил.

Я тогда учился в Литературном институте. Это было начало 70-х годов. И однажды появилось объявление в вестибюле, что будет встреча с Юрием Казаковым. Я тогда, конечно, пошёл с таким большим волнением. У меня всегда интимное отношение к писателю. И тогда в зале оказалось очень много студентов. И моё интимное отношение к любимому писателю как-то само собой складывалось. И студенты, с которыми никогда не разговаривал раньше, были там и воспринимали его с трепетом, как я: словом владеет, интимность, скромность человеческая и писательская. Обычные герои – несчастные мужчины и женщины. Так состоялась моя встреча с Юрием Казаковым. Он стал моим любимым, интимным писателем. И после его смерти, а у нас, в России, посмертная известность больше, чем прижизненная. Его имя стало уже классическим. Он занял место в пантеоне русской классики.

И в то же время я познакомился с одним человеком, который имел дачу в Абрамцеве. И этот человек мне рассказал, что вот Юрий Казаков перевёл роман Нурпеисова «Кровь и пот» и купил дачу в Абрамцеве. Так до меня дошла информация: Нурпеисов и Казаков.

Прошло ещё какое-то время, и как-то тоже взялся за переводческую работу. Но я брался только за переводы азиатов, чья психология такая же, как у меня, близки. Но они мало открываются европейцам. Казахи – они абсолютно как свои.

Мои переводы были успешными. И об этом узнал Нурпеисов. И он в Москве меня нашёл. А я был на самом взлёте собственной карьеры – пришла ко мне известность после «Белки». Я отказался от всяких переводов. Он издал в переводе Бельгера.

И через двенадцать лет он меня нашёл снова и стал меня сильно уговаривать. Я тогда поразился верности этого писателя: «Никого другого не хочу!»

Я составил заново, основываясь корректно на переводе Бельгера, новый подстрочник. А вторую часть – самостоятельно. До этого мне все казахские писатели представлялись в переводах одним писателем: средненький писатель с этнографией, социальный заказ, безликость. И когда я увидел, что этому роману грозит такая же заурядная участь, я согласился переводить.

И уже знал, что если я прочитаю перевод «Крови и пота», сделанный Казаковым, моим любимым писателем, то я окажусь под сильным его влиянием или должен буду отказаться, потому что так не смогу. Я оказался бы в плену неопределённых обстоятельств. И до сих пор не прочитал. Такова моя исповедь.

Тем не менее то, что я после Казакова стал переводить другие произведения Нурпеисова, – так и в судьбу мою вошёл... Я однажды даже какое-то время переводил в санатории, правда, недолго, в том самом месте, где долго жил и работал Юрий Павлович. Но самое главное – я получил премию Казакова за выдающийся перевод от Казахского Пенклуба. Вот опять мы с ним, да, сошлись...

Голос автора:

– В 1974 году, без преувеличения именно благодаря казахской работе, Госкомитет по премиям смог по достоинству оценить трилогию Нурпеисова. Ей была присуждена Государственная премия СССР. И все иноязычные издания, где б они ни появлялись, выходили со ссылкой – «перевод с русского».

Однотомник рассказов Юрия Казакова «Ночь» – серебряная луна и тёмный глухарь в зарослях на синем фоне.

Абдижамил Нурпеисов:

– Там, в книге Юрия Казакова, которую мы издали в Казахстане, я поместил свои воспоминания о нём. А названия не давал. Издательство само дало – «Дорогой Юрий...» И, действительно, я о нём

– о своём Юре, о Юрии Павловиче, кроме как о великом, непростом, непривычном, о моём дорогом, милом без волнения я что-нибудь говорить не могу. Я очень сдержанный...

В шестьдесят восьмом году, в мае, приехали две женщины из Парижа. Моя переводчица Лили Дени, блестящая переводчица, художник-переводчица и Анн Филип, жена знаменитого киноактёра, журналистка.

Лили говорит:

– Повези меня в самое лучшее место, которое тебе нравится.

Мы сели в «волгу» и поехали к Капчагаю. Там овраг небольшой. Одно единственное дерево. Синее безоблачное небо. Дерево, и соловей издаёт свои трели – постоянно заливается своей трелью. А кругом – зелёный ковёр.

Овраг для степняка – это великая находка. У Абая есть стихотворение: «Овраг – это красота аула, где журчит весенняя талая вода».

Одинокое дерево с тех пор стало старше на сорок лет. Но трепещет свежая майская листва на лёгком ветру.

Информационная поддержка

КУЛЬТУРА

СЕЛЕКТИВ XXI

«СЕЛЕКТИВ XXI» – быстроразвивающаяся компания, одна из лидеров среди крупнейших дистрибьюторов селективной парфюмерии и косметики.

Компания создана в 2003 году как эксклюзивный представитель парфюмерии Jean Paul Gaultier, Issey Miyake и Narciso Rodriguez на территории РФ. На сегодняшний день наши марки представлены более чем в 400 лучших магазинах России.

В числе основных партнеров компании: Арбат Престиж (ARBAT PRESTIGE), Дуглас (DOUGLAS), Иль де Ботэ (ILE DE BEAUTE), Стокманн (STOCKMANN), Артиколи (ARTICOLI), Рив Гош (RIVE GAUCHE), ЦУМ (TSUM) и другие.

«Селектив XXI» обеспечивает своих клиентов полным комплексом рекламной поддержки. Тестеры, оригинальные дисплеи, подарки для клиентов, пробники на продукцию всегда присутствуют на стендах марок компании. В компании работают более 60-ти компетентных консультантов, которые всегда готовы помочь покупателю. Регулярно устраиваются конкурсы для продавцов и администрации магазинов, победители получают специальные призы.

Ежегодно компания выступает в качестве основного парфюмерного спонсора Международного балетного конкурса *Vennois de la Danse*, проходящего на сцене Большого театра России. Еще одна из сложившихся традиций – спонсорская поддержка самого престижного события столичной жизни – Венского бала в Москве, на который ежегодно собираются все самые известные представители высшего общества России.

LUXURY PRODUCTS

NEW YORK

Искусство ухаживать...

LUXURY PRODUCTS, NEW YORK — ИСКУССТВО УХАЖИВАТЬ...

«LUXURY PRODUCTS, NEW YORK» представляет эксклюзивную линию натуральных гипоаллергенных средств для бережного ухода за одеждой, обувью, аксессуарами и предметами домашнего обихода Premium класса.

Для того чтобы красота даже самых изысканных вещей не поблекла, специалисты, участвовавшие в разработке коллекции **Chanel и Ralph Lauren Home Collection**, создали специальную линию средств для ухода за дорогой одеждой в домашних условиях.

Практичность и стремление к красоте и стилю — именно в таких условиях создавалась коллекция. Средства от «Luxury Products, New York» — это выбор современного жителя мегаполиса, который заботится о своем здоровье и красоте.

В 2006 г. продукция «LUXURY PRODUCTS, NEW YORK» вышла на Российский рынок. За короткое время уникальные средства приобрели популярность и признание среди российских покупателей. Вскоре появились средства по уходу за кожей и замшей The Leathercrafter и моющие средства для детской посуды The Nanny.

Сегодня покупатели могут приобрести весь ассортимент в лучших торговых домах и бутиках России и СНГ: **АТИКОЛИ, ЦУМ, ГЛОБУС ГУРМЭ, СТОК-МАНН, АЗБУКА ВКУСА, СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА.**

как делают кино и телевидение
журнал для специалистов

PROSYSTEM Guide

Выпуск 5 [23] 2008

Путеводитель по рынку профессионального оборудования для телевидения, кинематографии, видео- и аудиопроизводства

ПРОСВЕЩЕНИЕ
И СНАБЖЕНИЕ

ОБРАТА
КАК АРСЕНАЛ КАНАЛИСТОВ

ТЕСТЫ КАМЕРЫ

AVC - НОВЫЙ КЛАСС

СТАНДАРТ MPEG-4 AVC
ПРОЦЕССОРЫ

SONY GSP - ПОДГОТОВКА
В СЕРВИСНОМ ЦЕНТРЕ

THOMSON CA 8500 -
КАМЕРА SUPER SLOW MOTION

ПЕЧЬ ДЛЯ СЕРВИСНОГО ЦЕНТРА

HD

ТЕМА ВЫПУСКА

Министерство культуры Российской Федерации

Компания «АртЛинкИнтер»

Конкурс на лучшую сценарную композицию

«Россия вне России»

Компьютерная верстка – Кузнецов А.А.

Корректор – Литвинова Е.Е.

Подписано в печать 2008 г.

Формат 70x100/16

Гарнитура «Calibri»

Бумага офсетная.

Усл. печ. 8,75 л.

Тираж 500 экз.

«ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва,

ул. Большая Никитская, д. 50/5,

тел.: 690-67-19,

www.uniki.ru

